

СП6ГУ

ET 5222

Nome Albe Use pada' canoes

Plc, a venial... Not many many...

odposobivenu' papad Bo benyrams

U ammy nedhara npsid' J
Uware

P4395

CT67

СПбГУ

815222.

БАСНИ

ИВАНА КРЫЛОВА.

ВЪ ОСЬМИ КНИГАХЪ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ, ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ.

Изданіе въ книгопродавца Смирдина.

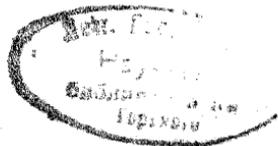
Цена въ С. Петербургѣ и Москвѣ 4 руб., съ пересылкою въ города
5 РУБЛЕЙ АССИГНАЦІЯМИ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра Смирдина.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаиіи предспавлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 26 Марта 1853 года.

Ценсоръ, О. Сенковскій.

БАСНИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ швердили миру,
Что лещь гнусна, вредна; но шолько все не впрокъ,
И въ сердцѣ льщець всегда опьщещь уголокъ.

Воронѣ гдѣ-шо Богъ послалъ кусочикъ сыру;

На ель Ворона взгромоздась,

Позавиракашь было совсѣмъ ужъ собралась,

Да позадумалась, а сыръ во рпу держала.

На пу бѣду Лиса близехонько бѣжала.

Вдругъ сырный духъ Лису ошпановилъ:

Лисица видилъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.

Плушковка къ дереву на цыпочкахъ подходишь;

Вершинъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводишь,

И говоришь шакъ сладко, чупь дыша:

— «Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказываешь, шакъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій бышь долженъ голосокъ.
Спой, свѣшкѣ, не спыдись!—Что, ежели, сесприца,
При красотѣ шакой, и пьшь пы масперница,
Вѣдь пы бѣ у насъ была царь-пшница!» —
Вѣщуньяна съ похвалѣ вскружилась голова,
Опѣ радоспи въ зобу дыханье сперло, —
И на привѣштливы Лисцъшы слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сырѣ выпаль — съ нимъ была плушовка шакова!

II.

ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Съ Троспшнкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— «Поиспниѣ, рошшапъ пы въ правѣ на природу,»
Сказалъ онъ: «воробей, и пошпъ шебѣ пшжель.
Чушь легкій въперокѣ подернешп рѣбыю воду,
Ты зашапашешся, начнешп слабѣшь,
И шакъ нагнешся сиропливо,
Что жалко на шебя смопрѣшь.
Межъ шѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не шолько солнца я препяпшпшвую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрѣмъ, и грозамъ,

Спою и швердь, и прямь,
Какъ будно бѣ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажешся зэфиромъ.

Хощя бѣ ужъ шы въ окружности росла,
Гуспою шѣнно въшвей монхъ покрышой,
Ошъ непогодъ бы я бышь могъ шебѣ защишой;

Но вамъ въ удѣлъ природа опшела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣшь совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.»

—«Ты очень жалоспмивъ,» сказала Троспъ въ опшѣпъ:
«Однако не крунись: мнѣ сполько худа нѣшь.

Не за себя я вихрей опасуюсь;

Хощъ я и гнусь, но не ломаюсь:

Такъ бури мало мнѣ вредящъ;

Едва ль не болѣ шебѣ онѣ грозящъ!

То правда, чпо еще доселѣ ихъ свирѣпоспъ

Твою не одолѣла крѣпоспъ,

И ошъ ударовъ ихъ шы не склонямъ лица.

Но подождемъ конца!» —

Едва лишь эпо Троспъ сказала,

Вдругъ мчнпся съ сѣверныхъ споронъ

И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.

Дубъ держнпся, — къ землѣ Троспннчка припала.

Бушуешъ въшрѣ, удвоилъ силы онѣ,

Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонѣ

Того, кпо небесамъ главой своей касался

И въ обласни шѣней ппшою уштрался.

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ опкушапъ;
Но умысль другой шупъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушапъ.
Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого кто силы спало.
Въ ухахъ у гостя запрещало
И закружилась голова.

— «Помилуй ны меня,» сказалъ онъ съ удивленьемъ:
«Чѣмъ любовашься шупъ? Твой хоръ
Горланипъ вздоръ.»

— «То правда,» опвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ:
«Они немножечко дерушъ;
За шо ужъ въ ропъ хмельнаго не берушъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.» —

А я скажу: по мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣлю разумѣй.

IV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата жили,
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно шамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролешало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну, кажешся, куда бъ хошьшь

Или опть милой, или опть друга?

Ишьть, вздумалъ спранспивовашъ одинъ изъ нихъ —
лешъшь,

Увидъшь, осмошрѣшь

Диковинки земнаго круга,

Ложъ съ испишкой сличишь, повзришь быль съ молвой.

— «Куда ты,» говоришь сквозь слезъ ему другой:

« Чпо пользы пдъ свѣну насканься?

Иль съ другомъ хочешь ты распанься?

Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,

Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны,

И все, чѣмъ спранспивія опасны!

Хошь подожди весны лешъшь въ шакую даль:

Ужъ и тебя тогда удерживанъ не буду.

Теперь еще и кормъ и скуденъ шакъ, и малъ,

Да, чу! и воронъ прокричалъ:

Вѣдь оно вѣрно къ худу.

Оспанься дома, милый мой!

Ну, намъ вѣдь весело съ побой!

Куда жъ еще тебѣ лептѣшь, не разумью;

А я шакъ безъ тебѣя совсѣмъ осиропѣю.

Силки, да коршуны, да громы шолько мнѣ

Казашься будушъ и во снѣ.

Все спану надъ побой бояшья я несчастья.

Чушь пучка лишь надъ головой,

Я буду говоришь: ахъ! гдѣ-шо брашець мой?

Здоровъ ли, сышъ ли онъ, укрышъ ли онъ опъ

ненаспья?» —

Распрогала рѣчь эша Голубка;

Жаль брашца, да лептѣшь охона велика:

Она и разсуждашь, и чувснвовашь мѣшаешъ.

— «Не плачь, мой милый,» шакъ онъ друга упѣшаешъ.

«Я на ипри дня съ побой, не больше, разлучусъ.

Все наскоро въ пуши замѣчу на полешъ,

И осмопрѣвъ, чшд ешь диковинтѣй на свѣшъ,

Подъ крыльшкко къ дружкку назадъ я ворочусъ.

Тогда-шо будешъ намъ о чемъ повешъ словечко!

Я вспомню каждый часъ и каждое мѣшечко;

Все раскажу: дѣла ль, обычай ли какой,

Иль гдѣ какое видѣль диво.

Ты, слушаая меня, предспавишь все шакъ живо,

Какъ будшо бъ самъ лепалъ шы по-свѣпу со мной.» —

Тушъ — дѣлашь нечего — друзья поцѣловались,

Проспались и разспались.

Вошъ спранникъ нашъ лепишь; вдругъ въ вспрѣчу

дождь и громъ;

Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣешь степь кругомъ.
Гдѣ дѣишься? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался.

Кой-какъ утѣвзвился, прижался

Къ нему нашъ Голубокъ;

Но ни онъ въпра онъ укрыться пушъ не могъ,
Ни онъ дожда спасшися: весь вымокъ и продрогъ.

Ушихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье подзываетъ бѣдняжку даль спало.

Вспряхнулся и лепинтъ,—лепинтъ и видишь онъ:

Въ заглуши подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.

Спустился — въ сѣни пушъ попалась наша пшичка!

Бѣды со всѣхъ споронъ!

Тренещеся онъ, рвещя, бѣщя;

По счастью, съшь спара: кой-какъ ее прорвалъ,

Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;

Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несещя.

Вошь, пуще пошъ бѣды, бѣда надъ головой!

Ошколь ни взялся яспребъ злой.

Не взвидѣль съвѣша Голубъ мой!

Ошъ яспреба изъ силъ послѣднихъ машещъ.

Ахъ, силы вкорошкъ! совсѣмъ испощены!

Ужъ когпи хищные надъ нимъ распущены;

Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ

пашещъ...

Тогда орель, съ небесъ направа свой полещъ,

Ударилъ въ яспреба всей силой —

И хищникъ хищнику доспался на обѣдъ.

Межъ шѣмъ нашъ Голубъ милой,

Внизъ камнемъ ринувшися, прижался подъ плешнемъ.

Но пѣть еще не кончилось на немъ:

Одна бѣда другую накликаешъ.

Ребенокъ, черенкомъ намъпя въ Голубна

— Сей возрастъ жалоспи не знаешъ —

Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.

Тогда-по справникъ нашъ, съ разбишой головою,

Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнушой ногою,

Кляня охону видѣшь свѣшь,

Помелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.

Счастливъ еще: его шамъ дружба ожидаешъ!

Къ опрадъ онъ своей,

Услуги, лекаря и помощь видишь въ ней;

Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываешъ.

О вы, копорые объѣхашъ Свѣшь вокругъ

Желаніемъ горише!

Вы эту басеньку прочпите,

И въ дальній пущъ шакой пускайшеса не вдругъ.

Чндъ бъ ни сулило вамъ воображенъе ваше;

Но, вѣрьше, шой земли не сыщете вы краше,

Гдѣ ваша милая, или гдѣ живешъ вашъ другъ.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Запѣяла сама въ дороспѣвѣ съ нимъ сравняпсья:

Она завислива была. 9.

И ну попорципсья, пыхпѣпсь и надувапсья.

— «Смопри-ка, Квакушка, чпо, буду ль я съ него?»

Подругѣ говорипсь. — «Нѣпсь, кумушка, далеко!»

— «Гляди же, какъ пеперь раздуоусь я широко.

Ну, какво?

Пополнилась ли я?» — «Почпи чпо ничего.»

— «Ну, какъ пеперь?» — Все пожь». — Пыхпѣла да
пыхпѣла,

И кончила моя запѣйница на помѣ,

Чпо, не сравнивапсья съ Воломъ,

Съ напуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ шакой на свѣпсь не одинъ:

И диво ли, когда жипсь хочепсь мѣщанипсь,

Какъ именпный граждапнпсь,

А сошка мелкая, какъ знапный дворяпнпсь?

VI.

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ съшь поспавиль,
И на погибель имъ Москву оспавиль:
Тогда всѣ жипели, и малый, и большой,
Часа не шрапя, собралися,
И вонъ изъ спяль Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья ичелиный рой.
Ворона съ кровли шущъ на эпу всю шревогу
Спокойно, чиспя носъ, глядишь.
— «А шы, что жъ, кумушка, въ дорогу,»
Ей съ возу Курица кричишь:
«Вѣдь говоряшь, что у порогу
Нашъ супоспапъ.»
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщуныя ей въ ошвѣпъ: «я здѣсь оспанусь съблю.
Вопъ, ваши сеспры какъ хопяпъ;
А вѣдь воронъ ни жаряпъ, ни варяпъ:
Такъ мнѣ съ госпъми не мудрено ужипься,
А можешъ бышь, еще удастся поживипься
Съркомъ, иль коспочкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, Хохлапчка, счастливый пушь!» —
Ворона подлинно оспалась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,

Какъ голодомъ морить Смоленскій спалъ госпей —
Она сама къ нимъ въ сунъ попалась.

Такъ часно человекъ въ расчешахъ слышь и глушь.
За счастьеемъ, кажешся, шакъ по пятамъ несешся:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочпешся —
Попался, какъ ворона въ сунъ!

VII.

ЛАРЧИКЪ.

Случаешся не рѣдко намъ
И шрудъ и мудроснь видѣшь шамъ,
Гдѣ спдишь шолько догадашся,
За дѣлю проспо взяшся.

Къ кому-шо принесли онъ маспера Ларець.
Опдѣлкой, чиспоной Ларець въ глаза кидался;
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вонь входить въ компану Механики мудрець.
Взглянулъ на Ларчикъ, онъ сказалъ: — «Ларець
съ секретномъ;

Такъ онъ и безъ замка;

А я берусь онкрышь; да, да, увѣренъ въ эпомъ;

Не смѣйнешь шакъ исподнишка!

Я опыщу секретъ, и Ларчикъ вамъ онкрою:

Въ Механикъ и я чего нибудь да спою.» —

Вопль за Ларець принялся онъ:

Вершишь его со всѣхъ споронь,

И голову свою ломаешь;

То гвоздикъ, по другой, по скобку пожимаешь.

Тупь, глядя на него, иной

Кадаешь головой

Ть шепчущся; а пть смѣются межъ собой.

Въ ухахъ лишь полько опдаешь:

Не шупь, не шакъ, не шамъ. Механикъ пуще рвется.

Поньль, поньль; но наконецъ успаль,

Опъ Ларчика опспаль,

И какъ опкрышь его, никакъ не догадался:

А ларчикъ проспо опкрывался.

УШ.

МОРЬ ЗВЪРЕЙ.

Люпѣйшій бичь небесъ, природы ужась, морь

Свирѣисшвуешь въ лѣсахъ. Уныли звѣри.

Въ адъ распахнулись наспежь двери:

Смерть рыщешь по полямъ, по рвамъ, по высямъ горь:

Вездъ размешаны ея свирѣисшва жершвы.

Неумолимая, какъ сѣно косишь ихъ.

А пть, кошорые въ живыхъ,

Смерть видя на носу, чушь бродящъ полумершвы:

Перевернулъ совсѣмъ ихъ спрахъ.

Тѣ жъ звѣри, да не шѣ въ великихъ сполъ бѣдахъ:

Не давишь волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ;

Миръ курамъ давъ лиса, поспиши въ подземель:

Имъ и ѣда на умъ неидешъ.

Съ голубкой голубъ врозъ живешъ,

Любви въ поминъ больше нѣтъ:

А безъ любви какое ужъ веселье!

Въ семь горъ на совѣщъ звѣрей сзываетъ Левъ.

Тащанся шагъ за цагъ, чушь держанся въ нихъ души.

Сбредлись, и въ пшениѣ, царя вокругъ обсѣвъ,

Успавили глаза и приложили уши.

— «О, други!» началъ Левъ: »по множеству грѣховъ

Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;

Такъ пошъ изъ насъ, кшо всѣхъ виновенъ болъ,

Пускай по доброй волѣ

Опдасъ себя на жершву имъ!

Бышъ можешъ, чшо богамъ мы эшимъ угодимъ,

И шеплое усердье нашей вѣры

Смягчипъ жеспокосъ гнѣва ихъ.

Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,

Чшо добровольныхъ жершвъ шакихъ

Бывали многіе въ Испоріи примѣры?

И шакъ, смиря свой духъ,

Пусшъ исповѣдуешъ здѣсь всякой вслухъ,

Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно, или невольно.

Покаемся, мон друзья!

Охъ, признаюся — хопъ эшо мнѣ и больно —

Не правъ и я!

Овечекъ бѣдненькихъ —зачпо?— совсѣмъ безвинно

Дираль безчинно;

А иногда — кпо безъ грѣха? —

Случалось, драмъ и паспуха:

И въ жершву предаюсь охонно.

Но лучше бь намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечеспъ

Свои грѣхи: на комъ ихъ боль еспъ,

Того бы въ жершву и принеспъ —

И было бы богамъ по болѣе угодно.»

—«О, царь нашъ, добрый царь! Онъ лишней доброшпы,»

Лисца говоритъ: «въ грѣхъ эшо спавишь ны.

Коль робкой совѣсни во всемъ мы спанемъ слушапъ,

То придемъ съ голоду пропаспъ намъ наконецъ;

Припомъ же, нашъ ошецъ!

Повѣрь, чпо эша чеспъ большая для овецъ,

Когда ны ихъ изволишь кушанъ.

А чпо до паспуховъ, мы все здѣсь бьемъ челомъ:

Ихъ чаще шакъ учипъ — имъ эшо по-дѣломъ.

Безхвостый эшопъ родъ лишь глупой спѣсью дышешъ.

И нашими себя вездѣ царями пишешъ.» —

Окончила Лиса; за ней, на шопъ же ладъ,

Льспецы Льву поже говоряпъ,

И всякой доказанъ спѣшипъ наперехванъ,

Чпо даже не въ чемъ Льву просипъ и оншущенъ.

За Львомъ Медвѣдь, и Тигръ, и Волки въ свой чередъ,

Во весь народъ

Повѣдали свои смиренно погрѣшенъ;

Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ

Никто и шевелишь не смель.

И все, кто были шумь богаты

Иль когнемь иль зубкомь, шь вышми вонь

Со всех споронь

Не только правы, чухь не свяпы.

Вь свой рядь смиренный Воль имь шакь мычипь:

— «И мы

Грешны. Тому лешь пашь, когда зимой кормы

Намь были худы,

На грехь меня лукавий напюквуль:

Ни опь кого себь найши не могли ссуды,

Изь снога у попа я клокъ сьнца спянуль.» —

При сихь словахь поднялся шумь и шолки;

Кричашь Медведь, Тигры, Волки:

— «Смопри, злодйй какой!

Чужое сьно вьспь! Ну, диво ли, чшо боги

За беззаконие его къ намь сполько спроги?

Его безчинника, сь роганой головой,

Его принесшь богамь за все его проказы,

Чшобь и шьла намь спасшь, и нравы опь заразы!

Такь, по его грехамь у нась и морь шакой!» —

Приговорили —

И на кошерь Вола взвалили.

И вь людяхь шакже говорять:

Кшо посмирнйй, шакь шолть и виновашь.

IX.

**ПЬТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ
ЗЕРНО.**

Навозну кучу разрывая,
Пьпухъ нашель Жемчужное Зерно,
И говоришь: — «Куда оно?
Какая вещь пусная!
Не глупо ль, что его высоко шакъ цѣняшь?
А я бы, право, былъ гораздо боль радъ
Зерну ячменному: оно не споль хошь видно,
Да съшно.» —

Невѣжи судяшь почно шакъ:
Въ чемъ шолку не поймушь, шо все у нихъ пуснякъ.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смѣшляла жениха.

Тупѣ нѣтъ еще грѣха;

Да вопѣ чпо грѣхъ: она была спѣсива.

Сьщи ей жениха, чшобѣ былѣ хорошѣ, умѣнѣ,

И въ ленпахѣ, и въ чеспи, и молодѣ былѣ бы онѣ

(Красавица была немножко прихотлива):

Ну, чшобы все имѣлѣ. Кпо жѣ можешѣ все имѣлѣ?

Еще и шо замѣлѣ,

Чшобы любилѣ ее, а ревновашѣ не смѣлѣ.

Хошѣ чудно, шолько шакѣ была она счаслива,

Чпо женихи, какѣ на опборѣ,

Презнашные кашили кѣ ней на дворѣ.

Но въ выборѣ ея и вкусѣ и мысли шонки:

Такіе женихи другимѣ невѣстамѣ кладѣ;

А ей они на взглядѣ

Не женихи, а женишонки!

Ну, какѣ ей выбирашѣ изѣ эшихѣ жениховѣ?

Топѣ не въ чинахѣ, другой безѣ орденовѣ;

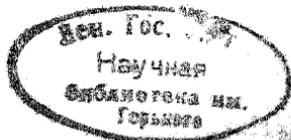
А шонѣ бы и въ чинахѣ, да жаль, карманы пусшѣ;

То носѣ широкѣ, шо брови гусшѣ;

Тупѣ эшакѣ, шамѣ не шакѣ;

Ну, не придепѣ никпо по мысли ей никакѣ.

Посмолкли женихи, годка два перепали;

8903

Другіе новыхъ свахъ засмали:
Да полько женихи середней ужъ руки.
«Какіе проспаци!»
Твердишь красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ зашвы не у мѣста!
И не шакихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ эшихъ чудаковъ?
Какъ будно бѣ я себя замужствомъ поропила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничушь не тяжела:
День весела, и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинушья ничушь мнѣ не приспойно.» —
Толпа и эша улыла.
Попомъ, опказы слыша пѣ же,
Ужъ спали женихи наверхивашься рѣже.
Проходишь годъ,
Никпо нейдѣпъ,
Еще минуль годокъ: еще улыль годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никпо не плѣпъ.
Вопъ наша дѣвушка ужъ спала дѣвой зрѣлой.
Зачнепъ счишашь своихъ подругъ
(А ей счишашь большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будно позабыли.
Закралась грусь въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывашь ей спало,
Чпо каждый день, а чпо нибудъ
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца вѣпъ; памъ живоспи въ глазахъ;

Умилны ямочки пропали на щекахъ;
Веселоспъ, рѣзвоспи, какъ будшо ускользнули;
Тамъ волоска два-птри съдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ споронъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелеспно;
Опъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало пѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовущъ ужъ на боспонъ!
Вопъ шупъ стѣсивица перемѣняешъ понъ.
Разсудокъ ей велипъ замужснвомъ шоронипься:

Переспаетъ она гордипья.

Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядишъ,
А сердце ей за насъ всегда свое пвердишъ.

Чшобъ въ одиночеспвѣ не кончипъ вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не опщвѣла,
За перваго, кто къ ней присвапался, пошла:

И рада, рада ужъ была,

Чшо вышла за кольку.

XI.

ВОЛКЪ И ЯГНЕНОКЪ.

У сильного всегда бессильный виноватъ:
Тому въ Испоріи мы шму примеровъ слышимъ.

Но мы Испоріи не шпиемъ;

А вопъ о шомъ, какъ въ Басняхъ говоряшъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напипья;

И надобно жь бѣдѣ случисься,
Что около пѣхъ мѣснѣ голодный рыскаль Волкъ.
Ягненка виднѣ онъ, на добычу спремнѣ;
Но, дѣлу дашь хопя законный видъ и полкъ,
Кричнѣ: — «Какъ смѣешь пы, наглець, нечиспнѣмъ
рыломъ»

Здѣсь чисное мушнѣ ннѣ

Мое

Съ пескомъ и съ пломъ?

За дерзоснѣ шакову

Я голову съ шебя сорву.»

— «Когда Свѣшлѣннѣ Волкъ позволишь,

Осмѣлюсь я донеснѣ, что ниже по ручью

Опъ Свѣшлоснѣ его шаговъ я на спо пью;

И гнѣвалнѣя напрасно онъ изволишь:

Пнѣ мушнѣ ему никакъ я не могу.»

— «По эшому я лгу?

Негоднѣ! слыхана ль шакая дерзоснѣ въ свѣшъ!

Да помннѣся, что пы еще въ запрошломъ лѣшъ

Мнѣ здѣсь же какъ-шо нагрубилъ:

Я эшого, прнѣшель, не забылъ.»

— «Помилуй, мнѣ еще и опъ роду нѣшъ году.»

Ягненокъ говоришь. — «Такъ эшо былъ пшвой брапъ.»

— «Нѣшъ брапшевѣ у меня.» — «Такъ эшо кумъ иль свапъ,

И словомъ, кшо ннѣбудъ изъ вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши паспухи,

Вы все мнѣ зла хопннѣ,

И если можете, шо мнѣ всегда вредннѣ;

Но я съ шобой за ихъ развѣдаюсь грѣхн.»

— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?» — «Молчи! уснись я слушаю.
Досугъ мнѣ разбираю вины пивой, щенокъ!
Ты виноватъ ужь пьемъ, что хочешь мнѣ кушай», —
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

ХІІ.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлишь помѣстья спали,
Кому-то и Парнасъ тогда опмезевали.
Хозяинъ новый спалъ пасши на немъ Ословъ.

Ослы, не знаю какъ-то, знали,
Что прежде Музы шупъ живали,
И говорятъ: «Не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.

Знашь, Музы събшу надобли,
И хочешь онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.

Смотрише же,» кричипъ одинъ: «не унывай!

Я запишу, а вы не опсшавай!

Друзья, робѣшь не надо!

Прославимъ наше спадо,

И громче девяти сестѣрь

Подыместъ музыку и свой соспавимъ хоръ!

А чтобы нашего не сбили съ полку братсшва,

То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль пѣшь въ чьемъ голось ослинаго пріащства,
Не принимаешьъ пѣхъ на Парнась.» —
Одобрили Ослы ослово
Красно-хипро-сплешенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ шакую дичь занѣсь,
Какъ будто пронулся обозъ,
Въ копоромъ пшисяча немазаныхъ колѣсь.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, пошерявъ шерпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвь.

Мнѣ хочешся, невѣжамъ не во гнѣвь,
Весьма спаринное напомнишь мнѣнье:
Чно если голова пуща,
То голову ума не придадуть мѣща.

ХІІІ.

ЛЕВЪ И КОМАРЪ.

Безильному не смѣйся
И слабого обидѣшь не моги!
Мспящъ сильно иногда безильные враги:
Такъ слишкомъ на свою пшю силу не надѣйся!

Послушай Басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спѣсь наказанъ Комаромъ.

Вошь, что я слышалъ спорною:

Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара: обиды не сдержавъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ рашникъ, самъ прубачъ, пицишь во всю горлянку
И вызываешь Льва на смертоносну брань.

Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутишь:

То съ пылу, шо въ глаза, шо въ уши Льву онъ
шрубашъ,

И, мѣсто вымошрѣвъ и время улуча,

Орломъ на Льва пущимся,

И Льву въ креспецъ всемъ жаломъ впился.

Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на прубача.
Увершилъ нашъ Комаръ, да онъ же и не шрусилъ:
Льву сълъ на самый лобъ и Львину кровь соселъ.
Левъ голову крушилъ, Левъ гривую шрясетъ;

Но нашъ герой свое несетъ:

То въ носъ забьется Льву, шо въ ухо Льва укушилъ.

Вздурился Левъ,

Преспранный поднялъ ревъ;

Скрежещетъ въ ярости зубами

И землю онъ деретъ когшями.

Онъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;

Спрахъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все крещетъ, бѣжитъ:

Онколь у всѣхъ взялися ноги,

Какъ будто бы пришелъ пошопъ, или пожаръ.

И кто жъ? Комаръ

Надѣмалъ сполько всемъ превоги.
Рвался, мепался Левъ, и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насыпилъ злоспъ Комаръ; Льва жалуешъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ спановишся Омпромъ,
И самъ
Лешинъ прубишъ свою побѣду по лѣсамъ.

XIV.

ОРАКУЛЬ.

Въ какомъ-шо капищѣ былъ деревянный богъ,
И спалъ онъ говоришъ пророчески ошвѣшъ,
И мудрые давашъ совѣшъ.
За шо, ошъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и серебромъ и златомъ,
Споялъ въ нарядъ пребогатомъ,
Заваленъ жершвами, мольбами заглушенъ,
И еиміамомъ задушенъ.
Въ Оракула все въряшъ слѣпо;
Какъ вдругъ, о чудо, о позоръ!
Заговорилъ Оракуль вздоръ:
Спалъ ошвѣчашъ нескладно и нелѣпо;
И кшо къ нему зачѣмъ ни подойдешъ,
Оракуль нашъ чшо молвишъ, шо соврешъ;

Ну шакъ; чшо всякой дивовался,
Куда пророческій въ нёмъ даръ дѣвался!

А дѣло въ шомъ,
Чшо идолъ былъ пуспой, и саживалнсь въ нёмъ
Жрецы вѣщашь мірянамъ.

И шакъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумирь не пушалъ вракъ;
А какъ засълъ въ него дуракъ,
То идолъ спалъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ — правда ль? — будно вспарь
Судей шакихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XV.

РОЩА И ОГОНЕЦЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроешь,
Она тебѣ лишь яму роешь.
Чшобъ эту испину поняшь еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонекъ подъ Рощей шлался,

Какъ видно, шуптъ онъ былъ дорожными забыть.
Часъ опъ часу Огонь слабѣе спановился;

Дровъ новыхъ нѣтъ; Огонь мой чупъ горитъ
И, видя свой конецъ, пакъ Роцъ говоритъ:

— «Скажи мнѣ, Роца дорогая!

Зачпо швоя пакъ учасъ жеспока,

Чпо на шебъ не видно ни лиспка,

И мерзнешъ шы совсѣмъ нагая?»

— «Заштъмъ, чпо вся въ снѣгу;

Зимой ни зеленѣшь, ни цвѣсшь я не могу,»

Огню пакъ Роца опвѣчаешъ.

— «Бездѣлица,» Огонь ей продолжаешъ:

«Лишь подружись со мной; шебъ я помогу.

Я солнцевъ брашъ, и зимнею порою

Чудесъ не меньше солнца спрою.

Спроси въ шеплицахъ объ Огнѣ:

Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣешъ,

Тамъ все или цвѣшешъ, или зрѣшешъ:

А все за все спасибо мнѣ.

Хвалишь себя хопъ не приспало,

И хвастовспва я не люблю;

Но солнцу въ силъ я никакъ не ушуплю.

Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блиспало;

Но безъ вреда снѣгамъ спуспилось на ночлегъ:

А около меня, смошри, какъ шаетъ снѣгъ.

Такъ если зеленѣшь желаешъ шы зимою,

Какъ льпомъ и весною,

Дай у себя мнѣ уголокъ!» —

Вошъ дѣло слажено: ужъ въ Роцъ Огонѣкъ

Спановишся Огнемъ. Огонь не дремлетъ:

Бѣжишь по вѣшьямъ, по сучкамъ;
Клубами чернѣй дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лопное всю Рошу вдругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ, — и шамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ шѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки спояшь одни.

И нечему дивишься:

Какъ дереву съ огнемъ дружишься?

XVI.

**ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ
ЦАРЯ.**

Лягушкамъ спало неугодно

Правленіе народно,

И показалось имъ совсѣмъ неблагогородно

Безъ службы и на волю жить.

Чшобъ горю пособить,

То спали у боговъ Царя онъ просить.

Хоть слушаешь всякой вздоръ богамъ бы и несродно;

На сей однако жъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:

Даль имъ Царя. Лешить къ нимъ съ шумомъ Царь
съ небесъ,

И плотно шакъ онъ препнулся на царство,

Чшо ходенемъ пошло прясинно государство:

Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугъ поменялись,
Кпо какъ успѣль, куда кпо могъ,
И шопопомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что Царь надиво былъ имъ данъ:
Не суешливъ, не вернопрашенъ,
Сшепененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородспвомъ, роспомъ великанъ,
Ну, посмошрѣшь, шакъ эшо чудо!
Одно въ Царь лишь было худо:
Царь эшопъ былъ осиноый чурбанъ.
Сначала, чпя его особу превысоку,
Не смѣелъ подшунить изъ подданныхъ никпо;
Со спрахомъ на него глядѣшъ онъ, и шо
Украдкой, издали, сквозъ анръ и осоку;
Но шакъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣшъ,
Къ копорому бѣ не приглядѣлся свѣтъ:
То и онъ сперва онъ спраха опдохнули,
Пшомъ къ Царю подполшъ съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;
А шамъ, кпо посмѣлѣй, дай съспъ къ нему бочкомъ;
Дай пошпашься съспъ съ нимъ рядомъ;
А шамъ, копорыя еще поудалѣй,
Къ Царю садяшся ужъ и задомъ.
Царь шерпшшъ все по милоспшш своей.
Не много погода, посмошришъ, кпо захочешъ,
Топъ на него и вскочешъ.
Въ при дня наскучило съ шакимъ Царемъ живѣе.
Лягушки новое челобитше,

Чтобъ имъ Юпишеръ въ ихъ болошную державу
Далъ подлинно Царя на славу!

Молишвамъ шепельмъ ихъ внемля,
Послалъ Юпишеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь эшопъ не чурбанъ, совсѣмъ иного права:
Не любилъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣсть: а на судъ его

Нѣтъ правыхъ никого.

За то ужъ у него,

Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.

На жинелей болошъ

Приходитъ черный годъ.

Въ Лягушкахъ каждый день великій недочѣтъ.

Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ,

И всякого, кого ни встрѣтитъ онъ,

Тотчасъ засудитъ и — проглотитъ.

Вопъ пуце прежняго и кваканье, и спонъ,

Чтобъ имъ Юпишеръ снова

Пожаловалъ Царя снова;

Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ;

Что даже имъ нельзя (какъ это не ужасно!) —

Ни носа выславить, ни квакнуть безопасно;

Что наконецъ ихъ Царь пошлетъ имъ засухъ.

— «Почто жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?

Не мнѣ ль, безумныя,» вѣщаль имъ съ неба гласъ:

«Покоя не было онъ васъ?

Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли?

Вамъ данъ былъ Царь? шакъ шопъ былъ слишкомъ

шихъ:

Вы взбунповались въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ — шакъ эпопшъ очень лихъ:
Живите жъ съ нимъ, чшобъ не было вамъ хуже!» —

XVII.

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛО-
ДЫХЪ.

Спарикъ садить собирался деревцо.
— «Ужъ пусшь бы спроишься, да какъ садить въ шѣ льша,
Когда ужъ смопришь вонъ изъ свѣша!»
Такъ, спарику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ Юноши соседнихъ разсуждали.
«Чшобъ плодъ шебѣ швой шруды желанный дали,
То надобно, чшобъ шы два вѣка жить.
Неужли будешь шы впорой Маусайль?
Оспавъ, спаринушка, свои работы:
Тебѣ ли зашѣвашъ шоль дальнѣе расчѣпъ?
Едва ли для шебя текущій вренѣ часъ.
Такіе замыслы проспипельны для насъ:
Мы молоды, цвѣшемъ и крѣпоспью и силой;
А спарику пора знакомишься съ могилой.»
— «Друзья,» смиренно имъ опшѣшпвуешъ Спарикъ:
«Издѣшпшва я къ шрудамъ привыкъ;

А если опъ того, чпѡ дѣлашь начинаю,
Не мнѣ лишъ одному я пользы ожидаю;

То, признаюсь,

За шрудъ шакой еще охотнѣ берусь.

Кшо добръ, не все къ своей лишъ прибыли шруднися:

Сажая деревцо, и шѣмъ я веселюсь,

Чшо если опъ него самъ шѣни не дождусь,

То внукъ мой нѣкогда сей шѣнью насладнися,

И эшо для меня ужъ плодь.

Да можно ль и за шо ручашься напередъ,

Кшо здѣсь изъ насъ кого переживѣшь?

Смершь смопрншь ли на молодосшь, на силу,

Или на прелесшь лицъ?

Ахъ, въ спаросши моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ

И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!

Кшо знаешъ: можешъ бышь, чшо вашъ и ближе часъ,

И чшо сыра земля покроешь прежде васъ.» —

Какъ имъ сказалъ Спарикъ, шакъ пошъ шо и бѣлю.

Одинъ изъ нихъ въ шорги пошелъ на корабляхъ.

Надеждой счаснѣ сперва ему польспило;

Но бурей корабль разбило:

Надежду и пловца, все море поглонило.

Другой въ чужихъ земляхъ,

Предавнися порока власни,

За роскошь, нѣгу и за спаросши

Здоровьемъ, а попомъ и жизнью заплашилъ.

А шрешй въ жаркй день холоднаго испилъ

И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,

А шѣ его до смерши залечили.

Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Спаричекъ оплакалъ всѣхъ проихъ.

XVIII.

ОРЕЛЬ И КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желя насладишься,
По поднебесью Царь перналыхъ шницъ лепалъ,
И шамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родиша.
Спусшившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-шница опдыхашъ садился на овинъ.
Хопъ эпо для Орла насѣпокъ не завидной;
Но у Царей свои причуды еспь:
Бышь можешъ, онъ хопѣлъ овину сдѣланъ чеспъ,
Иль не было вблизи, ему по чину сѣспъ,
Ни дуба, ни скалы гранишной;
Не знаю, чпо за мысль, но полько чпо Орель
Не много посидѣлъ,
И шупъ же на другой овинъ перелешѣлъ.
Увидя по хохлашая насѣдка,
Толкуешъ шакъ съ своей кумой:
— «Зачпо Орлы въ чеспи шаккой?
Неужли за полешъ, голубушка сосѣдка?
Ну, право, если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.

Не будемъ же впередъ пакія дуры,
Чпобъ почипашь Орловъ знашнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ:
Да шы же видѣла сейчасъ,
Чпо пднизу они лепашнѣ шакъ, какъ куры.»
Орель опвѣспшвуешъ, наскуча вздоромъ птѣмъ:
— «Ты права, шолько не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже Куръ спускашся,
Но Курамъ никогда до облакъ не поднпшся!» —

—
Когда шаманшы судишь шы, —
Счипашь ихъ слабоспи, шрудовъ не шрашъ напрасно;
Но, чувспвуя, чпо въ нихъ и сильно, и прекрасно,
Умѣй различны ихъ посшпштуннъ высоты.

—
XIX.

МУХА И ДОРОЖНЫЕ.

Въ Июль, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Чешверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хонъ спать. Слѣзаетъ съ козелъ онъ,
И, лошадей мучишель,
Съ лакеемъ въ два кнута шпранишъ съ двухъ споронъ:

А легче пѣтъ. Ползущъ изъ колымаги вопъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учипель.

Но, знашь, рыдванъ былъ плошно нагружёнъ,

Чпо лошади, хоня его пронули,

Но въ гору по песку едва, едва шпанули.

Случись нушь Мухъ бышь. Какъ горю не помочь?

Вспушилась: ну жужжащъ во всю мушину мочь;

Вокругъ повозки суетишся;

То надъ носомъ юлишь у кренной,

То лобъ укусишь приспяжной;

То вмѣсно кучера на козлы вдругъ садишся;

Или, оспая лошадей,

И вдоль и поперегъ шныряешъ межъ людей;

Ну, словно онкупщикъ на ярмаркѣ хлопочешъ,

И шолько плачешся на шо,

Чпо ей ни въ чемъ, никпо,

Никакъ помочь не хочешъ.

Гупоря слуги вздоръ, пленушся вслѣдъ шажкомъ;

Учипель съ барышей шушукуюшъ шинкомъ;

Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,

Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искашь на ужицъ:

И Муха всѣмъ жужжишь, чпо шолько лишь она

О всѣмъ забошнися одна.

Межъ пѣмъ лошадушки, шагъ за шагъ, понемногу,

Вспацилися на ровную дорогу.

— «Ну,» Муха говоринъ: «шеперя, слава Богу!

Садишесь по мѣшамъ, и добрый всѣмъ вамъ нушь;

А мѣъ ужъ дайше ондохнушь:

Мея насылу крылья носящъ.» —

Куда людей на свѣтъ много ешь,
Кошорые вездѣ копящѣ себя приплескъ,
И любящѣ хлопощащѣ, гдѣ ихъ совсѣмъ не просящѣ.

XX.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимащѣ съ умомъ, шогда не чудо
И пользу опгъ шого сыскащѣ;
А безъ ума перешимащѣ,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ шому изъ дальныхъ справъ.
Кпо Обезьянъ видаль, шѣ знающѣ,
Какъ жадно все онѣ перенимающѣ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ спая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣшьямъ на деревѣ гуспомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по правѣ въ сыняхъ капался онѣ кругомъ.
Подруга каждая шихонько шолкъ подругу,
И шепчущѣ всѣ другъ другу:
— «Смошрише-ка на удамца;
Запьямъ у него шакъ, право, шѣшѣ конца:
То кувыркенешся,
То развернешся,
То весь въ комокъ

Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на все не масперяцы,
А этого у насъ искусства не видать!

Красавицы-сесприцы!

Не худо бы намъ это переняшь.

Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;

Авось уйдешь, тогда мы шопчасъ . . . .» — Глядь,

Онъ подлинно ушелъ, и сѣни имъ оставилъ.

— «Что жъ,» говорятъ онъ: «и время намъ перяшь?

Пойдемъ-ка попынаемся!» —

Красавицы сошли. Для дорогихъ госпей

Разоспано внизу премножешво сѣней.

Ну въ нихъ онъ кувырканься, кашанься,

И кушанься, и завиванься;

Кричань, визжань — веселье хопъ куда!

Да вошь бѣда,

Когда пришло изъ сѣни выдиранься!

Хозяинъ между шѣмъ сперѣтъ,

И видя, что пора, идетъ къ госпямъ съ мышками.

Онъ, чшобъ на ушѣкъ,

Да ужъ никакъ распунанься не могъ:

И всѣхъ ихъ побрали руками.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣешь взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человекъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлишь.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ, а шемная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны, что и говоришь!
А все прискучишься, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустыннику пому
Соскучилось бытъ вѣчно одному.
Идешь онъ въ лѣсъ полкнущься у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свести.
Въ лѣсу кого набрести,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И почто, встрѣтившись съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣланъ нечего: снимаетъ шкуру,
И милому сосѣдникъ поклонъ.
Сосѣдъ ему пропягиваетъ лапу,

И, слово за слово, знакомятся они,
Пошомъ дружатся,
Пошомъ не могушь ужъ распашься,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и чюдъ бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пуспынникъ былъ неговорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пуспынникъ очень радъ,
Чю далъ ему Богъ въ другъ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки пошннися,
И Мишенькой не можетъ нахвалинися.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А шакъ какъ человекъ Медвѣдя послабѣе,
То и Пуспынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, уснאלъ
И опшнавашъ онъ друга спалъ.
То видя, говоришь, какъ пупный, Мишка другу:
— «Прилягъ-ка, брашь, и опдохни,
Да коли хочешь, шакъ сосни;
А я посберегу шебя здѣсь удосугу.» —
Пуспынникъ былъ стговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да пошчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:

У друга на носъ муха съла:
Онь друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекъ; согналъ, а муха снова
У друга на носу;
И неопвязчивый часъ опъ часу.
Вопъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣспный бульжникъ въ ланы сгрѣбъ,
Присълъ на корпочки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчи жъ, ужъ я шебя воспруху!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Чшо силы еспъ — хванъ друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ шакъ ловокъ былъ, чшо черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежанъ надолго шамъ оспался!

XXII.

СТРЕКОЗА И ШУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Льшо красное пропъла;
Оглянушья не успъла,
Какъ зима кашпиль въ глаза.
Помершвъло чиспо поле;
Нъпъ ужъ дней шѣхъ свъшлыхъ болъ,

Какъ подь каждыиъ ей лиспкомъ

Быль гошовъ и споль, и домъ.

Все прошло: съ зимой холодной

Нужда, голодь наспаешъ;

Спрекоза ужъ не поешъ:

И кому же въ умъ пойдешъ

На желудокъ пьшь голодной!

Злой поской удручена,

Къ Муравью ползешъ она:

— «Не оспавъ меня, кумъ милой!

Дай пы мнѣ собрапсья съ силой,

И до вешнихъ полько дней

Прокорми и обогрѣй!»

— «Кумушка, мнѣ спранно эшо:

Да работала ль пы въ льшо?»

Говоришь ей Муравей.

— «До пого ль, голубчикъ, было?

Въ мягкихъ муравахъ у насъ

Пьсни, рѣзвостъ всякой часъ,

Такъ, что голову вскружило.»

— «А, шакъ пы. . .» — «Я безъ души

Льшо цѣлое все пьла.»

— «Ты все пьла? Эшо дьло:

Такъ поди же, попляши!» —

КВАРТЕТЬ.

Проказница - Маршешка,

Осель,

Козель,

Да косолапый Мишка,

Запьяли сыграшь Кваршешъ.

Доспали ношъ, баса, альша, двѣ скрышки,

И съли на лужекъ подь лишки

Плѣняшь своимъ искусствомъ свѣшь.

Ударили въ смычки, дерушь, а толку нѣшь.

— «Спой, брашцы, спой!» кричишь Маршешка: «по-
годише!

Какъ музыкъ ищи? Вѣдь вы не пакъ сидише.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись пропивъ альша,

Я прямо сиду прошивъ впоры;

Тогда пойдешъ ужъ музыка не ша:

У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!» —

Разсълисъ, начали Кваршешъ;

Онъ все-таки на ладъ нейдешъ.

— «Поспойше жъ, я сыскала секретъ»,

Кричишь Осель: «мы вѣрно ужъ поладимъ,

Коль рядомъ сидемъ.» —

Послушались Ося: услыли чинно въ рядъ;

А все таки Кваршешъ нейдешъ на ладъ.

Вошь, нуще прежняго, пошли у нихъ разборы

И споры,

Кому и какъ сидѣшь.

Случилось, Соловью на шумъ ихъ прилетѣшь.

Тупѣ съ просьбой все къ нему, чшобъ ихъ рѣшишь
сомнѣнье:

— «Пожалуй,» говоряшь: «возьми на часъ шерпѣнье,

Чшобы Кваршетъ въ порядокъ нашъ привесшь:

И нопы ешь у насъ, и инструменны ешь;

Скажи лишь, какъ намъ сѣшь?»

— «Чшобъ музыканшомъ бышь, шакъ надобно умѣшь

И уши вашихъ понѣжнѣй,»

Ишь опвѣчаешъ Соловей:

«А вы, друзья, какъ ни садитесь,

Все въ музыканшы не годитесь.» —

Конецъ первой книги.

Б А С Н И.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

ЧИЖЪ И ЕЖЪ.

Уединеніе любя,

Чижъ робкій на зарѣ чирикалъ про себя,
Не для того, чибобы похвалъ ему хошлось,
И незачто; шакъ какъ-шо пѣлось!
Вошь, въ блескъ и во славу всей,
Фебъ лучезарный изъ морей

Поднялся.

Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ срѣшеніе ему
Хоръ громкихъ соловьевъ въ гусиныхъ лѣсахъ раздался.

Мой Чижъ замолкъ. — «Ты что жъ?»

Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ:

«Пріяпель, не поѣшь?»

— «Запѣмъ, что голоса шакого не имѣю,

Чшобъ Феба я достойно величалъ,
Сквозь слезъ Чижъ бѣднѣй опивчалъ:
«А слабымъ голосомъ я Феба пѣшь не смѣю.» —

Такъ я крушуся и жалѣю,
Чшо лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Я бѣ Александра пѣлъ.

II.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой
Въ соседствѣ какъ-шо жили,
И вопъ какой
Между собой
Они завѣшь въсь положили:
Чшобъ имъ звѣрей собща ловишь,
И чшд наловишься, все поровну дѣлишь.
Не знаю, какъ и чѣмъ, а знаю, чшо сначала
Лиса Оленя поимала,
И шлепъ къ поварищамъ пословъ,
Чшобъ шли дѣлишь счастливыи ловъ:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришелъ и Левъ; онъ, когши разминая
И озираючи поварищей кругомъ,

Дѣлѣжь располагаеть,
И говоритъ: — «Мы, брашцы, вчешверомъ.»
И начешверо онъ оленя раздрааеть.
«Теперь, давай дѣлать! Смотрите же, друзья:
Вошь эша часъ моя
По договору;
Вошь эша мнѣ, какъ Льву, принадлежишь безъ спору,
Вошь эша мнѣ за шо, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ эшой чушь изъ васъ лишь лану кто пропашетъ;
Тотъ съ мѣсна живъ не вспанетъ.» —

Ш.

С И Н И Ц А .

Синица на море пушилась:
Она хвалилась,
Что хочеть море сжечь.
Разславилась топчасъ о помъ по свѣшу рѣчь.
Спрахъ обнялъ жипелей Непшунновой споллицы;
Лешащъ спадами пшницы;
А звери изъ лѣсовъ сбѣгающа смотрѣшь,
Какъ будеть Океанъ, и жарко ли горѣшь.
И даже, говорящъ, на слухъ молвы крылашой,
Охотники пашкашья по пирамъ

Изъ первыи съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебашъ ухи такой богатой,
Какой-де опкущикъ и самый поровашый
Не даывалъ Секретарямъ.

Толпяся: чуду всякъ заранѣ дивился,
Молчишь и, на море глаза уснави, ждешь;

Лишь изрѣдка иной шепнешъ:

«Вошь закипишь, вошь пошчасъ загорится!»

Ни шупъ-по: море не горитъ.

Кипитъ ли холь? и не кипитъ.

И чѣмъ же кончились зашты величавы?

Синица со спыдомъ всовози уцѣлма;

Надѣлала Синица славы,

А моря не зажгла.

Примолвишь къ рѣчи здѣсь годится,

Но ничьего не прогая лица:

Что, дѣломъ не свѣда конца,

Не надобно хвалишься.

ОСЕЛЬ.

Когда вселенную Юпишеръ населялъ,
И заводилъ различныхъ пшарей племя,
То и Осель шогда на свѣшъ попалъ.
Но съ умыслу ль, или, имѣя дѣль берема,
Въ шакое хлопощливое время
Тучегонипшель оплошалъ:
А вымилса Осель, почши какъ бѣлка малъ.
Осла никшо почши не примѣчалъ,
Хощъ въ спѣси никому Осель не успушалъ.
Ослу хощѣлось бы повеличашься:
Но чѣмъ? Имѣя росшъ шакой,
И въ свѣшѣ спѣдно показашься.
Приспалъ къ Юпишеру Осель спѣсивый мой,
И росшу спалъ просишъ большаго.
— «Помилуй,» говоришъ: «какъ можно эшо снесшъ?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ шакая чесшъ;
Припомъ, съ великаго и до меньшаго,
Все рѣчь о нихъ лишъ, да о нихъ;
Зачшо жъ къ Осламъ шны сполько лихъ,
Чшо имъ чесшѣй шышъ никакихъ,
И объ Ослахъ никшо ни слова?
А если бъ роспомъ я съ шеленка шолько быль,
То спѣси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,

И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ.» —

Что день, по снова

Осель мой по жъ Зевесу пѣлъ,

И до того онъ надобѣлъ,

Что, наконецъ, моленія Ослова

Послушался Зевесъ:

И спалъ Осель скопиной превеликой:

А сверхъ того ему шакой данъ голось дикой,

Что мой ушасный Геркулесь

Пораспугалъ было весь лѣсъ.

«Что по за звѣрь? какого роду?

Чай, онъ зубаснъ? Роговъ, чай, пѣшь числа?»

Ну, шолько и рѣчей пошло, что про Оsla.

Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,

Какъ все узнали, что Осель:

Осель мой глупоснью въ пословицу вошелъ,

И на Ослѣ ужъ возящъ воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокоснъ хороша:

Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезно ль просвѣщенье?

Полезно, слова нѣтъ о помѣ.

Но просвѣщеніемъ зовѣмъ

Мы часно роскоши прельщенье,

И даже нравовъ развращенье:

Такъ надобно гораздо разбиратъ,

Какъ спанешь грубосни кору съ людей сдирашь,

Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не рас-
шеряшь,

Чтобъ не ослабишь духъ ихъ, не испорчишь нравы,

Не разлучишь ихъ съ просношой,

И, давши только блескъ пусной,

Безславья не навмечъ имъ вмѣсто славы.

Объ эпой испинѣ свяшой

Преважныхъ бы рѣчей на иглу книгу спало;

Да важно говоришь не всякому приспало:

Такъ съ шушкой пополамъ

Я басней докажешь ея намѣрень вамъ.

Мужикъ, проспакъ, какихъ вездѣ не мало,

Нашель Червонецъ на земли.

Червонецъ былъ запачканъ и въ пылу;

Однако жъ пятаковъ пригоршни прои

Червонца на обмѣнъ креспьянину даюшь.
«Постой же,» думаетъ мужикъ: «дадушь мнѣ вдвое;
Придумалъ кое-что я шакое,
Что у меня его съ руками опорвущь.» —
Тущь, взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И наполокши кирпича,
Мужикъ мой приспунаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ о кирпичъ онъ шочинь,
Дресвой дерешъ,
Пескомъ и мѣломъ шрешъ;
Ну, словомъ, шакъ какъ жаръ его поспавишь хочешъ.
И подлинно, какъ жаръ Червонецъ заигралъ:
Да шолько спало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю Червонецъ поперялъ.

VI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ, къ спыду земныхъ племень,
Который до шого въ сердцахъ ожесточился,
Что шротиву боговъ вооружился.
Мятежныя шолмы, за шысячью знамень,
Кшо съ лукомъ, кшо съ пращей, шумя, несунся въ поле.

Зачинщики, изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народъ буйства болъ,
Кричащъ, что судъ небесъ и спрогъ и безполковъ,
Что боги или спящъ, иль правящъ безразсудно;
Что проучишь пора ихъ безъ чиновъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ камнями не прудно
На небо дошвырнушь въ боговъ,
И замешаешь Олимпъ спрѣлами.
Смушая дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приспустилъ,
Чтобы бѣду онъ опхранилъ;
И даже весь совѣтъ боговъ шѣхъ мыслей былъ,
Что, къ убѣжденію бунтующихъ, нехудо
Явишь хоть небольшое чудо:

Или попопъ, иль съ прусомъ громъ,
Или хоть каменнымъ ударишь въ нихъ дождѣмъ.

«Пождѣмъ,»

Юпитерь рекъ: «а если не смиряся,
И въ буйствѣ прекоснящъ, безсмертныхъ не боясь,

Они опъ дѣль своихъ казнятся.» —

Тутъ съ шумомъ въ воздухъ взвилась

Тма камней, шуча спрѣлъ опъ войскъ богоманежныхъ;
Но съ штысячью смерпей, и злыхъ, и неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились главы.

Плоды невѣрія ужасны шаковы;

И въдайше, народы, вы,

Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,

Чѣмъ прощавъ Божества вооружаютъ васъ,

Погибельный вашъ приближающъ часъ,
И обращающъ всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

VII.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами спала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь спидишь завесии Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она доспала;
Вершинъ Очками такъ и сякъ:
То къ шѣмю ихъ прижмешь, шо ихъ на хвостъ нанижешъ,
То ихъ понюхаешъ, шо ихъ положишъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тѣфу пропасть!» говоришъ она: «и проишь дуракъ,
Кшо слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ нагали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.» —
Мартышка пунъ съ досады и съ печали
О камень такъ хвапила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, шо жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,

Невѣжа про нее свой шомкъ все къ худу клонишь;
А ежели невѣжа познашнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонить.

VIII.

ТРОЕЖЕЦЦЪ.

Какой-шо грѣховодникъ
Женился опъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до царя о шомъ донесся слухъ
(А царь былъ спрогъ и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ пошакать),
Опъ Многоженца вмигъ вельѣть подъ судъ опданъ,
И выдумашъ ему шакое наказанье,
Чшобъ въ шпрахъ привеситъ народъ,
И покушится бы никшо не могъ впередъ
На шполь большое злодѣянье:
«А коль увижу-де, чшо казнъ ему мала, —
Повѣшу шунъ же всѣхъ судей вокругъ шпола.»
Судьямъ худья шушки:
Въ холодный пошъ кидаетъ ихъ боязнъ.
Судьи шолкуютъ шрое сушки,
Какую бъ выдумашъ пресшуннику имъ казнъ.
Ихъ ешитъ и штысячи; но опышамъ знають,
Чшо все они людей опъ зла не опучають.

Однако жъ, наконецъ, ихъ надоумилъ Богъ.

Преступникъ призванъ въ судъ, для объявленья

Судейскаго рѣшенья,

Кошорымъ, съ общаго сужденья,

Приговорили: женъ ондапъ ему всѣхъ прѣхъ.

Народъ суду шакому изумился

И ждалъ, что царь велишь повѣсиль всѣхъ судей;

Но не прошло чепырехъ дней,

Какъ Троеженецъ удавился:

И эпопъ приговоръ шакой надѣмалъ спрахъ,

Что съ шой поры, на прехъ женахъ

Никшо въ шомъ царшвѣ не женился.

IX.

ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-шо, вспарину,

Левъ съ Барсомъ велъ продолгую войну

За спорные лѣса, за дебри, за вершепы.

Судилъся по правамъ — не шопъ у нихъ былъ нравъ;

Да сильные жъ въ правахъ бывають часно слѣпы.

У нихъ на эпо свой уславъ:

Кшо одолбешъ, шопъ и правъ.

Однако, наконецъ, не вѣчно жъ драпшься —

И когти пришуянся:

Герои по правамъ рѣшились разобраться;

Намѣрились дѣла военны прекратить,

Окончивъ всѣ раздоры,

Пошомъ, какъ водились, миръ вѣчный заключить

До первой ссоры.

«Назначимъ же скорѣй

Мы опъ себя секретарей,»

Льву предлагаетъ Барсъ: «и какъ ихъ умъ разсудить,

Пусть шакъ и будутъ.

Я, напримеръ, къ шому опредѣлю коша:

Звѣрокъ хоще неказисить, да совѣснъ въ немъ чиста;

А пы осла назначе: онъ знашнаго же чина,

И, къ слову молвить здѣсь,

Куда онъ у себя завидная скопина!

Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣсть и дворъ швой весь

Его коньшца врадѣ ли сподяшь.

Положимся жѣ на шомъ,

На чѣмъ

Съ моимъ коньшкомъ онъ успроишь.» —

И Левъ мысль Барса утвердилъ

Безъ спору;

Но шолько не осла, лисицу нарядилъ

Онъ опъ себя для этого разбору,

Примолва про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣсть):

«Кого намъ хвалишь врагъ, въ шомъ проку нѣсть.»

ВЕЛЬМОЖА И ФИЛОСОФЪ.

Вельможа, въ праздный часъ пожуя съ Мудрецомъ

О помъ, о сѣмъ,

«Скажи мнѣ,» говоришь: «ты свѣшь довольно

знаешь,

И будно въ книгъ, пы въ сердцахъ людеи чипашь:

Какъ эшо, чпо мы ни начнемъ,

Суды ли, общеспва ль учены заведемъ,

Едва успьемъ оглянушься,

Какъ первые невѣжи шунъ вопроушь?

Ужли опъ нихъ совсѣмъ лекарспва нѣшь?»

— «Не думаю,» сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:

«И съ общеспвами ша жъ судьба (сказашъ межъ нами),

Чпо съ деревянными домами.»

— «Какъ?» — «Также: я вопъ свой доспроилъ сими днями;

Хозяева въ него еще не вобрались,

А ужъ сверчки давно въ немъ завелись.»

XI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую конпору,
Какіе-то чесные шоргаша
Нашорговали денегъ гору;
Окончили шорги, и дѣляшъ барыши.
Но въ дѣлежъ когда бѣзъ спору?
Заводяшъ шумъ они за деньги, за шоваръ, —
Какъ вдругъ кричашъ, что въ домъ ихъ пожаръ:
«Скорѣй, скорѣй спасайше
Товары, вы, и домъ!»
Кричишъ одинъ изъ нихъ: «спуapaiше!
А счешы послѣ мы сведемъ!»
— «Мнѣ только тысячу мою сперва додайше,»
Шумишъ другой:
«Я съ мѣспа не сойду долой.»
— «Мнѣ двѣ не додано, а вошъ пушъ счешы ясны,»
Еще одинъ кричишъ. — «Нѣшъ, нѣшъ мы несогласны:
Да какъ, за что и почему?» —
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники пушъ до того шумѣли,
Что захвапило ихъ въ дыму,
И все они со всемъ добромъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, копорья гораздо поважнѣй,
Нерѣдко опъ шого погибель всѣмъ бываетъ,
Чшо чѣмъ бы общую бѣду встрѣчатъ дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгоды своей.

—
XII.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подь окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись.
Хопъ у ворошъ передъ дворомъ
Приспойнѣ бѣ сперечь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ повались,
И вѣжливые жъ псы припомъ
Ни на кого не лаюшъ днѣмъ,
Такъ разсуждашъ они пуспилися вдвоѣмъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.
«Чшо можешъ,» говоришъ Полканъ: «пріяшнѣй бышъ,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жишъ;
Во всемъ оказывашъ взаимную услугу,
Не спишъ безъ друга и не съѣшъ,
Стояшъ горой за дружно шерспъ,
И наконецъ въ глаза глядишъ другъ другу,

Чтобъ только умчишь счастливей часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ полюбишь, позабавишь,
И въ дружнѣмъ счастьѣ все свое блаженство спавишь!
Вошь если бѣ, напиримъ, съ шобой у насъ
Такая дружба завелась:

Скажу я смѣло,

Мы бѣ и не видѣли, какъ время бы лещло.»

— «А что же? эшо дѣло!»

Барбось опшвѣшпвуешъ ему:

«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,

Что бывши одного двора съ шобой собаки,

Мы дня не проживемъ безъ драки;

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни пѣсно намъ!

Пришомъ же, право, спѣдно:

Песь дружества слывенъ примѣромъ съ давнихъ дней;

А дружбы между цсовъ, какъ будшо межъ людей,

Почши совсѣмъ не видно.»

— «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,»

Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!» — «Вошь она!»

И новые друзья ну обнимаешь,

Ну цѣловашься;

Не знающъ съ радости, къ кому и приравняшься:

Орескъ мой! Мой Пиладъ! Прочь свары, зависшь, злосшь!

Тущъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ косшь.

Вошь новые друзья къ ней вздуски несущся:

Гдѣ дѣлся и совѣшь, и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орескъ грызущся, —

Лишь только ключья вверхъ лепяшь.

Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣпъ полонъ дружбою шакою.

Про пыщыннихъ друзей лзя молвишь, не грѣша,
Чшо въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки;
Послушашъ, кажешся, одна у нихъ душа:
А только кинь имъ коспъ, пакъ чшо пивои собаки!

XIII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля пресиль,
Чшобъ Бочкою его дни на при онъ ссудиль.
Услуга въ дружбѣ вещь свяпая!
Вопъ, если бѣ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тутъ дружба въ спорону, и можно бѣ опказанъ;
А Бочки для чего не дапъ?
Какъ возврапилася она, погда опянь
Возинъ въ ней спали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ помъ:
Та Бочка для вина брана опкупщиномъ,
И наспоямась пакъ въ два дни она виномъ,
Чшо винный духъ пошелъ онъ ей во всѣмъ:
Квасъ, пиво ли сварипъ, ну даже и въ съѣснномъ.

Хозяинъ бился съ ней близъ году:
То выпаришь, шо ей провьпришься даешъ;
Но чѣмъ шу Бочку ни нальешъ,
А винный духъ все вонь нейдесть,
И съ Бочкой наконецъ онъ принужденъ разспаться.

Спарайшесь не забышь, опцы, вы басни сей:
Учешьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ спидишь разъ лишь напашьясь;
А памъ во всѣхъ пивонхъ поспункахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь пы на словахъ,
А все пы будешъ опзыватьсья.

XIV.

ПРОХОЖІЕ И СОБАКИ.

Шли два пріятели вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворонни
Дворяшка плькнула на нихъ;
За ней другая, памъ еще двѣ-пери, и вмгъ
Со всѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалоса съ полсопни.
Одинъ было уже Прохожій камень взялъ:
«И, полно, бращецъ,» шупъ другой ему сказалъ:
«Собакъ пы не уймешъ опъ лаю,

Лишь пуще всю раздразишь спаяю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ нашуру лучше знаю.» —
И подлинно, прошли шаговъ десяпковъ пянь,
Собаки начали помалу запихашь,
И спало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхашь.

Зависпники, на что ни взглянушь,
Подьмушь вѣчно лай;
А пы себъ своей дорогою спупай:
Полаюшь, да ошпанушь.

XV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзшь въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго шакъ близко забяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвуцца вонъ на драку;
Псари кричашь: «Ахъ-ши, ребяпа, воръ!»
И вмигъ воропа на запоръ;
Въ минушу псарня спала адомъ.
Бѣгушь: иной съ дубемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня!» кричашь: «огня!» — Пришли съ огнемъ.

Мой Волкъ сидишь, прижавшись въ уголь задомъ.
Зубами щолкая и оцешпиня шерсть,
Глазами, кажешься, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя шо, что шумъ не передъ спадомъ,
И что приходишь наконецъ
Ему расчесься за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ шакъ: «Друзья! къ чему весь эшопъ шумъ?
Я, вашъ спаринный сванъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсемъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, успавимъ общій ладъ!
А я, не только впередъ не проноу здѣшнихъ спадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грысься радъ,
И волчей кляпвой ушверждаю,
Что я. . .» — «Послушай-ка, соседъ,
Тутъ ловчій перервалъ въ опѣшь:
«Ты сѣрь, а я, приняель, сѣдь,
И волчью вашу я давно напуру знаю;
А пошому обычай мой:
Съ Волками иначе не дѣлашь мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.» —
И шумъ же выпустилъ на Волка гончихъ спаю.

Д Ж Е Ц Ъ.

Изъ дальнихъ спранспвій возвращаясь,
Какой-шо Дворянинъ (а можешь быть, и Князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ поле,
Расхвастался о помѣ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ,» говоришь: «что я видаль,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, шо очень жарко,
То солнце пряталось, шо свѣшилъ слишкомъ ярко.
Вопъ шамъ-шо прямо рай!
И вспомнишь, шакъ душъ опрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не нада:
Не знаешь вѣкъ, что ешь ночная пѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь Майскій день.
Никпо шамъ ни садить, ни съешь:
А если бъ посмопрѣль, что шамъ расшеть и зрѣеть!
Вопъ въ Римъ, напримѣрь, я видаль огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? Ну, право, былъ онъ съ гору.»
— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтъ чудеса разсыяны повсюду;

Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.

Мы сами вопшь шеперь подходимъ къ чуду,

Какого пы нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,

И я въ помъ спорить буду.

Вонъ, видишь ли черезъ рѣку помъ моснъ,

Куда намъ пушь лежинъ? Онъ съ виду хопъ и проспъ,

А свойшво чудное имъешь:

Лжець ни одинъ у насъ по немъ пройши не смѣешь:

До половины не дойдешь —

Провалился, и въ воду упадешь;

Но кпо не лжешь,

Спунай по немъ, пожалуй, хопъ въ карешъ.»

— «А какова у васъ рѣка?»

— «Да не мелка.

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣшъ!

Хопъ Римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ помъ;

Вдѣ съ гору; кажешся, пы пакъ сказаль о нѣмъ?»

— «Гора хопъ не гора, но, право, будешъ съ домъ.»

— «Повѣришь шрудно!

Однако жъ какъ ни чудно,

А все чуденъ и моснъ, по коемъ мы пойдѣмъ,

Чпо онъ Лжеца никакъ не поднимаешъ;

И нынѣшней еще весной

Съ него обрушились (весь городъ эшо знаешъ)

Два Журналисна, да порпшой.

Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной

Диковинка, коль эшо справедливо.»

— «Ну, не пакое еще диво;

Вдѣ надо знашь, какъ вещи еспъ:

Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что шамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзшь,
И по ни спашь, ни съспь?»
— «Пущь шакъ; но все признашся должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесшь,
Въ кошоромъ двумъ усѣспься можно.
Однако жь моспъ-апъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаешъ на немъ яши шаговъ,
Какъ попчасъ въ воду!
Хопъ Римскій пвой и чуденъ огурецъ. . . .»
— «Послушай-ка,» пущь перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на моспъ намъ ишши, поищемъ лучше броду.»—

XVII.

Р У Ч Е Й.

Паспухъ у Ручейка пѣлъ жалобно, въ шоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно упонулъ въ рѣкъ.
Услыша паспуха, Ручей журчишь сердито:
— «Рѣка несъшая! что если бь дно швое
Такъ было, какъ мое,

Для всѣхъ и ясно, и опшкрьпо,
И всякой видѣль бы на шиниспомъ семь днѣ
Всѣ жершвы, кои шы споль ачно поглонила?
Я чай бы, со спыда шы землю сквозь прорыла,
И въ шемныхъ пропасняхъ себя сокрыла.

Мнѣ каженся, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя споль воды,
Я, украшеньемъ спавъ природы,
Не сдѣлалъ куриць бы зла.

Какъ оспорожно бы вода моя шекла
И мимо хижинки и каждаго куспочка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освежалъ долины и луга;
Но съ нихъ бы не унесъ лиспочка.
Ну, словомъ, дѣлая пушемъ моимъ добро,
Не приключоа нигдѣ ни бѣдъ ни горя,
Вода моя до самага бы моря

Такъ докашилася чиста, какъ серебро.» —
Такъ говорилъ Ручей, шакъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.

И что жъ? Не минуло недѣли,
Какъ шуча ливная надъ ближнею горой

Разсѣлась:

Богапшпомъ водѣ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;

Но, ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась?

Ручей изъ береговъ бѣешъ мушною водой,

Кипишь, реветъ, крупишь нечиспу пѣну въ клубы,

Спольшніе валяешъ дубы,

Лишь шрески слышны вдалекѣ;

И самый пошь паспухъ, за коего рѣкъ

Пеняль недавно онъ шакимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ спадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ шекушь пакъ смирно, гладко,
И пакъ журчатъ для сердца сладко,
Алишь етолько опъ того, что мало въ нихъ воды!

XVIII.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

— «Куда пакъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?»

Лисицу спрашивалъ Сурокъ.

— «Охъ, мой голубчикъ, куманѣкъ!

Терплю напраслину, и выслана за взяпки.

Ты знаешь, я была въ курашникъ судьей,

Упрашила въ дѣлахъ здоровье и покой,

Въ шрудахъ куска не додала,

Ночей не досыпала:

И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала;

А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:

Что жъ будешь въ мѣрѣ правъ, коль слушаешь кле-
веты?»

Мнѣ взяпки брашь? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты, я на себя пошлюся,
Чпобъ этому быма причасна я грѣху?

Подумай, вспомни хорошенько.»

— «Нѣтъ, кумушка! а видывалъ часпенько,
Чпо рыльцо у тебя въ пуху.

Иной при мѣспѣ шакъ вздыхаешь,
Какъ будно рубль послѣдній доживаешь;

И подлинно, весь городъ знаешь,

Чпо у него ни за собой,

Ни за женой —

А смопришь, помаленьку,

То домикъ выспроишь, шо купишь деревеньку.

Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесшь,

Хопъ по суду и не докажешь;

Но какъ не согрѣшишь, не скажешь:

Чпо у него пушокъ на рыльцѣ есшь.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшись гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чиспомъ полѣ задавили —
И дѣляпъ межъ собой,
Кпо чпѣ себѣ доспанешъ.
А Заяцъ за ушко медвѣжьѣ шупъ же шпанешъ.
— «Ба, шы, косой!»
Кричашъ ему: «пожаловаль опколъ?
Тебя никпо на ловлѣ не видалъ.»
— «Вошь, брашцы!» Заяцъ опвѣчалъ:
«Да изъ лѣсу-шо кпо жъ? все я его пугаль,
И къ вамъ поставиль прямо въ полѣ
Сердечнаго дружка!» —
Такое хвасповспво хопъ слишкомъ было явно;
Но показалось пакъ забавно,
Чпо Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.
—
Надъ хваспунами хопъ смѣюпся:
А часто въ дѣлежъ имъ доли доспанюпся.

ОРЕЛЬ И ПЧЕЛА.

Счастливь, кпо на чредь прудишся знаменишой:

Ему и шо ужь силы придаешь,

Чпо подвиговъ его свидѣшель цѣльй свѣтъ.

Но сколь и пошъ почпешь, кпо, въ низоспци сокрышой,

За весь пруды, за весь поперянный покой,

Ни славою, ни почеспьми не льспишся,

И мыслью оживленъ одной:

Чпо къ пользѣ общей онъ прудишся.

Увидя, какъ Пчела хлопочешь вкругъ цвѣшка,

Сказаль Орель однажды ей съ презрѣшемъ:

— Какъ пы, бѣдняжка, мнѣ жалка,

Со всей швоей рабошой и съ умвнемъ!

Вась въ ульѣ пышячи все льшо льпяпъ сошъ;

Да кпо же послѣ разберешь

И опличишъ швой рабошы?

Я, право, не пойму охопы,

Трудишся цѣльй вѣкъ, и чпо жъ имѣшъ въ виду?

Безвѣспной умерешь со всеми наряду!

Какая разница межъ нами!

Когда, расширися шумящими крылами,

Ношуся я подь облаками,

То всюду разсѣваю спрахъ:

Не смѣюгь опгь земли пернапгья поднпгься,
Не дремлюгь наспухи при шучныхъ ихъ спадахъ;
Ни лани быспрпгья не смѣюгь на поляхъ,
      Меня завпгдя, показпгься.»

Пчела ошвѣтспвуешгь: — «Тебъ хвала и чеспгь!
Да продпгпгь надгь шобой Зевесъ свои щедрошпгь!
А я, родпгься пруды для общей пользы неспгь,
      Не оппчпчпгь пгчу свои работпгь,
Но упгьпшаюсгь пггьмъ, на наши смогьпгь сопгь,
Чпшо въ пггьхъ и моего хогь капгья меду еспгь.» —

XXI.

ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнешгь нечи сапожникъ,
      А сапоги ппачпгь ппрожникъ:
      И дѣло не пойдешгь на ладъ.
      Да и примгьчено спокрапгь,
Чпшо кпшо за ремесло чужое бранпгься любпгьпгь,
Тогьхъ всегда другпгьхъ упгьямъ и вздорпгьхъ:
      Онъ лучше дѣло все погубпгьпгь,
      И радъ скоръгь
      Посмгьшпщемъ спнапгь свѣпга,
      Чгьмъ у чеспныхъ и знающпхъ людей
Спроспгьпгь, пль выслушпгь разумнаго совѣпга.

Зубаспой Шукъ въ мысль пришло
За кошечье приняхся ремесло.
Не знаю: зависью ль се лукавйи мучиль,
Иль, можешъ бышь, ей рыбный споль наскучиль?
Но шолько вздумала Коша она просиль,
Чпобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбартъ половиль.
— «Да, полно, знаешъ ли шы эту, свѣтъ, работу?»
Спалъ Шукъ Васька говоришь:
«Смопрн, кума, чпобы не осрамишь:
Не даромъ говоришься,
Чпю дѣло маспера боишься,»
— «И, полно, куманѣкъ! Воптъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей.»
— «Такъ въ добрый часъ, пойдѣмъ!» — Пошли, засъли;
Напѣвшиа, наѣмъ Кошъ,
И кумушку провѣдашь онъ идѣтъ!
А Шука, чупъ жива, лежишь, разинувъ ротъ, —
И крысы хвосиль у ней онѣвали.
Тушь видя, чшо кумъ совсѣмъ не въ силу прудъ,
Кумъ замершво ее спаниль обратно въ прудъ.
И дѣльно! этю, Шука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣ бышь,
И за мышами не ходиль.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

— «Прощай, сосѣдка!» Волкъ Кукушкѣ говорилъ:
«Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!

Всѣ шь жь у васъ и люди, и собаки:
Однѣ другаго злѣй; и хошь шь Ангель будь,
Такъ не минусишь съ ними драки.»

— «А далеко ль сосѣду пушь?

И гдѣ шакой народъ благочесливой,
Съ кошорымъ думаешь шь жишь въ ладу?»

— «О, я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадія счастливой.

Сосѣдка, шо-шо спорона!

Тамъ, говоряшь, не знаютъ чпѣ война;

Какъ агнцы, крошки человеки,

И молокомъ пекушь лишь рѣки;

Ну, словомъ, царствують зланыя времена!

Какъ бранья, всѣ другъ съ другомъ поспунаюють;

И даже, говоряшь, собаки шамъ не лаюють,

Не шолько не кусаюють.

Скажи жь сама, голубка, мнѣ:

Не мило ль, даже и во снѣ,

Себя въ краю шакомъ увидѣшь шихомъ?

Просши! не поминай насъ лихомъ!

Ужъ шо-шо шамъ мы заживемъ:

Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!

Не шакъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днемъ,

И не засни спокойно на ночлегъ.»

— «Счастливыи пушь, сосѣдъ мой дорогой!»

Кукушка говоришь: «а свой шы нравъ и зубы

Здѣсь кинешъ, имъ возьмешъ съ собой!»

— «Ужъ кинушь, вздоръ какой!»

— «Такъ вспомни же меня, чпо бышь шебъ безъ шубы.»

Чъмь нравомъ кпо дурнѣй,

Тъмь болѣе кричишь и рощешъ на людей:

Не видишь добрыхъ онъ, куда ни обернешя;

А первый самъ ни съ къмь не уживешя.

XXIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РА- БОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,

То ради мы шому хощя молишься,

Кпо вздумаешъ за насъ вспунишься;

Но шолько съ плечъ бѣда долой,

То избавишьлю онъ насъ же часпо худо:

Всѣ въ запуски его цѣняшь;

И если онъ у насъ не виновашъ,
Такъ это чудо!

Спарикъ-Креспьянинъ съ Башпракомъ
Шель, подъ вечеръ, лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повспрычали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Креспьянинъ ахнушъ не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ Креспьянина, ворочаетъ, ломаетъ,
И, гдѣ бъ его почашъ, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходилъ спарику.
— «Спепанушка родной, не выдай, милой!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Башпраку.
Вопшъ, новый Геркулесь, со всей собравшись силой,
Чшо шолько было въ нѣмъ,
Опнешъ полчерена медвѣдю шопоромъ,
И брюхо проколомъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ, и замертво уналъ:
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; Креспьянинъ вспалъ,
И онъ же Башпрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Спепанъ.
— «Помилуй,» говоритъ: «зачшо?» — «За чшо, болванъ!»
Чему обрадовался слуру?
Знай колешъ: всю испоршилъ шкуру!» —

ОБОЗЪ.

Съ горшками шель Обозъ,
И надобно съ крушой горы спускашься.
Вошь, на горъ другихъ оспави дожидашься,
Хозяинъ спавль сводишь легонько первый возъ.
Конь добрый на крестецъ почпи его понёсь,
Кашпшься возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
— «Ай, конь хваленый, по-що диво!
Смопринь, мѣвшися какъ ракъ;
Вошь чупъ не зацѣпиль за камень; косо! криво!
Смѣлье! Вошь шолчокъ опянь:
А шупъ бы влѣво лишь принянь.
Какой осель! Добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А по и подъ гору, и днемъ!
Смопрѣшь, шакъ выйдешь изъ шертьвья!
Ужъ воду бы шаскаль, коль нѣшь въ шебъ умѣнья!
Гляди-шко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь, минушы не попрашимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скапимъ!» —
Тупъ, выгнувши хребель и понапужа грудь,

Тронулася лошадка съ возомъ въ пущь;
Но полько подь гору она перевалилася,
Возъ началъ наширашь, шельга раскапилася:
Коня толкаешъ въ задъ, коня кидашъ въ бокъ;
Пущился конь со всѣхъ чешырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рышвинамъ пошли шолчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй — и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣюшъ слабосшь шу же
Все кажешся въ другомъ ошибкой намъ;
А примешся за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

— «Сосѣдушка, мой сытъ!»
Пожалуй-ста, покушай.»
— «Сосѣдушка, я сытъ по горло.» — «Нужды нѣтъ,

Еще шарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
— «Я при шарелки съѣлъ.» — «И, полно, чпо за счѣпы!
Лишь спало бы охоты, —
А по во здравье: ѣшь до дна!
Чпо за уха! Да какъ жирна:
Какъ будпо яншаремъ подернулась она.
Потышь же, миленькїй дружочикъ!
Вопъ лецикъ, попроха, вопъ сперляди кусочикъ!
Еще хопъ ложечку! Да кланяйся жена!» —
Такъ подчиваль сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не даваль ему ни опдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно капился градомъ потъ.
Однако же еще шарелку онъ береть:
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаешъ всю. — «Вопъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «за по ужъ чванныхъ не шерплю.
Ну, скушай же еще шарелочку, мой милой!» —
Тупъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но опбѣды шакой,
Схвапшя въ оханку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяши домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писашель, счаспливъ пы, коль даръ прямой имъешь:
Но если помолчашъ во время не умъешь,
И ближняго ушей пы не жалъешь:

То вѣдай, что шлон и проза и стихи
Тошнѣ будутъ всемъ Демьяновой ухи.

Конецъ второй книги.

СПбГУ

Б А С Н И.

КНИГА ТРЕТІЯ.

I.

ОТКУПИЩИКЪ И САНО- ЖИЩИКЪ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Бль сладко, вкусно шль;
По всякой день давалъ шры, банкешы.
Сокровищъ у него нѣшь смѣшны.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ спрадаешъ,
Что онъ не досынаешъ.
Ужъ Божьяго ль бонши онъ суда,
Иль, просто, шрусилъ разорилъся:
Да шолько все ему не крѣшко какъ-шо спилъся.

А сверхъ шого, хопь иногда
Онъ вздремлеть на зарь, шакъ новая бѣда:
Богъ даль ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жить въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ; но шакой пѣвунъ и весельчакъ,
Чшо съ ушрешней зары и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поешъ,
И богачу заснушь никакъ онъ не даешъ.
Какъ бышь, и какъ съ сосѣдомъ сладишь,
Чшобъ онъ пѣнья его опшвадишь?
Вельшь молчань: шакъ власни нѣшь;
Просиль: шакъ просьба не берешъ.
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шмешъ.

Пришелъ сосѣдъ.

— «Пріяшель дорогой, здорово!»

— «Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово.»

— «Ну, чшо, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идушь?»
(Въ комъ нужда, ужъ шого мы знаемъ, какъ зовушь).

— «Дѣлишки, баринъ? Да не худо!»

— «Такъ опъ шого-шо шы шакъ весель, шакъ поешъ?

Ты, спало, счастливо живешъ?»

— «На Бога грѣхъ рошпанъ, и чшо жъ за чудо?

Рабошю заваленъ я всегда;

Хозлика у меня добра и молода:

А съ доброю женой, кшо эшого не знаешъ,

Живешся какъ-шо веселѣй.»

— «И деньги ешь?» — «Ну, нѣшь, хопь лишнихъ не
бываетъ:

За шо нѣшь лишнихъ и заптѣй.»

— «И шакъ, мой другъ, пы бышь богаче не желашь?»

— «Я этого не говорю;

Хопь Бога и за шо, чпо ешь, благодарю:

Но самъ пы, баринъ, знаешь,

Чпо человекъ, пока живешъ,

Все хочешъ болъе: шаковъ ужъ здѣшній свѣшь.

Я чай, въдъ и шебъ швоихъ сокровищъ мало;

И мнѣ бы бышь богатшй не мѣшало.»

— «Ты дѣло говоришь, дружокъ:

Хопь при богатшпвѣ намъ ешь шакже непріятшва;

Хопь говоряшъ, чпо бѣдношь не порокъ;

Но все ужъ коль шеркъшь, шакъ лучше опъ богатшва.

Возьми же: вопъ шебъ рублевиковъ мѣшокъ;

Ты мнѣ за правду полюбился.

Поди: дай Богъ, чпобъ пы съ моей руки разжился.

Смошри, лишь промощанъ сихъ денегъ не моги,

И къ нуждѣ ихъ пы береги?

Пяшь сонъ рублей шушь върышь счешомъ.

Прощай!» — Сапожникъ мой,

Схвашя мѣшокъ, скоршй домой

Не бѣгомъ, лѣномъ;

Примчалъ госшинець подъ помой;

И шой же ночи въ подземелье

Зарыль мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье!

Не шолько пѣсенъ пышь, куда дѣвался сонъ

(Узналъ бессонницу и опъ!).

Все подозрительно, и все его провожашъ:

Чушь ночью конка заскребенъ,

Ему ужъ кажешся, чпо воръ къ нему идешъ:

Похолодѣешь весь, и ухо онъ приложишь.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоня кинушься въ рѣку.

Сапожникъ бился, бился,

И наконецъ за умъ хватился:

Бѣжишь съ мѣшкомъ къ Опшкунщику,
И говоришь: — «Спасибо на пріятельствѣ;

Вонъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:

Я до него не зналъ, какъ худо спать.

Живи ты при своемъ богатствѣ;

А мать, за пѣсни и за сонъ,

Не надобенъ ни миллионъ.» —

П.

ВОРОНЕШОКЪ.

Орель

Изъ-подъ небесъ на спадъ намешля

И выхватиля ягненка;

А Воронъ молодой вблизи на шо смопрѣля.

Взманило эшо Вороненка,

Да шолько думаетъ онъ шакъ: — «ужь брашь, шакъ
брашь,

А шо и когни чшо марашь;

Бываюшъ и орлы, какъ видно, плоховашы.

Ну, шолько ль въ спадъ чшо ягняшы?

Вошь, я какъ захочу,

Да налечу,

Такъ Царскій подлинно кусочикъ подхвачу!»

Тутъ Воронъ поднялся надъ шпадомъ,

Окинулъ шпадо жаднымъ взглядомъ:

Изъ множесшва ягнятъ, барановъ и овецъ

Высмащриваль, сличаль и выбраль наконецъ

Барана, да какаго?

Прежирнаго, премащераго,

Копорый доброму бѣ и волку былъ въ подъемъ.

Издадьясь, на него спустился,

И въ шерсть ему, что силы ешь, вѣдѣлся.

Тогда-шо онъ узналъ, что добычь не по нѣмъ.

Что хуже и всего, шакъ на баранъ шомъ

Тулупъ шакой былъ прекосмащный,

Гушпой, всклокоченный, хохлащный,

Что изъ него когшей не выщеребилъ вонъ

Защѣйникъ нашъ крымашный,

И кончилъ подвигъ шѣмъ, что самъ поналъ въ колонъ.

Съ барана паспухи его чиненько свяли;

А щобы онъ не могъ лешать,

Ему всъ крымья окарнали,

И дѣпямъ опдали играшь.

Нерѣдко у людей пожь самое бываешъ,

Коль мелкій плушъ

Большому плупу подражаешъ:

Что сходитъ съ рукъ воращъ, за шо воряшекъ буюшъ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ И СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной, зимной,
Спарикъ, изсохшій весь онъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ пяжкой ношей дровъ.

Несъ, несъ онъ ихъ и упомился,

Оспановился,

На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присль на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой:

«Куда я бѣдѣнь, Боже мой!

Нуждаюся во всемъ; къ шому жъ жена и дѣшн,
А шамъ подушное, боярщина, оброкъ:

И выдался ль когда на свѣшъ

Хопя одинъ мнѣ радоспный депѣкъ?»

Въ шакомъ унышнн, на свой пѣня рокъ,

Зовешъ онъ смершъ. Она у насъ не за горами,

А за плечами:

Явилась вмигъ,

И говоришь: — «Зачѣмъ шы звалъ меня, Спарикъ?» —

Увидѣвши ея свирѣпую осанку,

Едва промолвишь могъ бѣднякъ, опорощѣвъ:

— «Я звалъ шебя, коль не во гнѣвъ,

Чшобъ помогла шы мнѣ подняшь мою вязанку.» —

Изъ басни сей
Намъ видѣшь можно,
Что какъ бываетъ жишь ни пошно,
А умирашь еще пошнѣй.

IV.

ПОДАГРА И ПАУКЪ.

Подягру съ Паукомъ самъ адъ на свѣшь родиль:
Слухъ эпонъ Лафонпенъ по свѣшу распустиль.
Не спану я за нимъ вывѣшивашъ и мѣришь,
На сколько правды шущъ, и какъ, и почему;
Пришомъ же, кажешся, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣришь.
И, сшало, нѣшь сомнѣнья въ шомъ,
Что адомъ рождены Подягра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подосѣло время
Приспроишь дѣшокъ къ должноснямъ
(Для добраго опца большія дѣши — бремя,
Пока они не по мѣсшамъ!);
То, опшуская въ мѣрь ихъ къ намъ,
Сказаль родишель имъ: — «Подине
Вы, дѣшушки, на свѣшь, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая ешь,
Что оба вы мою поддержише шамъ чешъ,

И оба людямъ вы равно надоѣдише.

Смогрише же опселя напередъ,
Кшо чшдъ изъ васъ въ удѣль себѣ возьмешъ?

Вонъ, видише ль вы пышные черпоги?

А шамъ вонъ хижины убоги?

Въ однихъ проспоръ, довольсво, красоша;

Въ другихъ и шѣсноша,

И прудъ, и нищеша.»

— «Мнѣ хижинъ ни зачно не нада,»

Сказалъ Паукъ. — «А мнѣ не надобно палашъ,»

Подагра говоритъ: «пусти въ нихъ живешъ мой бранъ:

Въ деревнѣ, опъ ашнекъ подалъ, жинъ я рада;

А по меня шамъ спанушъ докшора

Гоняшъ изъ каждаго богашаго двора.» —

Такъ смолвясъ бранъ съ сеспррой, пошли, явились въ
мръ.

Въ великомъпнѣйшей кварширь

Паукъ владнѣ себѣ опмежевалъ:

По шкафамъ пышнымъ, развѣчонымъ

И по карнизамъ золочонымъ

Онъ наупину разоспмалъ,

И мухъ бы вдоволь нахвапалъ; —

Но къ разсвѣшу едва съ работою убрался,

Пришелъ и щепкою все смель слуга долой.

Паукъ мой першѣливъ: онъ къ печкъ перебрался.

Ошпюль Паука меплой.

Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой!

Но гдѣ основу ни напшнелъ,

Иль щепка иль крымо вездѣ его доспанелъ,

И всю работу изорветъ;
А съ нею и его часпехонько смешетъ.
Паукъ въ опчаянъ; и за городъ идетъ
Увидьшяся съ сесприцей.

— «Чай, въ селахъ» говоринъ: «живетъ она Царицей.»

Пришелъ — а бѣдная сеспра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:

Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,

И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:

Примѣна у проспыхъ людей,

Чпо чѣмъ подагру мучитъ боль,

Тѣмъ шы скорѣй

Избавишья опъ ней.

— «Нѣтъ, брапецъ,» говоринъ она: «не жизнь мнѣ
въ полѣ!» —

А брань

Тому и радъ:

Онъ шущъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся;
Вползъ въ избу къ мужику, съ шоваромъ разобрался,

И, не боясь ни щепки, ни мешлы,

Запскаль и пошолокъ, и спѣвны, и углы.

Подагра же, шопчасъ въ дорогу;

Проешилася съ селомъ;

Въ споллицу прибыла, и въ самый пѣшнѣй домъ

Къ Превосходнѣльспву съдому съла въ ногу.

Подагръ рай; пошло жинье у шарика:

Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.

Съ шѣхъ поръ съ сеспрою брань ужъ боль не видался;

Всякъ при своемъ у нихъ оседался,

Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пуспился неопряшнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знашнымъ;
И оба дѣлають умно.

V. >

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ Винограду кисши рдѣлись.
У кумушки на Виноградъ
Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись;
А кисши сочныя, какъ яхонны горящъ.
Лишь шо бѣда, висящъ онъ высоко:
Опкомъ и какъ она къ нимъ ни зайдещъ,
Хощъ видищъ око,
Да зубъ неймешъ.
Пробившись попуспу часть цѣлой,
Пошла и говорищъ съ досадою: «Ну, что жъ!
На взглядъ-шо онъ хорошъ,
Да зелень — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Топчасъ оскомину набьешъ.» —

ОСЕЛЬ И СОЛОВЕЙ.

Осель увидѣлъ Соловья,
И говоришь ему: — «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывающъ, пѣшь великій маспернице:
Хопѣлъ бы очень я
Самъ посудинь, пшвое услышавъ пѣнье,
Велико ли пшвое умѣнье?» —
Тупъ Соловей являнь свое искусшво спалъ:
Защолкалъ, засвиспалъ
На пшысячу ладовъ пшянулъ, переливался;
То пѣжно онъ ослабѣвалъ,
И помной вдалекъ свирѣлью опшдавался,
То мелкой дробью вдругъ по роцъ разсыпался.
Внимало все шогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Запшкли въперки, замолкли пшячекъ хоры,
И прилегли спада.
Чупъ-чупъ дыша, паспухъ имъ любовался,
И шолько ипогда,
Внимая Соловью, паспушкъ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Осель, успавясь въ землю лбомъ,
— «Изрядно,» говоришь: «сказашъ неложно,
Тебя безъ скуки слушашь можно;
А жаль, что незнакомъ

Ты съ нашимъ пѣшухомъ:
Еще бѣ ны болѣ навоспрился,
Когда бы у него немножко поучился.» —
Услыша судъ шакой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и — полешѣлъ за придевляныя поля.
—
Избави, Богъ, и насъ опѣ эшакихъ судьей.

VII.

СЛОПЪ НА ВОЕВОДСТВО.

Чпо знашенъ и силенъ,
Да неумень,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.
—
На Воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хопъ, кажется, Слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ Воевода
Въ родню былъ шолснъ,
Да не въ родню былъ проснъ;
А съ умыслу онъ мухи не обиднъ.
Вопъ добрый Восвода виднъ:
Вспунило онъ овецъ прошеніе въ Приказъ:
— «Чпо волки-де совсѣмъ сдираюпъ кожу съ насъ.»

— «О, плушны!» Слоны кричишь: «какое пресупленье!

Кто грабишь далъ вамъ позволенье?»

А волки говоряшь: — «Помилуй, нашъ овецъ!

Не шы ль намъ къ зимѣ па шулуны.

Позволимъ легонькій оброкъ собратъ съ овецъ?

А что онъ кричаешь, шакъ овцы глуны:

Всего-шо придешь съ нихъ — съ сеспыры по шкуркы
сняшь;

Да и шого имъ жаль опданъ.»

— «Ну, шо-шо жъ,» говоришь имъ Слоны: «смошрите;

Неправды я не поперплю ни въ комъ.

По шкуркѣ, шакъ и бышь, возьмине;

А больше ихъ не шроньше волоскомъ.» —

VIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ Крестьянину на дворъ

Залѣзъ осенней ночью воръ;

Забрался въ клѣшь, и, на проспоръ,

Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и пополокъ,

Покралъ безсовѣстно, что могъ:

И шо сказаешь, какая совѣсть въ воръ!

Ну шакъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,

Богатымъ легъ, а съ голью вспалъ шакою,

Хоть по миру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснушься худо шакъ!
Креспьянниъ шужинъ и горюешъ,
Родно сзываешъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.

— «Нельзя ли,» говоришь: «помочь бѣдѣ моей?» —

Тутъ всякой съ мужикомъ шолкуешъ,
И умный свой даешъ совѣшъ.

Кумъ Карпычъ говоришь: — «Эхъ, свѣшъ!
Не надобно было тебѣ по миру славишь,
Чшо сполько шы богашъ.»

Свапъ Климычъ говоришь: — «Впередь, мой милый
свапъ,

Спарайся кльпъ къ избѣ гораздо ближе спавишь.»

— «Эхъ, брашцы, эшо все не шакъ,»

Сосѣдъ шолкуешъ Фока:

«Не шо бѣда, чшо кльпъ далѣка,
Да надо на дворъ лихихъ держашъ собакъ;
Возьми-ка шы впередь щенка любого
Ошъ жучки: и бы радъ сосѣда дорогаго
Ошъ сердца надѣлишь,
Чѣмъ ихъ шопишь.» —

И словомъ, ошъ родни и ошъ друзей любезныхъ
Совѣшовъ шысячу надавано полезныхъ,

Кшо сколько могъ:

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкъ не помогъ.

На свѣшъ шаково жъ: коль въ нужду попадешся,
Ошвѣдай сунушся къ друзьямъ:

Начнушь совьшованъ и вкось тебѣ, и впрямъ:
А чупь о помощи на дѣль занкнешься,
То лучший другъ
И нѣмъ, и глухъ.

IX.

ХОЗЯИНЪ И МЫШЬ.

Коль въ домъ спанушь ворованъ,
А нѣшь прилики вору;
То берегись клепанъ,
Или наказыванъ всѣхъ сплюшь и безъ разбору:
Ты вора эшимъ не уймешь
И не исправншь,
А шолько добрыхъ слугъ съ двора бѣжанъ заставншь,
И опъ меньшей бѣды въ большую попадешь.

Купчина выспроилъ анбары,
И въ нихъ покчалъ съѣснныя все повары;
А чшобъ мышнннй родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ опъ Мышей Купчина;
По кладовымъ и день, и почъ дозоръ;
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.

У кошекъ, какъ у насъ (кто этого не знаетъ?),

Не безъ грѣха въ надсмощрикахъ бываетъ.

Тупъ, чѣмъ бы вора подсперечь,

И наказашъ его, а правыхъ побережъ,

Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь.

Услыша приговоръ шакой замыслованый,

И правый тупъ, и винованый

Скорѣй съ двора долой.

Безъ кошекъ спалъ Купчина мой.

А Мыши лишь того и ждали, и хопъли:

Лишь кошки вонъ, онъ въ анбаръ,

И въ двѣ, нль въ при недѣли,

Поѣли весь поваръ.

Х.

СЛОПЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слопа водили,

Какъ видно напоказъ.

Извѣстно, что Слопы въ диковинку у насъ;

Такъ за Слопомъ полны звакъ ходили.

Опколѣ ни возмись, на вспрѣчу Моська имъ.

Увидѣвши Слопа, ну на него мешанься,

И лаяшь, и визжаешь, и рванься:

Ну, пакъ и лезешь въ драку съ нимъ.

— «Сосѣдка, переспань срамисья,»
Ей шапка говоритъ: «себѣ ль съ Слономъ возишься?
Смотри, ужъ ны хрипишь, а онъ себѣ идешь

Впередъ,

И лая своего совсѣмъ не примѣчаешь.»

— «Эхъ, эхъ!» ей Моська опивчается:

«Вонъ по-по мнѣ и духу придаешь,

Что я, совсѣмъ безъ драки,

Могу попаснѣ въ большія забіяки.

Пускай же говорятъ собаки:

— Ай, Моська! знашь, она сильна,

Что лаешь на Слона!» —

XI.

ВОЛКЪ И ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка Волкъ, начавъ помалу приучаешь

Ощевскимъ промысломъ пипаешься,

Послалъ его опушкой прогуляешься;

А между шемъ вельѣзъ прилежный примѣчаешь,

Нельзя ль гдѣ счастья имъ опивдаешь,

Хоть захвати грѣха,

На счетъ бы паспуха

Позавпракаешь, иль пообѣдаешь?

Приходишь ученикъ домой,

И говоришь: — «Пойдемъ скорѣй со мной!

Объдь голову; ничто не можетъ бытьъ вѣрнѣе:

Тамъ подь горой

Пасушь овецъ, одна другой жирнѣе;

Любую спидинъ лишь унесшь

И съѣсшь;

А спадо шаково, чиню трудно перечесть.»

— «Постой-ка,» Волкъ сказалъ: «сперва мнѣ вѣдать надо,

Каковъ паспухъ у спада?»

— «Хоть говорящъ, чиню онъ

Нецлохъ, забошлывъ и умѣнъ;

Однако спадо я обшелъ со всѣхъ споронъ,

И вымошрѣлъ собакъ: онъ совсѣмъ нежирны,

И плохи, кажешся, и смирны.»

— «Меня шакъ эшопъ слухъ,»

Волкъ спарыйъ говоришь: «не очень къ спаду манишь:

Коль подлинно нецлохъ паспухъ,

Такъ онъ плохихъ собакъ держать не спашеть.

Тупъ шоничасъ попадешъ въ бѣду!

Пойдемъ-ка, я тебя на спадо наведу,

Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры:

Хопя при спадѣ шомъ и множешиво собакъ,

Да самъ паспухъ дуракъ;

А гдѣ паспухъ дуракъ, шамъ и собаки дуры.» —

ХП.

ОБЕЗЪЯНА.

Какъ хочешь ты прудись;
Но приобрѣсь не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ пивныхъ прудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей прудился;
Трудился шакъ крестьянинъ мой,
Что градомъ пошъ съ него капился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходилъ,
Опъ всѣхъ ему: спасибо, исполашъ!
Маршешку это въ зависъ вводилъ:
Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелаешъ!
Маршешка вздумала прудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возилъся!
Хлопашъ

Маршешкъ полонъ ропъ:
Чурбанъ она то понесѣнъ,
То шакъ, то слякъ его обхвапашъ,
То повомочешъ, то покапашъ;
Рвкой съ бѣдняжки лешся пошъ;
И наконецъ она, пыхпя, насилу дышпшъ:

А все ни опъ кого похвалъ себѣ не слышишь.

И не диковинка, мой свѣтъ!

Трудишься много ты, да пользы въ эпомъ нѣтъ.

XIII.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось Мышамъ себя прославить,

И, не смотря на кошекъ и кошовъ,

Свесни съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,

И славу о своихъ дѣлахъ прубишь заставишь

Опъ погребовъ до чердаковъ;

А для того Совѣтъ назначено сосставишь,

Въ конпоромъ заседашь лишь пѣтъ, у коихъ хвосты

Длиной во весь ихъ росты:

Примѣша у Мышей, что попъ, чей хвосты длиннѣе,

Всегда умнѣе

И распорошнѣе вездѣ.

Умно ли по, теперь мы спрашивать не будемъ;

Припомъ же объ умѣ мы сами часно судимъ

По плашью, или по бородѣ.

Лишь нужно знашь, что съ общаго сужденья

Все длиннохвостыхъ брашь назначено въ Совѣтъ;

У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,

Хопя бѣ лишились ихъ онѣ среди сраженья,

Но такъ какъ это знакъ иль неумбня,

Иль нерадья,

Такихъ въ Событь не принимаю,

Чпобъ изъ-за нихъ своихъ хвосповъ не расперяю.

Все дѣло слажено; повѣщено собранье,

Какъ ночь наспанешъ на дворѣ;

И наконецъ въ мушномъ ларѣ

Открышо засѣданье.

Но лишь позанями мѣсна,

Ань, глядь, сидишь шушь крыса безъ хвоспа.

Примыши шо, съдую Мышь полкаешъ

Мышенокъ молодой,

И говоришь: — «Какой судьбой

Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаешъ?

И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?

Дай голосъ, чпобъ ее скорѣ выслашъ вонъ.

Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не любинъ;

И можно ль, чпобъ она полезна намъ была,

Когда и своего хвоспа не сберегла?

Она не только насъ, подполицу всю стубинъ.» —

А Мышь въ отвѣтъ: — «Молчи! все знаю я сама;

Да эша крыса мнѣ кума.» —

М Ы Ш О К Ъ .

Въ прихожей на полу
Въ углу
Пусшой Мышокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обшпирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мышокъ нашъ въ чеснь попался,
И весь червонцами набиннь;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежннь.
Хозяннь самъ его лелбень,
И бережеть Мышокъ онъ шакъ,
Чно на него никакъ
Ни вшерь не пахнень, ни муха свеннь не смбень;
А сверхъ того съ Мышкомъ
Весь городъ спалъ знакомъ.
Пріанель ли къ хозяину приходннь:
Охотно о Мышкѣ рчь ласково заводннь;
А ежели Мышокъ ошкрыннь,
То всякой на него умильно шакъ глядннь;
Когда же кно къ нему подсядннь,
То вѣрно ужъ его попремнень, пль погладннь.
Увидя, чно у всѣхъ онъ спалъ въ шакѣй чесни,
Мышокъ завелчался,

Заумничаль, зазнался,
Мѣшокъ заговориль, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядишь онъ, и судишь:
И шо не шакъ,
И шопъ дуракъ,
И изъ шого-шо худо будешь.
Всѣ шолько слушають его, разинувъ ротъ;
Хопъ онъ шакую дичь несѣшь,
Чшо уши вянутъ:
Но у людей, къ несчастью, шопъ порокъ,
Чшо имъ съ червонцами Мѣшокъ
Чшѣ ни скажи, всему дивнись спашушь.
Но долго ль былъ Мѣшокъ въ чешини и слышь съ умомъ?
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы пошаскали;
А шамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.
—
Мы басней никого обидѣшь не хощемъ:
Но сколько ешь шакихъ Мѣшковъ
Между опкушниковъ,
Кошоры нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ,
Кошоры у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ богаты спали;
Съ кошорыми шеперь и Графы и Князья,
Друзья;
Кошорые шеперь съ вельможей,
У коего они не смѣли съестъ въ прихожей,
Играють запрсно въ босшонъ?

Велико дѣло — миллионъ!

Однако же, друзья, вы сполько не гордишесь!

Сказанъ ли правду вамъ нишкомъ?

Не дай Богъ, если раззоришесь:

И съ вами шочно такъ поспуляпъ, какъ съ Мышкомъ.

XV.

КОТЪ И ПОВАРЬ.

Какой-шо Поварь, грампый,

Съ поварни побѣжалъ своей

Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,

И въ эпопъ день по кумъ призну правилъ),

А дома сперечи съспнное опъ мышей

Коша оспавиль.

Но чшд же, возвращаясь, онъ видишь? На полу

Объядки пирога; а Васька-Конь въ углу,

Припавъ за укуснымъ боченкомъ,

Мурмыча и ворча, шрудился надъ курченкомъ.

— «Ахъ, пы, обжора! ахъ, злодѣй!»

Тупъ Ваську Поварь укоряепъ:

«Не спыдно ль спынь шебъ, не шолько чшо людей

(А Васька все-таки курченка убираепъ)?

Какъ! бывъ чеспнымъ Копомъ до эшихъ поръ,

Бывало, за примѣръ шебя смиренспва кажущь:

А ны . . . ахни, какой позорь!

Теперь всь сосѣди скажущь:

Кошъ-Васька плущь, Кошъ-Васька воръ!

И Ваську-де, не полько чпо въ поварню,

Пускань не надо и на дворъ,

Какъ волка жаднаго въ овчарню;

Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣсць!

(А Васька слушаешь, да вьспъ).» —

Тущь рипоръ мой, давъ волю словъ печеню,

Не находиль конца правоученю.

Но чпо жь? Пока его онъ пьль,

Кошъ-Васька все жаркое съьль.

А я бы повару шому

Вельль на спьнькъ зарубишь,

Чшобъ шамъ рьчей не прашишь попусшому,

Гдъ нужно власишь упошребишь.

ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядкахъ шакъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хопьль онъ вырыпъ кладъ:
Мужикъ решивый былъ рабонникъ,
И дюжь, и свежь на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсопни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охощникъ
До огородовъ и садовъ,
Великой краснойбай, названный другъ природы,
Недоученый Философъ,
Который лишь изъ книгъ болпалъ про огороды.
Однако жъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходишь,
И поже огурцы садишь;
А между пьмъ смьлся шакъ сосьду:
— «Сосьдъ, какъ хочешь шы поньй,
А я съ рабоцою моей
Далеко онъ шебя уьду;
И огородъ швой при моемъ
Казашься буденъ пуспьремъ.
Да, правду говоришь, я и шому дивимся,
Чшо огородинко швой кое-какъ иденъ:
Какъ шы еще не раззорися?
Ты, чай, вьдъ никакимъ наукамъ не учиися?»
— «И некогда,» сосьда былъ опивенъ.

«Прилежностъ, навѣкъ, руки:

Вошь всѣ мои шупъ и науки;

Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ.»

— «Невѣжа! восплаваешь противъ Наукъ ты смѣешь?»

— «Нынѣ, баринъ, не полкуй моихъ шакъ криво словъ:

Коль ты чпо пушиное зашъешь,

Я переняшь всегда гошовъ.

А вошь, увидишь ты, лишь лыпа бѣ намъ дождашься.

Но, баринъ, не пора ль за дѣло принимаешь?

Ужъ я кой-чпо посажалъ, посадилъ;

А ты и грядъ еще не взрылъ.»

— «Да, я не взрылъ, за недосугомъ:

Я все чиналъ,

И вычиналъ,

Чѣмъ лучше: заснупомъ ихъ взрышь, сохой или плугомъ?

Но время еще не уйдешь.»

— «Какъ васъ, а насъ оно не очень ждешь,»

Послѣдній опшвчалъ, — и шупъ же съ нимъ разшлся,

Взялъ заспушь свой;

А Философъ пошелъ домой;

Чиналъ, вынисьывалъ, справлялся;

И въ книгахъ рылся и въ грядяхъ,

Съ ушра до вечера въ шрудахъ.

Едва съ одной рабошой сладинъ,

Чупъ на грядяхъ лишь чпо взойдешь:

Въ журналахъ новосшь онъ найдешь —

И все изроешь, пересадишь

На новый ладъ и образецъ.

Какой же вымлся конецъ?

У Огородника возшло все и поспело;
Опъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло:
А Философъ —
Безъ огурцовъ.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

«Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за спрашь
Курь красшь?»

Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ, встрѣпясь съ нею:

«Я, право, о тебѣ жалю!

Послушай, мы шеперь вдвоемъ;

Я правду всю скажу: вѣдь въ ремесль швоемъ

Ни на волосъ добра не видно.

Не говоря уже, что красшь и грѣхъ, и спыдно,

И что бранишь тебѣ весь свѣшь;

Да дня шакого нѣшь,

Чтобъ не боялась шы за ужинъ, иль обѣдъ

Въ куряшникѣ оставишь шкуры!

Ну, спояишь ли шого всѣ куры?»

— «Кому шакая жизнь сносна?»

Лисица опшвѣчаетъ:

«Меня шакъ все въ ней сподолько огорчаетъ,

Что даже мнѣ и пица невкусна.

Когда бь пы зналь, какъ я въ душъ чесна!

Да что же дѣлашь? Нужда, дыши;

Припомъ же иногда, голубчикъ - кумъ,

И по приходишь въ умъ,

Что я ли воровствомъ одна живу на свѣпъ,

Хопъ эпопъ промыселъ мнѣ почно оспрый ножъ?»

— «Ну что жъ?»

Креспянинъ говоришь: «коль вправду пы не лжѣшь,

Я опъ грѣха шебя избавлю,

И чеспный хлѣбъ шебъ доспаваю;

Наймись куряпникъ мой опъ лисъ пы охраняшь:

Кому, коль не Лисъ, всѣ лисьи плушни знашь?

За то ни въ чемъ не будешь пы нуждапья,

И спанешь у меня какъ въ маслѣ сырѣ капанья.»—

Торгъ слаженъ: и съ того жъ часа

Вспунила въ карауль Лиса.

Пошло у мужика жинье Лисъ привольно;

Мужикъ богашъ, всего Лисъ довольно:

Лисица спала и сыпый,

Лисица спала и жирный;

Но все не сдѣламась чеспный:

Некраденый кусокъ прѣлся скоро ей;

И кумушка штемъ службу повершила,

Что, выбравъ почку пошемный,

У куманька всѣхъ куръ передушила.

—

Въ комъ еспъ и совѣспъ, и законъ:

Топъ не украдепъ, не обманешъ,

Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;

А вору дай хоть миллионъ,
Онъ воровать не переспанешъ.

XVIII.

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА.

Льву, Кесарю льсовъ, Богъ сына даровалъ.

Звѣриную вы знаете природу:

У нихъ, не какъ у насъ; у насъ ребенокъ году,
Хотя бъ онъ Царскій былъ, и глупъ, и слабъ, и малъ;
А годовалый львенокъ

Давно ужъ вышелъ изъ пеленокъ.

Такъ къ году Левъ-опецъ не шуинкой думашъ спалъ,
Чшобы сынка невѣжей не оспавивъ,
Въ немъ царску честь не уронивъ,
И чшобъ, когда сынку придется царспвомъ правивъ,
Не спалъ бы за сынка народъ опца бранивъ.

Кого жъ бы попросивъ, нанявъ, или заспавивъ
Царевича Царемъ навьучку поспавивъ?

Опдавъ его лисъ: лиса умна,
Да лгашъ великая охонница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука:
Такъ эшо, думалъ Царь, не Царская наука.

Опдавъ крошу: о немъ молва была,

Что онъ во всемъ большой порядокъ любилъ,
Безъ оцупи шага не спулупилъ,
И всякое зерно для своего сполла
Онъ самъ и чисилупилъ, самъ и лупилупилъ;
И словомъ, слава шла,
Что крошкы великый звъръ на малыя дѣла:
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза крошковы зорки,
Да вдаль не видяптъ ничего;
Порядокъ же крошовъ хорошъ, да для него,
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взяли ли барса? Барсъ опваженъ и силёнъ;
А сверхъ него великый шапникъ онъ;
Да барсъ полшники не звалупъ:
Гражданскихъ правъ совсемъ не понимаептъ;
Какіе жъ царствовашъ уроки онъ подасилупъ?
Царь долженъ быптъ судья, министръ и воинъ;
А барсъ лишь ризанъся гораздъ:
Такъ и дѣшеи учили онъ Царскихъ недоспоинъ.
Короче: звъръ все, и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почпёнъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все еще казался не умёнъ,
И не учёнъ.
По счастью, или вѣптъ (увидимъ это вскорь),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернашыхъ царь, орель,
Который велъ
Со Львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужилупъ большую взялся службу,

И вызвался самъ Львенка воснипаць.

У Льва какъ гору съ плечь свалило.

И подлинно: чего, казалось, лучше было,
Царевичу Царя въ учипели сыскашь?

Вошь Львенка снарядили

И оппустили

Учипься царснвовашь къ орлу.

Проходишь годъ и два; межъ шѣмъ, кого ни спросяшь,

О Львенкѣ оно всѣхъ лишь слышанъ похвалу:

Всѣ пшцы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.

И наконецъ приходишь срочный годъ,

Царь-Левъ за сыномъ шлѣшь.

Явился сынъ; шущь царь собираешъ весь народъ,

И малыхъ, и большихъ сзываетъ;

Сынка цѣлуешъ, обнимаешъ,

И говоришь ему онъ шакъ: — «Любезный сынъ,

По мнѣ наследникъ шы одинъ;

Я въ гробъ уже гляжу, а шы лишь въ свѣшъ вшпу-

паешъ:

Такъ я шебъ охотно царснво сдамъ.

Скажи шеперь при всѣхъ лишь намъ,

Чему ученъ шы, чшд шы знаешъ,

И какъ шы свой народъ счастливымъ сдѣлашь чаешъ?»

— «Папа,» опшѣпшвовалъ сынокъ: «я знаю шю,

Чего не знаешъ здѣсь никшо;

И опъ орла до перепѣлки,

Какой гдѣ пшцы болѣ водъ,

Какая чѣмъ изъ нихъ живѣшъ,

Какія лица несѣшъ,

И шпичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки:
Вопъ отъ учипелей шебъ мой ашпешапъ;
У шпичъ не даромъ говоряпъ,
Чшо я хвапаю съ неба звѣзды;
Когда жъ намбрень шпы правленье мнѣ вручить,
То я пошчасъ начну звѣрей учипъ
Вишь гнѣзды.» —

Тупъ ахнулъ Царь и весь звѣриный свѣпъ,
Повѣсилъ головы Совѣпъ;

А Левъ-спарикъ поздненько спохвапился,
Чшо Львенокъ не шому, чшо надбно учился —
Чшо онъ о шпичахъ лишь швердишъ,
Едва ли въдая, въ чемъ соспоишъ
Звѣриный быпъ.

Хопъ царшповашъ звѣрьми владышъ зовенъ его при-
рода —

И чшо главнѣйшей нѣпъ науки въ немъ Царей:
Знапъ пользы своего народа
И выгоды земли своей.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинь пѣнь,
Листки на деревъ съ зефирами шептали
Хвалились гуспоной, зеленостью своей,
И вошь, какъ о себѣ зефирамъ шоловали:
— «Не правда ли, что мы краса долинь всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бѣ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалишь себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль опъ зноя паспуха
И спранника въ шѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красотостью своей
Плясашъ сюда паспушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвиспывають соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разспаетесь съ нами.»
— «Примолвишь можно бы спасибо шупъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— «Что смѣять съ нами такъ считаешься дерзновенно?
Что вы такіе шамъ?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.

— «Мы шть,»

Имъ снизу опивъчали:

«Копорье, здѣсь роясь въ шемнопъ,

Пишаемъ васъ. Ужель не узнаете?

Мы Корни дѣрева, на коемъ вы цвѣшете.

Красуйшесь въ добрый часъ,

Да только помнише шу разницу межъ насъ,

Чшо съ новою весной лиспъ новый народишся;

А если корень изсушишся,

Не спанешъ дѣрева, ни васъ.» —

XX.

Г У С И.

Предлинной хвороспиной

Мужикъ Гусей гвалъ въ городъ продавашъ;

И правду испинну сказащъ,

Не очень вѣжливо чеспилъ свой гурпъ гусиной:

На барышни свѣшилъ къ базарному онъ дню

(А гдѣ до прибылѣи коснешся,

Не только намъ гусямъ, и людямъ доспаешся).

Я мужика и не виню;

Но Гуси иначе объ эпомъ шолковали,

И, встрѣшяся съ прохожимъ на пуши,

*

Вошь какъ на мужика пѣняли:

— «Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найши?

Мужикъ пакъ нами помыкаешъ,

И насъ, какъ будно бы проспыхъ Гусей, гоняешъ;

А эшого не смыслишь неучъ сей,

Чпо онъ обязанъ намъ почпеньемъ,

Чпо мы свой знапный родъ ведемъ опъ пѣхъ Гусей,

Копорымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:

Тамъ даже праздники имъ въ чеспъ учреждены.»

— «А вы хопише бышь за чпо опличены?»

Спросилъ прохожій ихъ. — «Да наши предки....» — Знаю,

И все чипаль; но вѣдашь я желаю,

Вы сколько пользы принесли?»

— «Да наши предки Римъ спасли!»

— «Все пакъ, да вы чпо сдѣляли пакое?»

— «Мы? ничего!» — «Такъ чпо жъ и добраго въ васъ еспъ?

Оспавъше предковъ вы въ покоѣ:

Имъ подѣломъ была и чеспъ;

А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

—

Баснь эпу можно бы и болѣе пояснить;

Да чпобъ гусей не раздразнить.

XXI.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то запесалась;
Вокругъ конюшенъ шамъ и кухонъ наслонялась;
Въ сору, въ навозъ извалялась;
Въ помояхъ по уши досыпна накупалась:
И изъ господней домой
Пришла свинья свиньей.
— «Ну что жь, Хавронья, шамъ пы видѣла шакого?»
Свинью спросилъ паспухъ:
«Вѣдь идешь слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домъ шакъ одно богатше другаго?»
Хавронья хрюкаетъ: — «Ну, право, порюшъ вздоръ!
Я не примѣшила богатшснва никакого:
Все шолько лишь навозъ, да соръ:
А, кажешся, ужъ, не жалѣя рыла,
Я шамъ изрыла
Везъ задній дворъ.» —

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣшь!
Но какъ же крипшика Хавроньей не назвашь,

Кошорый, что ни спанень разбирашь,
Имъешь даръ одно худое видѣшь?

XXII.

ОРЕЛЬ И ШАУКЪ.

За облака Орель
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедръ шамъ сполышнемъ съль,
И зримымъ подъ собой проспранспвомъ любовался.
Казалось, что опшоль онъ видѣль край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь роци и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборъ;
А шамъ сердинное Каспійско море,
Какъ вѣрона крыло, чернѣлося вдали.
— «Хвала тебѣ, Зевесь, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдити шакимъ полешомъ,
Что неприступной я не знаю вышины.»
Орель къ Юпитеру взываетъ:
«И что смонрю опшоль на міра красоны,
Куда никшо не залешаетъ.»

— «Какой же ты хваспунь, какъ погляжу,»
Паукъ ему шупъ съ вѣпки опивчаешъ:
«Да ниже ль я шебя, шовариць, здѣсь сижу?»
Орель глядишь: и подлинно Паукъ,
Надъ самымъ имъ раскинувъ съшь вокругъ,
На вѣшочкѣ хлопочешъ,
И, кажешся, Орлу зашкапъ онъ солнце хочешъ.
— «Ты какъ на эшой высопъ?»
Спросилъ Орель: «и пѣ,
Которые полепъ опважнѣйшій имбюпъ,
Не весь сюда пускапъся смбюпъ:
А ты безъ крыль и слабъ; неужли ты допозъ?»
— «Нѣпъ, я бѣ на эшо не рѣшился.»
— «Да какъ же здѣсь ты очунился?»
— «Да я къ шебѣ же прицѣпился,
И снизу на хвоспъ ты самъ меня занѣсъ:
Но здѣсь и безъ шебя умбю я держашъся;
И пакъ передо мной пропшу не величашъся;
И знай, что я»... Тушь вихрь, опколѣ ни возъмись,
И сдунулъ Паука опяпъ на самый низъ.

—
Какъ вамъ, а мнѣ пакъ кажущся похожи
На этакихъ перѣдко Пауковъ
Тѣ, кон безъ ума и даже безъ шрудовъ,
Тащашся ввѣрхъ, держась за хвоспъ вельможи;
А надуваюпъ грудь,
Какъ будшо бѣ сплюю ихъ Богъ снабдилъ орлиной:

Хоть сподить въпру лишь пахнушь,
Чшобъ ихъ унесшь и съ паушиной.

Конецъ третьей книги.

СПбГУ

Б А С Н И.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

ЛАНЬ И ДЕРВИШЬ.

Младая Лань, своихъ липась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекою имья опягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченяпъ,
И спала выполняпъ долгъ мапери священнй,
Своимъ пиная ихъ млекою.
Въ лѣсу живущй съ ней одною,
Дервишъ, ея поспушкочъ изумленнй,
— «О, безразсудная!» сказалъ: «къ кому любовь,
Кому свое млеко ты распочаешь?
Иль благодарности опъ ихъ ты рода чаешь?
Быпъ можешь, вѣкогда (иль злоспи ихъ не знаешь?)
Они прольютъ пивою же кровь.»
— «Быпъ можешь,» Лань на это отвѣчала:

«Но я о шомъ не помышляла,
И не желаю помышлять:
Мнѣ чувствво мапери одно пеперь лишъ мило,
И молоко мое меня бы пнягопило,
Когда бѣ не спала я пинашь.» —

—
Такъ испинная благоспъ
Безъ всякой мзды добро пворить:
Кпо добръ, птому избышки въ пнягоспъ,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлпшь.

—
II.

ОРЕЛЬ И КРОТЬ.

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде размопши его.

—
Со спороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ, Орель съ орлицею вдвоемъ
Задумали навѣкъ оспашься въ немъ,
И выбравши въпвиспый дубъ, высокой,
Гвѣздо себѣ въ его вершинѣ спали вишь,
Надьясь и дѣшей шунпъ вывеспи на лѣпо.
Услыша Кропъ про эню,
Орлу взялъ смѣлоспъ доложпшь,

Что эпошь дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почши онъ въ корни сгниль
И скоро, можетъ бышь, свалился;
Такъ чпобъ Орель гнѣзда на немъ себѣ не вилъ.
Но ксшапи ли Орлу приняшь совѣтъ изъ норки,
И опъ Кроша? А гдѣ же похвала,

Что у Орла
Глаза шакъ зорки?

И чшо за спашъ Крошамъ мѣшались смѣшь въ дѣла
Царь - шпицы!

Такъ многого съ Кропомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣщичика презря, —
И новоселье у Царя
Поспѣло скоро для Царицы.

Все счастливо: ужъ ешь и дѣши у орлицы.

Но чшо жъ? — Однажды, какъ зарей,
Орель изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завиракомъ съ охоты шоропился,

Онъ видишь: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣшей.

Опъ гореспи не взвидя свѣща,
— «Несчастный!» онъ сказалъ:

«За гордосшь рокъ меня шакъ люпо наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣща.

Но можно ль было ожидать,

Чшобы ничтожный Кропъ совѣтъ могъ добрый дать?»

— «Когда бы шы не презрѣлъ мною,»

Изъ норки Кропъ сказалъ: «шо вспомнить бы, чшо

Свои я норы подь землей,
И что, случаясь близь корней,
Здорово ль дерево, я знашь могу върный.» —

III.

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охошно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣ вполонкрыша.

Лиса, куряпинки накушавшись досыща,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ спогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядишь, а въ гости къ ней голодный Волкъ шацился.

— «Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни коспочкой не могъ нигдѣ я поживишься;
Меня пакъ голодь и морщишь;
Собаки злы, паспухъ не спишь,
Пришло хопъ удавишься!»
— «Неужли?» — «Право пакъ.» — «Бѣдвяжка-куманѣкъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вошь цѣлый спогъ:
Я куму услужишь гопова.»
А куму не сѣнца, хопѣлось бы мяснова;

Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой.

IV.

БУМАЖНЫЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подь облака,
Бумажный Змѣй, примѣня свысока

Въ долинь мошьялка:

— «Повѣришь ли!» кричишь: «чунь-чунь тебя мнѣ
видно,

Признайся, что тебѣ завидно

Смопрѣшь на мой высокій споль полешъ.»

— «Завидно? Право, нѣтъ!

Напрасно о себѣ пы много пакъ мечпаешъ!

Хошь високо, но пы на привязи лепашъ.

Такая жизнь, мой свѣшь,

Отъ счастья весьма далѣко;

А я, хошь правда невысоко,

За то лечу,

Куда хочу;

Да я же шакъ, какъ ты, въ забаву для другаго,
Пущаго,
Въкъ цѣлый не шрещу.» —

V.

Д Е Р Е В О .

Увидя, что попоръ крещьянинъ несъ,
— «Голубчикъ,» Деревцо сказало молодое:
«Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу росши въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не видѣнь свѣтъ,
Ни для корней моихъ проспора нѣтъ,
Ни въперкамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплескъ изволимъ своды!
Когда бъ не онъ него росши помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣмалась красою сей спранъ,
И тѣню бы моей покрылась вся долина;
А нынѣ шонко я, почини какъ хвороспина.» —
Взялся крещьянинъ за попоръ,
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очисшился проспоръ;
Но шоржесиво его не долго было!
То солнцемъ Дерево печешъ,

То градомъ, шо дождемъ съчепъ,
И въпромъ наконецъ шо Деревцо сломлю.

— «Безумное!» ему сказала шунъ змья:

«Не опъ шебя ль бѣда швоя?

Когда бъ, укрьпное въ лѣсу, шы возрастало:

Тебъ бъ вредишь ни зной, ни въпры не могли,

Тебя бы спарья деревья берегли.

А если бъ нѣкогда деревьевъ пѣхъ не спало,

И время ихъ бы опошло:

Тогда, въ свою чреду, шы сполько бъ возрасло,

Усилилось и укрьпилось,

Чшо ныгышней бѣды съ шобой бы не случилось,

И бурю, можешь бышь, шы бъ выдержашъ могло!»—

VI.

ЛЕБЕДЬ, ШУКА И РАКЪ.

Когда въ шоварицахъ согласья нѣтъ:

На ладъ ихъ дѣло не поидешъ,

И выйдешъ изъ него не дѣло, шолько мука.

Однажды Лебедь, Ракъ да Шука,

Везпи съ поклажей возъ взялись,

И вмѣшпъ шрое всъ въ него впряглись;

Изъ кожи лѣзунъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!

Поклажа бы для нихъ казалась и легка:

Да Лебедь рвешся въ облака,

Ракъ ныпнися назадъ, а Шука пнянешь въ воду.

Кпо виновашь изъ нихъ, кпо правъ,—судишь не намъ;

Да шолько возъ и нынъ шамъ.

VII.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,

Хопъ нужды не было Собакъ шой ни въ чемъ:

Иная бы шакимъ жишемъ

Была довольна и счасплива,

И не подумала бы красъ!

Но ужъ у ней была шакая спрасъ:

Чшд изъ мяснаго ни доспанешъ,

Въ минушу спянешъ.

Хозяинъ сладить съ ней не могъ,

Какъ онъ ни бился,

Пока его пріашель не вспуился,

И въ шомъ ему совъшомъ не помочь.

—«Послушай,» говорить: «хопъ кажешся пы спрогъ,

Но пы лишь красъ Собаку пріучаешъ,

Запъмъ, чшо краденый кусокъ

Всегда ей оспавляешъ.

А шпы впередь ее хопь меньше бей,
Да кражу опнимай у ней.» —
Едва лишь на себя Собака исполнила
Совѣшь разумный сей, —
Шалишь Собака перестала.

VIII.

МЕХАНИКЪ.

Какой-шо молодець купилъ огромный домъ,
Домъ правда дѣдовскій, но спросенный на славу:
И прочносшь и уютъ, все было въ домъ шомъ,
И домъ бы всешь прищель ему по праву,
Да шолько шо бѣды,
Немножко далеко спольяль онъ опъ воды.
«Ну чшо жь,» онъ думаешъ: «въ своешь добръ я вла-
спенъ;

Такъ домъ мой, какъ онъ ешь,
Велю машинами къ рѣкъ я перевеспъ
(Какъ видно, молодець Механикой былъ спрасшенъ!)
Лишь сани подъ него подвеспъ,
Подрывшись напередь ему подъ основанье,
А памъ уже, излада на кашкахъ,
Я вѣрошомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будшо на рукахъ.

И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевосишь труда мой будущъ домъ,
Тогда подь музыкой съ пріятелями въ нѣмъ,
    Пируя за большимъ споломъ,
На новосельѣ я побѣду какъ въ карентъ.»
    Плѣняясь глупостью шакой,
И къ дѣлу приступили попчасъ Механикъ мой.
Рабочихъ подрядилъ, подь домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берѣгъ;
Однако жъ дома онъ перенащипъ не могъ,
    И только до того добился,
    Что домъ его свалился.

—
    Какъ много у людей
    Запѣй,
Которыя еще опасѣй и глупѣй!

—
IX.

ПРУДЬ И РѢКА.

«Что это,» говорилъ Рѣкѣ соседній Прудъ:
    «Какъ на себя ни взглянешь,
    А воды всё свои шекушь!
Неужли таки ты, сесприца, не устанешь?»

Припомъ же, вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкiя суда,
То долговязые плoшы ны носишь,
Ужъ я не говорю про лодки, челноки,
Имъ шепчу въшь! Когда такую жизнь ны бросишь?
Я, право, высохъ бы съ шoски.
Въ сравненiи съ швоимъ, какъ жребiй мой прiянешь!
Конечно, я не знаешь,
По карпъ не плянусь я черезъ цѣльй лиспъ,
Мнѣ не бренишь похвалъ какой нибудь гуслиспъ:
Да эшо, право, все пусное!
За шо я въ илиспныхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгъ и въ поковъ;
Не шолько, что судовъ,
Или плошовъ,
Мнѣ здѣсь не для чего спрашившья:
Не знаю даже я, каковъ тяжель челнокъ;
И много, ежели случишья,
Что по водѣ моей чунъ зыблешья лиспокъ,
Когда его ко мнѣ забросишь въперокъ.
Чшо беззабоишную замѣнишь жизнь такую?
За въпрами со всѣхъ споронъ,
Не движась, я смопрю на суену мiрскую,
И философшвую сквозь сонъ.» —
— «А, философшвую, ны поминишь ли законъ?»
Рѣка на эшо опивѣчаешь:
«Чшо свѣжешь лишъ вода движеньемъ сохраняешь?
И если спала я великою Рѣкой,

Такъ это онъ шого, что кинувши покой,
Послѣдую сему уславу.

За то по всякой годъ

Обиліемъ и чиспоною водъ

И пользу приношу, и въ честьъ вхожу и въ славу,

И буду, можетъ быть, еще я вѣки печь,

Когда уже себя не будетъ и въ поминъ,

И о себѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь.»

Слова ея сбылись: она печетъ понынѣ;

А бѣдный Прудъ годъ онъ году все гложь,

Заволоченъ весь шиною глубокой,

Зацвѣль, заросъ осокой,

И наконецъ совсѣмъ изсохъ.

—
Такъ дарованіе безъ пользы свѣшу вянетъ,

Слабѣя всякой день,

Когда имъ овладѣетъ лѣнь

И оживлять его дѣятельность не спанетъ.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локняхъ кафтанъ продрался.
Чшо долго думаешь шпунъ? Онъ за иглу принялся:
По чепверши обрѣзалъ рукавовъ —
И локши заляпиль. Кафтанъ оянь гошовъ;
Лишь на чепвершь голѣ руки спали.
Да чшо до эшого печали?
Однако же смѣенся Тришкъ всякъ.
А Тришка говоришь: — «Такъ я же не дуракъ
И шу бѣду поправлю:
Длиннѣ прежняго я рукава наспавлю.»
О, Тришка мальй не проспой!
Обрѣзалъ фалды онъ и помы,
Наставиль рукава, и весель Тришка мой,
Хопъ носишь онъ кафтанъ шакой,
Кощораго длиннѣ и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запушавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ И РАЗ- БОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярманкѣ подойникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брель домой проселочнымъ пушѣмъ,
Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужичка какъ лишку ободралъ.
— «Помилуй,» всплачешся Крестьянинъ: «я пропалъ,
Меня совсѣмъ ши доканалъ!
Годъ цѣлый я купишь коровушку собирался:
Насилу эпого дождался дня.»
— «Добро, не плачься на меня,»
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
«И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доишь;
Ужъ шакъ и бышь,
Возьми себѣ назадъ подойникъ.»

ХП.

Ц В Ъ Т Ы.

Въ опворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣпы поддѣльные, съ живыми вмѣспѣ споя,
На проволочныхъ спебелякахъ
Качалися спѣсиво,
И выспавляли всѣмъ красу свою надиво.
Вонѣ дождикъ началъ накрапашъ.
Цвѣпы шафшяные Юпишера пунѣ просянѣ:
Нельзя ли дождь уняпѣ;
Дождь всячески они ругаюнѣ и поносянѣ.
— «Юпишерь!» моляпся: «пш дождикъ прекрати;
Чшо въ немъ пунш,
И чшо его на свѣпѣ хуже!
Смошри, нельзя по улицѣ пройпш:
Вездѣ лишь опѣ него и грязь и лужи.»
Однако же Зевесъ не внялѣ мольбѣ пусной,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онѣ воздухъ прохладилѣ; природа оживилась,
И зелень вся какъ будшо обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣпы живые всѣ
Раскпнулись во всей своей красѣ,
И спали опѣ дождя дуншпстѣй,

Свѣжѣ и пушистѣй.

А бѣдныя Цвѣты поддѣльные съ шѣхъ поръ
Лишились всей красы, и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

Таланцы испинны за крипику не злятся;
Ихъ повредишь она не можетъ красоты:
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

ХІІІ.

ЛЮБОНЫТНЫЙ.

«Пріятедь дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»
— «Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ при ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; ошъ удивленья,
Повѣришь ли, не спанеть ни умѣнья,
Пересказаць шебъ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесь напаша!
Куда на выдумки природа шаровапа!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, параканки!
Однѣ какъ изумрудъ, другіе какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!

Есть, право, меньше булавочной головки!»

— «А видѣль ли слона? Каковъ собой на взглядъ!»

Я чай, подумаль шы, что гору встрѣшилъ.»

— «Да развѣ памъ онъ?» — «Тамъ.» — «Ну, брашець,
виновашъ:

Слона-то я и не примѣшилъ.»

XIV.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни зашъи,

Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей:

Они всегда найдуть уловку,

Чтобъ сдѣланъ намъ, гдѣ имъ захочешся, саровку.

Въ овечьи спаросшы у льва просилъ волкъ.

Спараньемъ кумушки лисицы,

Словцо о немъ замолвлено у львицы.

Но шакъ какъ о волкахъ худой на свѣтъ полкъ,

И не сказали бы, что сморщилъ левъ на лицы;

То вельно звериной весь народъ

Созвашъ на Общій Сходъ,

И распросилъ шого, другаго,

Что въ волкъ добраго онъ знаешъ, или худаго.

Исполненъ и приказъ: все звери созваны.

На Сходкѣ голоса чинь чиномъ собрань:

Но прошивъ волка нѣтъ ни слова,

И волка вельно въ овчарню посадинь.

Да чпо же овцы говорили?

На Сходкѣ вѣдь онѣ ужь, вѣрно, были? —

Вопь по-по нѣтъ! Овецъ-по и забьли?

А пхъ-по бы всего нужнѣй спросинь.

XV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМЬЯ.

Змья къ Крестьянину пришла просинься въ домъ,

Не попусному живь безъ дѣла,

Нѣтъ, нявчинь у него дѣпей она хопѣла:

Хлѣбъ слаще нажиной шрудомъ!

«Я знаю,» говоритъ она: «худую славу,

Копорая у васъ, людей,

Идець про Змѣй,

Чпо всѣ онѣ презлаго нраву;

Изъ древности гласинь молва,

Чпо благодарности онѣ не знаютъ;

Чпо нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;

Чпо даже собшвенныхъ дѣпей онѣ съдаюць.

Все это можеть быць: но я не шакова.

Я среду никого не только не кусала,

Но шакъ гнушаюся зла,
Чшо жало у себя я вырвашь бы дала,
Когда бъ я знала,
Чшо жишь могу безъ жала;
И словомъ: я добрый
Всѣхъ Змѣй.

Суди жь, какъ буду я любишь швоихъ дѣшей!»
— «Коль эшо,» говоришь Креспѣяннѣ: «и неложно;
Все мнѣ приняшь шебя не можно:

Когда примѣръ шакой
У насъ полюбяшь,
Тогда вползущъ сюда за доброю Змѣй
Одной

Сшо злыхъ, и всѣхъ дѣшей здѣсь перегубяшь.
Да, кажешся, голубушка моя,
И попому съ шобой мнѣ не ужинься,
Чшо лучшая Змѣя,
По мнѣ, ни къ чоршу не годишся.»

—
Ошцы, поняшио ль вамъ, на чшо здѣсь мечу я? . . .

XVI.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго шаланнѣ еснь свой:
Но часто, на устѣхъ прельщаяся чужой,

Хвапаешься за шо иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ шакой:
Берись за шо, къ чему шы сроденъ,
Коль хочешь, чшобъ въ дѣлахъ успѣшнѣй былъ конецъ.

Какой-шо смолоду Скворецъ
Такъ пѣшь щегленкомъ научился,
Какъ будшо бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ;
И всякой Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ шакой доволенъ часпью;
Но Скворушка услышь, чшо хвалять соловья, —
А Скворушка зависшливъ былъ къ несчастпю, —
И думаепъ: «Поспойше же, друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.»
И подлинно запѣлъ,
Да шолько лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищаль, шо онъ хрипѣль,
То верещаль козленкомъ,
То не пушемъ
Мяукаль онъ кошенкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ пшницъ своимъ пѣнѣмъ.
Мой милый Скворушка, ну, чшо за прибѣль въ помъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловѣмъ.

ВОЛКЪ И ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ:

Волкъ, ѣвши, никогда

Коспей не разбираетъ.

За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:

Онъ коспью чунъ не подавился.

Не можетъ Волкъ ни охнунъ, ни вздохнунъ;

Пришло хопъ ноги прощанунъ!

По счастью, близко шунъ Журавль случился.

Вопъ, кой-какъ знаками спалъ Волкъ его манишь,

И просинъ горю пособинъ.

Журавль свой носъ по шею

Засунулъ къ Волку въ пасъ, и съ шрудносшью большего

Коспъ выпацилъ, и спалъ за шрудъ просинъ.

— «Ты шунинъ!» звѣрь вскричалъ коварный:

«Тебѣ за шрудъ? Ахъ, шы, неблагодарный!

А эшо ничего, что свой шы долгій носъ

И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унёсъ!

Поди жъ, прятель убирайся,

Да берегись: впередъ шы мнѣ не попадайся.»

ПОЖАРЪ И АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры спавъ пожаромъ,
Огонь, въ спремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночный часъ.
При общей пошй преревогъ,
Поперянный Алмазь
Едва сквозь пыль мелькаль, валяясь по дорогъ.
«Какъ ты, со всей своей игрой,»
Сказаль Огонь: «ничпоженъ предо мной!
И сколь навичное попребно зрънье,
Чпобъ различить шебя, при маломъ опдаленьѣ,
Или съ проспымъ спекломъ, или съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучъ или мой, или солнечный сияеть!
Ужъ я не говорю, чпо все шебъ бѣды,
Чпд на шебя ни попадешъ:
Бездѣлка, ленпы лоскупокъ.
Какъ часно блескъ пшой зашемняешъ,
Вокругъ шебя одинъ обвившись, волосокъ!
Не шакъ легко зашмишь мое сиянье,
Когда я, въ яросши моей,
Охвапываю зданье.
Смошри, какъ все усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ прескомъ все, чпд вспрѣчу, пожираю, —
И зарево мое, играя въ облакахъ,

Окрестностямъ наводишь страхъ.» —
— «Хоть прошивъ своего мой блескъ и бѣдень,»
Алмазъ оповѣстивуешь: «Но я безвреденъ:
Не укоришь меня никто ни чьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависни одной;
А ты блеснишь лишь тѣмъ, что разрушаешь.
За то, всей силой соединишь,
Смотри, какъ рвущся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ;
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можешь быть, къ концу.»
Тутъ силой всей народъ пушинъ Пожаръ принялся;
На упрѣ дымъ одинъ и смрадъ по немъ оспался:
Алмазъ же вскорѣ опыскался,
И лучшею красой спалъ Царскому вѣнцу.

XIX.

КРЕСТЬЯНЕ И РѢКА.

Крестьяне, вышедъ изъ перепѣя
Опъ раззоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополяхъ причиняли,
Попли просишь себѣ управы у Рѣки,
Въ копорую ручьи и рѣчки ты впадали.
И было чинѣ на нихъ донести!
Гдѣ озими разрыши;

Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Пошомлено скопа, что и не счестъ!
А та Рѣка печенъ пакъ смирно, хопъ и пышно;
На ней спояшъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ вѣрно ихъ она уймешъ,
Между собой Креспяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подоишь къ Рѣкѣ поближе спали,
И посмопрѣли, пакъ узнали,
Что половина ихъ добра по ней несѣтъ.
Тупъ, понуспу не завода хлопшъ,
Креспяне лишъ его глазами проводили;
Пошомъ взглянулись межъ собой,
И покачавши головой,
Пошли домой,
А ошхода проговорили:
— «На что и время шрапишь намъ!
На младшихъ не найдешъ себъ управы шамъ,
Гдѣ дѣляшся они со спаршимъ пополамъ.»

XX.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Спрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пуспъ бы кончилось на ней несчаспье злое.
Но вѣшь; — за ней должны еще погибнуть прос:
Онъ бѣдныхъ шрежъ ея шпенцовъ осирошилъ.

Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ силъ,

Малюпки шерпяшь голодъ

И холодъ,

И пискомъ жалобнымъ зовущъ напрасно мать.

— «Какъ можно не спрадашь,

Малюпокъ эшихъ види,

И сердце чье объ нихъ не заболитъ?»

Лисица пшницамъ говоришь,

На камушкъ прошивъ гнѣзда сиропокъ сидя:

«Не киньше, милья, безъ помощи дѣшей;

Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесише,

Хопъ по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышкѣ припкнише:

Вы эшимъ жизнь ихъ сохранише;

Чпѣ дѣла добраго свяпѣй!

Кукушка, посмопри, вѣдъ шы и шакъ линяешъ:

Не лучше ль дашь себя немножко оципашъ,

И перьемъ бы швоимъ пошпельку ихъ усплашь:

Вѣдъ попуспу жъ его шы расперяешъ.

Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувьркашься, кружишься,

Ты бѣ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,

Чшобѣ съ сиропами подѣлишься.

Ты, горлинка, швои шпенцы ужъ подросли;

Промыслишь кормъ они и сами бы могли:

Такъ шы бы съ своего гнѣзда слешѣла,

Да, емѣспо машери, къ малюпкамъ съла;

А дѣшокъ бы швоихъ пусшь Богъ

Берѣгъ.

Ты бѣ, ласпючка, ловила мошекъ,

Полакомишь безродных крошекъ.

А пы бы, милый Соловей, —

Ты знаешь, какъ всѣхъ голось швой прельщаетъ, —
Межъ шѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гвѣздъшкомъ качаетъ,
Ты бѣ убаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью, я швердо вѣрю,
Вы бѣ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что . . .» При сихъ словахъ,
Малюшки бѣдныя всѣ шрое,
Не могли съ голода сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ нанизъ.
Что жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла:
И поученья не дождала.

—
Читайшель, не дивись!

Кто добръ пошшинъ: не распложая слова,
Въ молчаньи шонтъ добро шворить;
А кто про доброшу лишь въ уши всѣмъ жужжитъ:
Тотъ часно шолько добръ на счетъ другаго,
За шѣмъ, что въ эпомѣ нѣтъ убышка никакова.
На дѣль же почти шакіе люди всѣ, —
Сродни моей Лисѣ.

XXI.

В О Д О Л А З Ы .

Какой-шо древній Царь впалъ въ шпранное сомнѣнье:
Не болѣ ль вреда, чѣмъ пользы, опъ Наукъ?

Не разслабляеть ли сердце и рук
Ученье?

И не разумнѣ ль поступишь опъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлешь вонъ?
Но шакъ какъ эпошъ Царь, свой украсая провъ,
Душею всей радѣль своихъ народовъ счасью,

И для шого

Не дѣлалъ ничего

По прихоти, иль по приспрасню:

То приказалъ собрашь совѣшь,

Въ кошоромъ всякой бы, хопъ слогомъ не кудрявьшь,

Но съ полкомъ лишь согласно здравьшь,

Свое предспавиль да, иль нвшь,

То ешь: ученымъ вопъ изъ царства убирашься,

Или по прежнему въ шомъ царствѣ осшавашся?

Однако жъ, какъ совѣшь ни полковалъ:

Кшо самъ свой голосъ подавалъ,

Кшо голосъ подавалъ работы секретарской;

Всякъ шолько дѣло зашемнялъ,

И въ нервшимосни запушывалъ умъ царской.

Кшо говорилъ, чшо неученя шма;

Чшо не далъ бы намъ Богъ ума,

Ни дара поспигашь вещей небесныхъ,

Когда бы Онъ хопѣлъ,

Чшобъ человекъ не болѣ разумѣлъ

Живопныхъ безсловесныхъ,

И чшо, согласно съ цѣлью сей,

Ученье къ счасшю ведешъ людей.

Другіе упверждали,

Что люди опъ Наука лишь только хуже спали;

Что все ученье бредъ,

Что опъ него лишь правамъ вредъ,

И что за просвѣщенемъ вслѣдъ,

Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.

Короче: съ обѣихъ споронъ,

И дѣло вывода и вздоры,

Бумаги исписали горы;

А о Наукахъ споръ оспался нерышёнъ.

Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ опъсюду онъ

Разумниковъ, изъ нихъ успановилъ собранье,

И о Наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.

Но способъ былъ и эшонъ худъ,

За пѣмъ, что Царь имъ далъ большое содержанье:

Такъ въ голосахъ между собой разладъ

Для нихъ былъ наспоющій кладъ;

И если бы имъ волю дали,

Они бъ донинъ шолковали,

Да жалованье брали.

Но шакъ какъ Царь казною не шушилъ;

То онъ, примѣня по, ихъ скоро распушилъ.

Межъ пѣмъ часъ опъ часу впадалъ въ сомнѣнье болъ.

Вошъ какъ-шо вышелъ онъ, сей мыслью заняпъ, въ поле,

И видишъ предъ собой

Пуспынника, съ сѣдою бородой

И съ книгою въ рукахъ большой.

Пуспынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;

Привѣтливоспъ и доброта

Улыбкою его украсили успа,

А на челъ слѣды глубокой видны думы.

Монархъ съ пуспынникомъ вспунаентъ въ разговоръ,

И, видя въ немъ познанія несчешны,

Онъ просишь мудреца рѣшишь пошю важный споръ:

Науки болѣе ль полезны, или вредны?

— «Царь!» спарець отвѣчалъ: «позволь, чтобъ предъ тобой

Открылъ я прищечю проспой,

Чпо размышленья мнѣ внушили многолысны.»

И, съ мыслями собравшись, началъ шакъ:

«На берегу близъ моря

Жиль въ Индіи рыбаць;

Проведши долгій вѣкъ и бѣдноти и горя,

Онъ умеръ, и проихъ оспавиль сыновей.

Но дѣши, видя,

Чпо съ нуждою они кормились онъ сыпей,

И, ремесло опцовско ненавида,

Брашь дань богатше задумали съ морей,

Не рыбой, — жемчугами;

И зная, плавань и нырянь,

Ту подашь доправлянь

Пуспились сами.

Однако жъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ проихъ:

Одинъ, лѣнивѣе другихъ,

Всегда по берегу скипался;

Онъ, даже, не хошълъ ни ногъ мочинъ своихъ,

И жемчугу шого лишь дожидался,

Чпо выбросишь къ нему волной:

А съ лѣноспью шакой

Едва-едва пипался.

Другой,

Трудовъ нимало не жалѣя,

И выбирашь умѣя

Себѣ по силѣ глубину,

Богащыхъ жемчуговъ ныряя искашь по дну:

И жияя, всечасно богащя.

Но прешій, ачюноснью къ сокровищамъ шомимъ,

Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:

— Хошь жемчугъ находишь близъ берега и можно,

Но, кажешия, какихъ сокровищъ ждашь не должно,

Когда бы удалось мнѣ

Доспашь морское дно на самой глубинѣ!

Тамъ горы, можешь бышь, богащивъ несченныхъ:

Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,

Копоры спдишь лишь доспашь

И взяшь. —

Сей мыслию пльнясь, безумецъ вскорѣ

Въ опкрытое пущился море,

И, выбравъ, гдѣ была чернѣя глубина,

Въ пучину кинулся; но, поглощенный ею,

За дерзосшь, не доспавши дна,

Опъ жизнью заплашилъ своею. —

«О, Царь!» примолвилъ шупъ мудрецъ:

«Хошь въ ученїи зримъ мы многихъ благъ причину;

Но дерзкій умъ находишь въ немъ пучину

И свой погибельный конецъ,

Лишь съ разницею шою,

Чшо часно въ гибель опъ другихъ влечеть съ собою.»

Конецъ четвертой книги.

БАСНИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;

Бѣдняжка въ ней и рвался и мешался,

А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.

— «Не спѣшно ль,» говоритъ: «средь бѣлаго дня
Попался!

Не провели бы шакъ меня:

За это я ручаюсь смѣло.»

Анъ смотришь, шушь же самъ зашумался въ силокъ.

И дѣло!

Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ!

II.

Х М Ъ Л Ъ.

Хмель выбежалъ на огородъ
И вокругъ сухой пычинки випись спалъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій споялъ.
— «Что въ этомъ пользы естъ уродъ,
Да и во всей его породѣ?»
Такъ про дубокъ пычинкѣ Хмель жужжалъ.
«Ну, какъ его сравнишь съ пѣобюю?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хонь лиспьемъ, правда, онъ одѣшь,
Да что за жеспкосшь, что за цвѣшь!
За что его земля пипаешь?»
Межъ шѣмъ едва недѣля пропекаешъ,
Хозяинъ на дрова пычинку шу сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И прудъ ему съ большимъ успѣхомъ удаешъ:
Дубокъ и принялся, и оппрыски пусшилъ;
Посмотришь, около него мой Хмель ужъ вѣпся,
И дубу онъ него вся чесшь и похвала!
Такіе жъ у льспеца поспунки и дѣла:
Онъ на шебя пѣсешъ шѣму небылицъ и бредней;
И, какъ шы хочешъ, шакъ шрудись,
Но у него въ хорошихъ бышь не льспись.
А шолько въ случай попадись, —
Онъ первый явишь въ передней.

МЫШЬ И КРЫСА.

— «Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву,»

Вбѣжавши, Крысъ Мышь сказала:

«Вѣдь кошка, говорящъ, попала въ когти льву;

Вопъ опдохнушь и намъ пора наспала.»

— «Не радуйся мой свѣшь.»

Ей Крыса говоришь въ опшѣшь,

«И не надѣйся попуспому!

Коль до когшей у нихъ дойдеть,

То вѣрно льву не бышь живому:

Сильнѣ кошки звѣря нѣшь.»

Я сколько разъ видаль, примышьне эшо сами:

Когда боишься шрусъ кого,

То думаешь, что на шого

Весь свѣшь глядишь его глазами.

IV.

ГОСПОЖА И ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У Барыни, спарушки кропопливой,

Неугомонной и брызгливой,

Двѣ были дѣвушки, Служанки, коихъ часъ

Была съ упра и до глубокой ночи,
Рукъ не покладывая, прясць.
Не спало бѣднымъ дѣвкамъ мочи.
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣшь утомона на спаруху:
Днемъ перевесць она не дасць за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спяць еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать верешено.
Бышь можець, иногда бѣ спаруха опоздала,
Да въ домъ помъ прокляшый былъ пѣшухъ:
Лишь онъ вспоешь; спаруха вспала,
Накинешь на себя пубейку и преухъ,
У печки огонекъ вздуваешь,
Бредешь, ворча, къ придильщикамъ въ покой,
Распалкиваешь ихъ коспявою рукой,
А заупрямясь, — клюкой,
И сладкой на зарѣ ихъ сонъ перерываешь.
Чшдъ будешь дѣлашь съ ней?
Бѣдняжки морщашся, зѣваюць, жмупись,
И съ теплою поспелею своей,
Хопя не хочешся, а разспаюсь,
Назавпрее опяшь, лишь прокричишь пѣшухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка шаже:
Ихъ будяць и моряць на пряжь.
«Добро же ты, нечисый духъ!»
Сквозь зубы пряхи шѣ на пѣшуха ворчали:
«Безъ пѣсень бы швоихъ мы вѣрно боль спали;
Ужъ надъ шобою бышь грѣху!»
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья

Свернули дѣвушки головку пѣпуху.
Но что жъ? Онѣ себѣ пѣвѣ ждали облегченья,
Анѣ въ дѣлѣ вышель оборонѣ,
Совсѣмъ не пошѣ:

То правда, что пѣнухъ ужъ боль не пошѣ
Злодѣя ихъ не спало;

Да Барыня, боясь, что обѣ время не пропало,
Чуть лягунѣ, не даешѣ почти свесни имѣ гмазѣ,
И рано шакѣ будишѣ ихъ спала всякой разѣ,
Какѣ рано пѣнухи и сроду не пѣвали.

Тунѣ поздно дѣвушки узнали,
Что изѣ огня онѣ да въ поломя попали.

—
Такѣ, выбрашѣся желая изѣ хлопощѣ,
Нерѣдко человекѣ имѣешѣ учасшѣ шуже:
Однѣ лишь только съ рукѣ сживѣнѣ,
Глядишѣ, другія нажилѣ хуже.

V.

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯКЪ.

— «Какѣ расшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!»
Про дождикѣ говорилѣ на нивѣ Камень, лежа:
«А рады всѣ ему, пожалуйѣ-посмошри!»
И ждали шакѣ, какѣ гостя дорогаго.

А что же сделалъ онъ пакаго!
Всего-то шель часа два-при.
Пушай же обо мнѣ распросяпть!
Такъ я ужъ вѣки здѣсь: шихъ, скромень завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросяпть:
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣпть поносяпть:
Въ немъ справедливоспи не вижу я никакъ.»
— «Молчи!» сказалъ ему Червякъ:
«Сей дождикъ, какъ его ни крашко было время,
Лишенную засухой силъ,
Обильно ниву напоимъ,
И земледѣльца онъ надежду оживиль;
А пы на нивѣ сей пущое полько бремя.»

Такъ хвалился иной, что служилъ сорокъ лѣпть:
А проку въ немъ, какъ въ эпомъ камнѣ, нѣпть.

VI.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то о веснѣ звѣрями
Въ надсмощрички Медвѣдъ былъ выбранъ надъ ульями.
Хопъ можно бѣ выбрапъ шупъ другаго повѣрнѣй,
За пѣмъ, что къ меду Мишка падокъ,

Такъ не было бѣ оглядокъ;
Да спрашивай ны шолку у звѣрей!

Кпо къ ульямъ ни просился,
Съ опказомъ оппустили всѣхъ,

И, какъ насмѣхъ,
Тупъ Мишка очутился.

Анъ вышелъ грѣхъ:

Мой Мишка пошаскалъ весь медъ въ свою берлогу.

Узнали, подняли шревогу,

По формъ нарядили судъ,

Опсनावку Мишкѣ дали

И приказали,

Чшобъ зиму пролежалъ въ берлогъ спарый плугъ.

Рѣшили, справили, скрѣпили;

Но меду все не ворошили.

А Мишинька и ухомъ не ведеть:

Со свѣпомъ Мишка распрощался,

Въ берлогу шеплую забрался,

И лапу съ медомъ шамъ сосешъ,

Да у моря погоды ждешъ.

VII.

КОНЬ И ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевелилъ почши и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.
— «Такихъ Коней и взнудывать напрасно,»
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
«Ну, право вздумалъ я прекрасно!»
И, въ поле выѣхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, попрыхивая гривой,
Онъ выспункой пошелъ игривой,
Какъ будто пѣша Съдока.
Но, смѣясь, какъ надъ нимъ управа не крика,
Взялъ скоро волю Конь репивою:
Вскинула кровь его и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ Всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчишь его во весь опоръ
Черезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой

Узду накинупъ покушался:
Конь боль лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь пуспился,
Не взвидя свѣща, ни дорогъ,
Поколь, въ оврагъ со всѣхъ попавши ногъ,
До смерти не убился.
Узнавши смерть его Съдокъ,
«Мой бѣдный Конь!» сказалъ: «я спалъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы не снялъ я съ себя узды, —
Управилъ бы на вѣрно я шобою:
И пы бы ни меня не шибъ,
Ни смертью бѣ самъ шоль жалкой не погибъ!»
—
Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Марпышка, въ Зеркаль увидя образъ свой,

Тихохонько медвѣдя полкъ ногой:

— «Смошри-ка,» говоришь: «кумь милый мой!

Чшо эшо памъ за рожа?

Какіе у нея ужимки и прыжки!

Я удавилась бы съ шоски,

Когда бы на нее хопъ чупъ была похожа.

А вѣдь, признайся, еспъ

Изъ кумушекъ моихъ шакихъ кривлякъ пяпъ-шеспъ;

Я даже ихъ могу по пальцамъ перечеспъ.»

— «Чѣмъ кумушекъ счишапъ прудишься,

Не лучше ль на себя, кума, оборотишься?»

Ей Мишка опивѣчалъ.

Но Мишинькинъ совѣпъ лишь попуспу пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мѣрѣ:

Не любишь узнавань никшо себя въ сапирѣ.

Я даже видѣль по вчера:

Чшо Климычъ на руку нечиспъ, всѣ эшо знаютъ;

Про взяшки Климычу чишають,

А онъ украдкою киваетъ на Пешра.

КОМАРЪ И ПАСПУХЪ.

Паспухъ подъ пѣнью спалъ, надѣся на псовъ.
Примѣшя шо, змѣя изъ-подъ кусповъ
Ползешъ къ нему, вонъ высунувши жало;
И Паспуха на свѣшъ бы не спало:
Но сжался надъ нимъ, Комаръ, чшо было силъ,
Сонливца укусилъ.
Проснувшись, Паспухъ змѣю убилъ;
Но прежде Комара спросонья шакъ хвашилъ,
Чшо бѣднаго его какъ не бывало.

—
Такихъ примѣровъ еспь не мало:
Коль слабый сильному, хошь движимый добромъ,
Опкрышь глаза на правду покусишя,
Того и жди, чшо поже съ нимъ случишя,
Чшо съ Комаромъ.

X.

Р Ы Ц А Р Ь.

Какой-то Рыцарь вспарину,
Задумавши искашь великихъ приключеній,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привиднѣй:
Вздѣль лашы, и велѣть къ крыльцу подвесьть коня.
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться:
«Послушай, рещивой и вѣрный конь! меня:
Спулай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза швои глядяшь,
Какъ рыцарски закопы намъ веляшь,
И пунь опыскивай въ храмъ славы!
Когда жъ карачуновъ я злобныхъ усмирю;
Въ супружесшво Княжну Кипайскую добуду,
И царшва два-шри покорю;
Тогда шрудовъ швоихъ, мой другъ, я не забуду;
Съ шобой всю славу раздѣлю:
Конюшню, какъ дворець огромный,
Поспроишь для шебя велю,
А льшомъ опшведу луга шебъ поёмны;
Теперь знакъмъ шы мало и съ овсомъ,
Тогда жъ пойдешъ у насъ обиліе во всѣмъ:
Ячмень швой буденъ кормъ, сыпа медова поймо.»

Тупъ Рьшарь прыгъ въ сѣдло, и бросилъ повода:
А лошадь молодца, не ѣдя никуда,
Прямехонько примчала въ спойло.

XI.

ТВНЬ И ЧЕЛОВѢКЪ.

Шалунъ какой-по пѣнь свою хопшль поймашь:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавляшь,
Она шуда жъ; онъ наконецъ бѣжашь:
Но чѣмъ онъ прышче, пѣмъ и пѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь будшо кладъ.
Вошь мой чудакъ пусшился вдругъ назадъ;
Оглянешся: а пѣнь за нимъ ужъ гнашься спала.

Красавицы! видалъ я много разъ:
Вы думаете чпо? Нышь, право, не про васъ!
А чпо бываетъ пожь съ Форшунною у насъ.
Иной лишь шрудъ и время губишь,
Спараяся наспичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжишь совсѣмъ онъ ней:
Такъ нышь, за пѣмъ она сама гоняшься любишь.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ТОПОРЪ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошелъ Топоръ въ худыхъ; Мужикъ взбѣсился:
Онъ самъ нарубинъ вздоръ,
А виновашъ во всемъ Топоръ:
Бранишь его, хопъ какъ, Мужикъ найдешъ причину.
— «Негодный!» онъ кричитъ однажды: «съ эшихъ поръ
Ты будешь у меня обпесывашъ пычину,
А я, съ моимъ умньемъ и шрудомъ,
Припомъ съ досужесшью моею,
Знай, безъ шебя пробавишься умью,
И сдѣлаю просшьмъ ножёмъ,
Чего другой не срубимъ шопоромъ.»
— «Рубимъ, чшо мнѣ велишь, моя шакая доля,»
Смиренно опшвчалъ Топоръ на окрикъ злой:
«И шакъ, хозяинъ мой,
Твоя свяшая воля,
Гоповъ шебъ я всячески служимъ;
Да шолько шы смошри, чшобъ послѣ не шужимъ:
Меня шы понушпу испушимъ,
А все ножемъ избы не срубимъ.»

XIII.

Т У Ч А.

Надъ изнуренною опть зноя спороною

Большая Туча пронеслась;

Ни кашею ея не освѣжа одною,

Обильнѣйшимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,

И щедростью своей хвалилась предъ горою.

— «Что сдѣлала добра

Ты щедростью шакою?»

Сказала ей гора:

«И какъ смонрѣть на то не больно!

Когда бы на поля свой дождь ты пролила;

Ты бь область цѣлую опть голода спасла:

А въ морь безъ шебя, мой другъ, воды довольно.»

XIV. ✕

Л Е В Ъ И В О Л К Ъ.

Левъ убираль за завпракомъ ягненка;

А собаченка,

Вершась вокругъ Царскаго спола,

У Льва изъ-подъ когшей кусочикъ урвала: —
И Царь звѣрей по снесъ, не огорчась нимало
(Она глупа еще и молода была).

Увидя шо, на мысли Волку вспало,

Что Левъ конечно не силенъ,

Коль шакъ смиренъ:

И лапу пропянулъ къ ягненку шакже онъ.

Анъ вышло съ Волкомъ худо:

Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.

Левъ расперзалъ его, примолвя шакъ: — «Дружокъ,

Напрасно, смопря на собачку,

Ты вздумалъ, что шебъ я шакже дамъ пошачку:

Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!»

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА И СОКОЛЬ.

Собака, Человѣкъ, да Кошка, да Соколъ

Другъ другу поклялись однажды въ дружбъ вѣчной,

Нелесной, искренней, чистосердечной.

У нихъ былъ общій домъ, едва ль не общій споль.

Клялись дѣлать они и радость и заботу,

Другъ другу помогашь,
Другъ за друга спояшь,
И, если надо, другъ за друга умирашь.
Вошь какъ-шо вмѣстѣ всѣ, опсправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялись, ушумились
И отдохнушь приспали у ручья.
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя,
Какъ вдругъ изъ лѣса шаспъ
На нихъ медвѣдь, разинувъ паспъ.
Бѣду шакую вида,
Соколь на воздухъ, Кошка въ лѣсъ,
И Человѣкъ шупъ съ жизнью бы проспилися,
Но вѣрнѣй Песъ
Со зѣремъ злымъ барахтапъся схвапился,
Въ него вцѣпился,
И, какъ медвѣдь его жеспоко ни ломаль,
Какъ ни реваль отъ боли и отъ злоспи,
Песъ, прохвапая его до коспи,
Повисъ на немъ, и зубъ не разжималь,
Доколь съ жизнью всѣхъ силъ не поперяль.
А Человѣкъ? Къ спыду, изъ насъ не всякой
Сравнился въ вѣрности съ Собакой!
Пока медвѣдь былъ заняпъ дракой,
Онъ, подхвапая ружье свое съ собой,
Пуспилися безъ души домой.
—
На языкъ легка и ласка и услуга;

Но въ нуждѣ лишь узнашь прямаго можно друга.

Какъ рѣдки шаковы друзья!

И шо сказашь, какъ часно видѣль я,

Чшо пакъ какъ въ баснѣ сей былъ вѣрный Песъ
оспавлень,

Такъ пошь,

Кшо изъ хлопощъ

Былъ другомъ вырученъ, избавлень,

Его же покидалъ въ бѣдѣ,

Его же и ругаль вездѣ.

XVI.

ВОЛКЪ И ПАСПУХИ.

Волкъ, близко обходя паспушій дворъ

И видя сквозь заборъ,

Чшо, выбравъ лучшаго себѣ барана въ спадѣ,

Спокойно Паспухи барашка попрошашъ,

А псы смирнехонько лежашъ,

Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:

«Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,

Когда бы эшо сдѣлалъ я!»

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-шо въ случай Слонь попалъ у Льва.
Въ минушу по лѣсамъ прошла о помѣ молва,
И, шакъ какъ водишся, пошли догадки,
Чѣмъ въ милоспѣ вперся Слонь?
Ни шо красивъ, ни шо забавенъ онъ;
Чшо за приѣмъ, чшо за ухватки!
Толкуюшъ звѣри межъ собой.
— «Когда бы» говоришъ, верши хвоспомъ, лисица:
«Былъ у него пушистый хвостъ шакой;
Я не дивилась бы.» — «Или, сесприца,»
Сказалъ медвѣдь: «хотя бы по когнямъ
Онъ сдѣлался случайнымъ;
Никшо шого не счель бы чрезвычайнымъ:
Да онъ и безъ когшей, шо всемъ извѣстно намъ.»
— «Да не вошелъ ли онъ въ случай кльками?»
Вспушился въ рѣчь ихъ вошь:
«Ужъ не сочли ли ихъ рогами?»
— «Такъ вы не знаете,» сказалъ осѣль,
Ушами хлопая: «чѣмъ могъ онъ полюбиться,
И въ знашь добишся?
А я шакъ опгадалъ —
Безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милоспѣ не попалъ.»

Нерѣдко мы (хотя того не примѣчаемъ)
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XVIII.

КЛЕВЕШНИКЪ И ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтающъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ,
А правду и они не рѣдко наблюдающъ:
Я и примѣръ пому здѣсь приведу.
По случаю какому-то, въ аду
Змѣя съ Клевешникомъ, въ поржесивенномъ ходу
Другъ другу первенства оставивъ не хотѣли
И зашумѣли,
Кому изъ нихъ иппи приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, поштъ берешъ,
Кпо ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ и жаркомъ и немало
Передъ Змѣею Клевешникъ
Свой выславлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жалою;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вопшъ, Клевешникъ-было за ней ужъ очутился;

Но Вельзевуль не пошерпѣль шого:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вспунился,
И осадилъ назадъ Змбю,
Сказавъ: — «Хопь я швои заслуги признаю;
Но первеншво ему по правдѣ опдаю.
Ты зла, швое смерштельно жало;
Опасна шы, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и шо не мало!):
Но можешь ли язвипь шы шакъ издадека,
Какъ злой языкъ Клевешника,
Опъ коего нельзя спасшисъ ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, спало, онъ шебя вреднѣй:
Ползи же шы за нимъ и будь впередъ смирнѣй.»
Съ шѣхъ поръ Клевешники въ аду почешнѣй Змбѣй.

XIX.

ФОРТУНА И ШИЩІЙ.

Съ испершою и вешхою сумой
Бѣдняжка-нищенкѣй подъ оконьемъ паскался,
И, жалуясь на жребіѣй свой,
Нерѣдко удивлялся,

Чшо люди, живучи въ богатныхъ шеремахъ,
По горло въ золопть, въ довольспивъ и сласпяхъ;
Какъ ихъ карманы ни набишы,
Еще не сышы!
И даже до шого,
Чшо, безъ пупи алкая
И новаго богашспва добывая,
Лишаюцца неръдко своего
Всего.

Вонъ, бывшій, напрымърь, шого хозляинъ дому
Пошелъ счаспиво шорговашъ:
Распорговался влухъ. Тушъ, чъмъ бы переспашъ,
И доспальной свой вѣкъ спокойно доживашъ,
А промысель оспавишъ свой другому,
Онъ въ море корабли осправиль по веснъ;
Ждалъ горы золопа; но корабли разбило:
Сокровища его въ море поглопило;
Теперь они на днѣ,
И видѣль онъ себя богашымъ, какъ во снѣ.
Другой, шопъ въ опкупа пуспился,
И нажилъ-было миллионъ,
Да мало; захопѣль его удвоишъ онъ,
Забрался по уши, и вовсе раззорился.
Короче, пысячи шакихъ примъровъ ешь;
И по-дѣломъ: знай чеспъ!
Тушъ Нищему Форшуна вдругъ предспала,
И говоришъ ему:
— «Послушай, я помочъ давно шебъ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;

Подспавъ свою суму;
Ее насыплю я, да полько съ уговоромъ:
Все будеть золошо, въ суму чпѣ попадешъ;
Но если изъ сумы чпѣ на полъ упадешъ,
То сдѣлаешся соромъ.

Смотри жъ, я напередъ шебя осперегла:
Мнѣ вельво хранишь условье наше спрого;
Сума швоя вешха, не забирайся много,
Чпобъ вынесши она могла.»

Едва опъ радосни мой Ницїй дышешъ,
И подъ собой земли не слышешъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тушь полился въ него червонцевъ дождь злапой.

Сума спановишся ужъ пшжеленька.
— «Довольно ль?» — «Нытъ еще,» — «Не преснула бъ.»
— «Небось.»

— «Смотри, пы Крезомъ спалъ.» — «Еще, еще маленько,
Хопъ горшпochку прибрось.»

— «Ей полно! Посмотри, сума ползешъ ужъ врозь.»

— «Еще щепочку.» Но шупъ кошель прорвался,

Разсыпалась казна и обрапилась въ прахъ,

Форшуна скрылася: одна сума въ глазахъ,

И Ницїй нищенькимъ по прежнему оспался.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕРЬ.

Живущая въ болопъ подь горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла памъ пинисный въ лоцинкь уголокъ,
И завела домокъ
Подь куспиномъ въ шъни, межъ правки, какъ раёкъ.
Однако жь имъ она недолго веселилась.
Нашпало льно, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки шакъ сдѣмались сухи,
Чшо, ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
— «О, боги!» молился Лягушка изъ норы:
«Меня вы, бѣдную, не погубише,
И землю вровень кошь съ горою запонише,
Чшобы въ моихъ помѣспяхъ никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопишь безъ умолку,
И наконецъ Юпитера бранишь,
Чшо нѣшу въ немъ ни жалоспи, ни шолку.
— «Безумная!» Юпитерьъ говоришь
(Знашь не былъ онъ шогда сердишь):
«Какъ квакашь понуспу шибъ охоша!
И чѣмъ мнѣ для швоихъ зашъй
Перешпишь людей,

Не лучше ль внизъ шебъ спацишься до болоша?»

На свѣтъ много мы шакихъ людей найдемъ,
Копорымъ все, кромъ себя, поспыло,
И кои думаютъ, лишь мнѣ бы ладно было,
А шамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XXI.

ЛИСА - СТРОИТЕЛЬ.

Какой-шо левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однако жъ у него онѣ водились худо:
Да это и не чудо!
Къ нимъ доспунъ былъ свободенъ черезчуръ.
Такъ ихъ, шо крали,
То сами куры пропадали.
Чшобъ этому помочь убышку и печали,
Поспроишь вздумалъ левъ большой куряшный дворъ,
И шакъ его ухиришь и уладишь,
Чшобы воровъ совсѣмъ опвадишь,
А курамъ было бѣ въ немъ довольство и проспоръ.
Вонъ льву доносятъ, чшо Лисица
Большая спроишь масперца —
И дѣло ей поручено.

Съ успѣхомъ начапо и кончено оно:

Лисой къ нему приложено

Все, и спаранье и умънье.

Смошрѣли, видѣли: спроенье загляденье!

А сверхъ того все ешь, чего ни спросишь шуть:

Кормъ подь носомъ, вездѣ напыкано насъспокъ,

Опъ холоду и жару ешь приюшь,

И укромонныя мѣспечки для насъдокъ.

Вся слава Лисинькъ и чеспъ!

Богатое дано ей награжденье,

И пошчасъ повельнье

На новоселье куръ не медля перевеспъ.

Но еспъ ли польза въ перемънь?

Нынъ: кажешся, и крѣпокъ дворъ,

И плошень и высокъ заборъ;

А куръ часъ опъ часу все мень.

Опколь бѣда, придумашъ не могли:

Но левъ вельвъ сперечь. Кого жъ подсперегли?

Тое жъ Лису-злодѣйку.

Хопъ правда, что она свела спроенье пакъ,

Чшобы не ворвался въ него никшо никакъ,

Да шолько для себя оспавила лазейку.

НАПРАСЛНА.

Какъ часпо чшо нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ помъ на другаго,
И какъ нерѣдко говоряшь:
«Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!»
А ежели людей не спало,
Такъ ужъ лукавый виновашъ,
Хощь пуль его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ пьма пому. Вошъ вамъ изъ нихъ одинъ.
Въ Воспочной споронъ какой-шо былъ Брамниъ,
Хощь на словахъ и шеплой вѣры,
Но не шаковъ совсѣмъ жишѣмъ
(Еспъ и въ Браминахъ лицемеръ);
Да эшо въ спорону, а дѣло шолько въ помъ,
Чшо въ брашспивъ онъ своѣмъ
Одинъ былъ правила шакаго,
Другіе жъ всѣ жишья свяшаго,
И, чшд всего ему шошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ права прекрушаго:
Такъ преспунишъ никакъ ушава шы не смѣй.
Однако жъ мой Брамниъ не унываетъ.
Вошъ пошнѣй день, а онъ смѣкаетъ,
Не лъзя ли разрѣнишъ на сырное пайкомъ?
Досшалъ яйцо, полуночи дождался,
И свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкъ печь яйцо принялся;

Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводишь глазъ долой, и мысленно глошаешь,
А про начальника, смѣясь, разсуждаешь:

«Не уличишь же ны меня,
Длиннобородый мой пріятель!
Яичко съѣмъ-шаки я вслашъ.»

Анъ пушъ пихонько шасъ
Къ Брамину въ келью надзирашъ,
И, видя грѣхъ шакой,
Ошвѣща пребуешъ онъ грозно.
Улика налицо и запирашъся поздно!

«Просни, опецъ свяшой!

Просни мое ны прегрѣшенъ!»

Такъ взмолишъся Браминъ сквозь слезъ:

«И самъ не знаю я, какъ впалъ во искушенъе;
Ахъ, наушнилъ меня проклятый бѣсъ!»

А шопъ, бѣснокъ, изъ-за печки,

—«Не спѣдно ли,» кричитъ: «всегда клепашъ на насъ!»

Я самъ лишь у себя училъ сей же часъ,

И, право, вижу въ первый разъ,

Какъ лица пекушъ на свѣчкѣ.»

XXIII.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризны мы Форшунъ шаровашы:

Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,

За все про все ее браняшъ;

А поглядишь, шакъ сами виноваты.
Сльбое счастье, шапаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ госпинь и у Царей,
Оно и въ хижинѣ швоей,
Бышь можешъ, погоспинь когда нибудь приспанешъ:
Лишь время не перяшь умѣй,
Когда оно къ тебѣ заглянешъ;
Минуна съ нимъ одна, кпо ею дорожинъ,
Терцѣнья годы наградинъ.
Когда жъ пы не умѣль при счастьѣ поживишься,
То не Форшунъ пы, себѣ за шо пеняй,
И знай,
Чпо, можешъ, вѣкъ она къ тебѣ не возвращишься.

Домишка спаринькѣй край города спояль;
Три брата жили въ немъ, и не могли разжишься:
Ни въ чемъ имъ какъ-шо не споришься.
Кпо чпдъ изъ нихъ ни запѣваль,
Все оспаешся безъ успѣха,
Вездѣ пошеря, иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Форшуны въ шомъ была.
Вопъ невидимкой къ нимъ Форшуна забрела,
И, шронувшись ихъ бѣдноспью большою,
Имъ помогашъ рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогоспинь у нихъ все льпо.
Все льпо: шунка ль эшо!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой спашьей.
Одинъ изъ нихъ хопъ былъ шорганъ плохой;

А шунтъ, чпѡ ни продастѣ, ни купишѣ,
Барышѣ на' всемъ большой онѣ слушишѣ;
Забылѣ совсѣмъ, чпѡ естѣ накладѣ,
И скоро спалѣ, какѣ Крезѣ, богашѣ.
Другой въ приказѣ пошелѣ: иною бы порою
Завяся онѣ въ писаряхѣ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ споронѣ

Удача:

Чпѡ дастѣ обѣдѣ, чпѡ сходишѣ на поклонѣ, —
Иль чинѣ, иль мѣсто схватишѣ онѣ;
Посмотришѣ, у него деревня, домѣ и дача.
Теперь вы спросите: чпѡ жѣ прешій получишѣ?
Вѣдѣ, вѣрно, и ему Фортуна помогала?
Конечно: съ нимѣ она почпи не опдыхала.

Но прешій братѣ все льшо мухѣ ловилѣ,

И пакѣ счастливо,

Чпѡ диво!

Не знаю, прежде онѣ бывалѣ ли въ шомѣ гораздѣ;

А шунтъ шруды его невпунѣ:

Какѣ ни взмахнешѣ рукой, благодаря Форшунѣ,

Ни разу промаха ни дастѣ.

Вошѣ госпья между нѣмѣ у брашбевѣ нагоспилашѣ,

И далѣ въ пунѣ пуспилашѣ.

Два браша въ барышахѣ: одинѣ изѣ нихѣ богашѣ,

Другой еще припомѣ въ чинахѣ; а прешій братѣ

Клянешѣ судьбу, чпѡ онѣ Форшунѣ злою

Оспавленѣ лишь съ сумою.

Чпашель, будь ны самѣ судьбою,

Кпѡ жѣ въ эпомѣ виноватѣ?

Конецѣ пятой книги.

Б А С Н И.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

КУКУШКА И ГОРЛИЦКА.

Кукушка на суку печально куковала.

— «Что, кумушка, ты такъ грусна?»

Ей съ въпки ласково Голубка ворковала:

«Или о томъ, что миновала

У насъ весна,

И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,

И что къ зимъ мы спали ближе?»

— «Какъ, бѣдной, мнѣ не горевашь?»

Кукушка говоришь: «будь ты сама судьёю:

Любила счастливо я нынѣшней весною,

И наконецъ я спала машь;

Но дыши не хопяшь совсѣмъ меня и знашь:

Такой ли чаяла опть нихъ я плашы!

И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваюшся вкругъ мащери ушяпы,
Какъ сыплюпть къ куриць дождемъ по зву цыпляпы:

А я, какъ сиропа, однимъ одна сижу,

И, чпѡ еспь дѣшская привѣщливоспъ, не знаю.»

— «Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я спрадаю;

Меня бы не любовь дѣшей могла убищъ,

Хопя примѣрь шакой не рѣдокъ.

Скажи — шакъ, спало, шы ужъ вывела и дѣпокъ?

Когда же шы гнѣздо успѣла свищъ?

Я эшого и не видала:

Ты все порхала да лепала.»

— «Вошъ вздоръ, чпѡбъ сполько красныхъ дней,

Въ гнѣздѣ я, ещя, расщеряла:

Ужъ эшо было бы всего глупѣй!

Я янца всегда въ чужія гнѣзды клала.»

— «Какой же хочешь шы и ласки опть дѣшей?»

Ей Горлинка на шо сказала.

Ошцы и мащери! вамъ басни сей урокъ.

Я рассказалъ се не дѣшямъ въ извиненье:

Къ родителеямъ въ нихъ непочтенье

И нелюбовь всегда порокъ;

Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,

И вы ихъ ввѣрили насмичьимъ рукамъ:

Не вы ли винованы сами,

Чпѡ въ спаросши опть нихъ ушѣхи мало вамъ?

II.

СКУПОЙ И КУРИЦА.

Скупой перяешъ все, желая все доспасть.

Чшобъ долго мнѣ примѣровъ не искашь,
Хощь ешь и много ихъ, я въ шомъ увѣренъ;
Да рыпъся льнь: шакъ я намѣренъ
Вамъ басню спарую сказасть.

Вопъ, чшд въ ребячесивѣ чшпаль я про Скупаго.

Былъ человекъ, копорый никакаго
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ (какъ это не завидно!)
Копора яицы несла,
Но не просшья,
А золошья.

Иной бы и шому былъ радъ,
Чшо понемногу онъ спановишся богатъ;
Но этого Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Чшо, взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней доспаненшъ кладъ.
И шакъ, забывъ ея благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И чшо же? Въ воздаянѣ
Онъ вынулъ изъ нея просшые пошроха.

Ш.

Д В Ъ Б О Ч К И.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,

Другая
Пустая.

Вопъ первая-себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плещется,

Другая вскачь несется;

Опъ ней по мостовой и спуюкопня и громъ,

И пылъ сполбомъ;

Прохожій къ споронѣ скорѣй опъ спраха жмется,
Ее заслышавши издалека.

Но какъ та Бочка ни громка,

А польза въ ней не шакъ, какъ въ первой, велика.

Кпо про свои дѣла кричитьъ всѣмъ безъ умолку,
Въ шомъ вѣрно мало шолку.

Кпо дѣловъ испинно, шихъ часно на словахъ.

Великій человекъ лишь громокъ на дѣлахъ,

И думаешь свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,

Спошь славный мужествомъ и силою чудесный,
Однажды, проходя межъ скаль и межъ спремнинъ

Опасно спезей и птьсой,

Увидель на пуши, свернувшись, будпо ёжь

Лежишь; чущь видное, не знаешь, что шакое?

Онъ раздавишь его хошьль пяпой. И что жь?

Оно раздулося и спало боль вдвое.

Опъ гнѣва вспыхнувъ, пушь Алкидъ

Тяжелой палицей своей его разишь.

Глядишь,

Оно спрашнвй спановишия лишь съ виду:

Толспѣешь, бухнешъ и роспешъ,

Заспановляешъ солнца свѣтъ,

И заслоняешъ пушь собою весь Алкиду.

Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ сямъ

Спаль въ удивленъ недвижимъ.

Тогда ему Аѳина вдругъ предспала.

«Оспавъ напрасный шрудъ, мой братъ!» она сказала:

«Чудовищу сему названіе Раздоръ.

Не шронушо, — его едва примѣшишь взоръ;

Но если кто съ нимъ вздумаешъ сразишься, —

Оно опъ браней лишь шучище спановишия,

И возрастаешъ выше горъ.»

АПЕЛЛЕСЬ И ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбиемъ чрезмѣру зараженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ помѣ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часно пѣмъ ему случается хвалишься,
Чего бы долженъ онъ спыдичься.

Съ Осленкомъ встрѣпшась, Апеллесъ
Зовенъ къ себѣ Осленка въ госпи;
Въ Осленкѣ заиграли коспи!

Осленокъ хвасповспвомъ весь дупишь лѣсъ,
И говоришь звѣрямъ: — «Какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ;

Ну, все зовенъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,

Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса.»

— «Нѣшь,» Апеллесъ сказалъ, случая близко шупъ:

«Намѣряся писать Мидасовъ судъ,

Хопѣмъ съ шебя списать я уши для Мидаса;

И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.

Ослиныхъ мнѣ ушей и много хопъ встрѣчалось,

Но эпакихъ, какими пы богапъ,

Не только у осляпъ,

Ни даже у Ословъ мнѣ видѣшь не случалось.»

ВОДОНАДЪ И РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ, свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменіемъ сказалъ
(Копорый подъ горой едва лишь былъ примышенъ,
Но силой славился лечебною своею):
— «Не спранно ль эпо? Ты шакъ малъ, водой шакъ
бѣднѣ,
А у шебя всегда премножешсво госпей?
Не мудрено, коль мнѣ приходишь кпо дивишься;
Къ шебѣ за чѣмъ идушь?» — «Лечипся,»
Смиренно прожурчалъ Ручей.

VII.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говоряшь въ дѣлахъ: еще успѣю.
Но надобно признашься въ помъ,
Чпо эпо говоряшь, спросися не съ умомъ,
А съ лѣноспью своею.
И шакъ, коль дѣмо есшь, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя рощи, не на случай,

Когда оно тебя заспанешь невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умью.

Охотникъ, взявъ ружье, папронницу, суму,
И друга вѣрнаго по нраву и обычью,
Гекшора, — въ лѣсъ пошелъ за дичью,
Не заряда ружья, хопъ былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
«Вопъ вздоръ!» онъ говоришь: «дорога мнѣ знакома:
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь,
До мѣсна жъ ходу цѣлый часъ,
Такъ зарядишь еще успею я спо разъ.»
Но что жъ? Лишь вонъ изъ жила
(Какъ будто бы надъ нимъ Форшуна подшупила),
По озерку
Гуляюшь ушки цѣлымъ спадомъ;
И нашему бѣ тогда Спрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убишь,
И на недѣлю съ хлѣбомъ бышь,
Когда бѣ не опложилъ ружья онъ зарядишь.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только ушки
На это чупки:
Пока съ ружьемъ возилса онъ,
Онъ вскричали, вспрепенулись,
Взвились и — за лѣса веревкой попянулись,
А памъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу Спрѣлокъ пошомъ паскался,
Ни даже воробей ему не попадался;

А шупь къ бѣдѣ еще бѣда:

Случись погда

Ненаспье.

И шакъ Охошникъ мой,

Измокши весь, пришелъ домой

Съ пуспой сумой;

А все-паки пѣняль не на себя, на счастье.

VIII.

ПЛОВЕЦЪ И МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,

Пловецъ съ усшалосни въ сонъ крѣпкій погрузился;

Попомъ, проснувшись, онъ Море клясть пустился.

— «Ты» говоришь: «всему виной!

Своей лукавой шишиной

Маня къ себѣ, шы насъ прельщаешь,

И, замая, насъ въ безднахъ поглощаешь.»

Тутъ Море, на себя взявъ Амфириды видъ,

Пловцу, являся, говоришь:

— «На что винишь меня напрасно?

Пльши по водамъ моимъ ни спрашно, ни опасно.

Когда жъ свирѣиспвуютъ морскія глубины, —

Виною шому одни Эоловы сыны:

Они мнѣ не даютъ покою.

Когда не вѣришь мнѣ, по испытай собою:
Какъ въпры будуще спашь, отправь ны корабли;
Я неподвижныѣ шогда земли.»

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плышь на парусахъ безъ въпру невозможно.

IX.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМЪЯ.

Къ Креспьянину вползла Змья,
И говоришь: — «Сосѣдъ, начнемъ жить дружно!
Теперь меня шебъ сперечья ужъ не нужно;
Ты видишь, что совсѣмъ другая спала я,
И кожу нывышней весной перемѣнила.»
Однако жъ Мужика Змья не убедила.

Мужикъ схватилъ обухъ

И говоришь: — «Хопъ ны и въ новой кожъ,
Да сердце у шебя все шоже.»

И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣришься въ себѣ ны дашь причину;
Какъ хочешь, шакъ мѣняй личину:

Себя подь нею не спасешь,
И что съ Змбей, съ побой случисься можешь пожь.

X.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ роду Льва,
Съ нимъ, вспрѣшясь, со спрасшей осналась чупь жива.
Вошь, нѣсколько спуся, опянь ей Левъ попался;
Но ужь не шакъ ей спрашенъ показался.

А прешій разъ попомъ
Лиса и въ разговоръ нуспилася со Львомъ.

Инаго шакже мы боимся,
Покомъ къ чему не пригядимся.

XI.

МУРАВЕЙ.

Какой-шо Муравей былъ силы непомерной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говорить его испорикъ вѣрной)

Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна;
Припомъ и въ храбросни за чудо почиался:

Гдѣ бѣ ни завидѣль червяка,

Топчасъ въ него вшивался,

И даже хаживаль одинъ на паука.

А пѣмъ вошелъ въ шакую славу

Онъ въ муравейникъ своемъ,

Чпо шолько и рѣчей шамъ было, чпо о немъ.

Я лишнія хвалы счишаю за оправу;

Но эпопъ Муравей былъ не шакого праву:

Онъ ихъ любилъ,

Своимъ ихъ чванспвомъ мѣрилъ,

И всѣмъ имъ вѣрилъ;

А ими, наконецъ, шакъ голову набилъ,

Чпо вздумалъ въ городъ показашься,

Чпобъ силой шамъ повеличашься.

На самый крупный съ сѣномъ возъ

Онъ къ мужику сѣсиво вполъ,

И въехалъ въ городъ очень пышно;

Но, ахъ, какой для гордосни ударъ!

Онъ думалъ, на него сѣжишся весь базаръ,

Какъ на пожаръ;

А про него совсѣмъ не слышно:

У всякаго забона шамъ своя.

Мой Муравей, шо взявъ лиспокъ, попянешъ,

То припадешъ онъ, шо прившанешъ:

Никшо не видипъ Муравья.

Успавши наконецъ пиянушья, выправляшья,

Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,

Копорый у воза хозяйскаго лежалъ:

— «Не правда ль, надобно признашься,

Что въ городъ у васъ

Народъ безъ шолку и безъ глазъ?

Возможно ль, что меня никакъ не примѣчаютъ,

Какъ ни пьянуй я цѣлый часъ;

А, кажешься, у насъ

Меня весь муравейникъ знаетъ.»

И со спыдомъ опсправился домой.

Такъ думаетъ иной,

Запѣйникъ,

Что онъ въ подсолнечной гремишь,

А онъ дивись

Свой шолко муравейникъ.

XII.

ОВЦЫ И СОБАКИ.

Въ какомъ-шо спадъ у Овецъ,

Чтобъ волки не могли ихъ болѣе перевозить,

Положено число Собакъ умножить.

Что жъ? Развелось ихъ сполко наконецъ,

Что Овцы опъ волковъ, по правда, уцѣляли,

Но и собакамъ надо жь ѳспь;
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А шамь по жеребью съ нихъ шкурки полешгли,
А шамь оспалося всего Овецъ пяшь-шесшь,
И птьхь Собаки съѳли.

XIII.

ГРЕБЕШЬ.

Дипяши маменька расчесываешь головку
Купила часпый Гребешекъ.
Не выпускаешь вонь дипя изъ рукъ обновку:
Играешь, иль швердишь изъ азбуки урокъ;
Свои все кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завишые,
И мягкіе, какъ шонкій лёнь,
Любуясь, Гребешкомъ расчесываешь онъ.
И что за Гребешекъ? Не шолько не перебишь,
Нигдъ онъ даже не зацпишь:
Такъ плавень, гладокъ въ волосахъ.
Ншь Гребню и цыны у мальчика въ глазахъ.
Случись однако же, что Гребень заперлся.
Заръзвился мой мальчикъ, зангрался,
Всклоконилъ волосы конной.

Лишь няня къ волосамъ, диня подыметъ вой:

«Гдѣ Гребень мой?»

И Гребень опыскался,

Да шолько въ головѣ ни взадъ онъ, ни впередъ,

Лишь волосы до слезъ дерешъ.

«Какой шы злой Гребнишка!»

Кричитъ мальчишка.

А Гребень говоритъ: — «Мой другъ, все шонъ же я;

Да голова всклокочена швой.»

Однако жъ мальчикъ мой, онъ злосни и досады,

Закинулъ Гребень свой въ рѣку:

Теперь имъ чешушя Няяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,

Что шакже съ правдой посшупающъ.

Поколъ совѣснь въ насъ чнспа,

То правда намъ мила, и правда намъ свянпа,

Ее и слушающъ, и принимающъ:

Но шолько спалъ кривитъ душей,

То правду далъ онъ ушей.

И всякой, какъ диня, чесашь волосъ не хочешъ,

Когда ихъ склочешъ.

ОСЕЛЬ И МУЖИКЪ.

Мужикъ на льпо въ огородъ
Нанявъ Осла, приспавилъ
Воронъ и воробьевъ гоняшь, нахальный родъ.
Осель былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей незнакомъ:
Не поживилъ онъ хозяйскимъ ни лискомъ,
И щипцамъ, грѣхъ сказашъ, чпобы давалъ пощачку;
Но Мужикю барышъ былъ съ огорода плохъ.
Осель, гоня щипцъ, со всѣхъ ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперѣгъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородъ все примялъ и прищиппалъ.
Увидя шумъ, что прудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убыпокъ выместилъ дубиной.
«И нищпо!» всѣ кричантъ: «скопникъ подѣломъ!
Съ его ль умошь
За это дѣло брашся?»

А я скажу, не съ тѣмъ, чпобъ за Осла всщупашся;
Онъ почно виновашъ (съ нимъ сдѣланъ и расчѣлъ):
Но, кажешся, неправъ и пошь,
Кто поручилъ Ослу сперечь свой огородъ.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь

Попался въ сѣть.

Надъ смершью издали шупи какъ хочешь смѣло;

Но смершь вблизи совсѣмъ другое дѣло.

Не хочешся Медвѣдю умерень.

Не опказался бы мой Мишка и опъ драки,

Да весь опушанъ сѣшью онъ,

А на него со всѣхъ споронъ

Рогатины, и ружья, и собаки:

Такъ драка не по нёмъ.

Вопшь хочешъ Мишка взять умомъ,

И говоришь ловцу: — «Мой другъ, какой виною

Я проспушился предъ побою?

Зачшо моей шы хочешъ головы?

Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на медвѣдей,

Чшо злы они? Ахъ, мы совсѣмъ не шаковы!

Я, напримѣръ, пошлось на всѣхъ сосѣдей,

Чшо изо всѣхъ звѣрей мнѣ шолько одному

Никшо не сдѣлаешь упрека,

Чшобъ мершваго я пронулъ человекъ.»

— «То правда,» ошвѣчалъ на шо ловець ему:

«Хвалю къ усоншимъ я почпеніе шакое:

За шо, гдѣ случай шы имѣлъ,

Живой ужъ опть шебя не выривался цѣль.
Такъ лучше бы шы мершвыхъ ѣль,
И оспавляль живыхъ въ покоѣ.»

XVI. +

К О Л О С Ъ.

На нивѣ, зыблемый погодой, Колосокъ,
Увидя за спекломъ въ шеплицѣ
И въ нѣгѣ и въ добрѣ взлелѣянный цвѣшокъ,
Межь шѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницъ,
И бурямъ, и жарамъ, и холоду опкрышъ,
Хозяину съ досадой говоришъ:
— «Защо вы, люди, шакъ всегда несправедливы,
Чшо кшо умѣешъ вашъ ушѣшишъ вкусъ, иль глазъ,
Тому ни въ чемъ опказа нѣшъ у васъ;
А кшо полезенъ вамъ, къ шому вы нерадивы?
Не главный ли доходъ швой съ нивы:
А, посмопри, въ какой небрежноспи она!
Съ шѣхъ поръ, какъ бросиль шы здѣсь въ землю сѣмена,
Укрыль ли подъ спекломъ когда насъ опть ненашья?
Вельль ли насъ полошь, иль согрѣвашъ,
И приходиль ли насъ въ засуху поливашъ?
Нѣшъ: мы совсѣмъ роспи оспавлены на счастье.
Тогда, какъ у шебя цвѣшы, —

Кошорыми ни сышь, ни богачеешь ты,

Не такъ, какъ мы, закинушы здѣсь въ поле, —
За стеклами распушь въ приюпть, въ нѣгъ, въ холъ.

Чшо если бы о насъ ты сполько клалъ забошь?

Вѣдь въ будущій бы годъ

Ты собралъ насъ самъ-сопъ,

И съ хлѣбомъ караванъ опсправилъ бы въ споллицу.

Подумай, выспрой-ка пошире намъ шеплицу.»

— «Мой другъ,» хозяинъ опвѣчалъ:

«Я вижу, ты моихъ шрудовъ не примѣчалъ.

Повѣрь, чшо главныя мои о васъ забошы.

Когда бъ ты зналъ, какой мнѣ сполмо рабошы

Расчиснишь лѣсъ, удобрнишь землю вамъ:

И не было конца моимъ шрудамъ.

Но шолкованъ немеръ ни время, ни охонны,

Ни пользы нѣшь.

Дождя жъ и въпра ты проси себъ у неба;

А если бъ умный пивой исполнилъ я совѣшь,

То былъ бы безъ цвѣшовъ, и былъ бы я безъ хлѣба.»

—

Такъ часно добрый селянинъ,

Проспой солдапъ, иль гражданинъ,

Кой съ кѣмъ свое слнчая соспоанье,

Приходяпъ иногда въ ропшанье.

Имъ можно шожъ почши сказанъ и въ оправданье.

XVII.

МАЛЬЧИКЪ И ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предапельствомъ ты счастіе сыскашь!
У самыхъ пѣхъ всегда въ глазахъ предапель низокъ,
Кшо при нуждѣ его не спавинтъ въ грѣхъ ласкашь;
И первѣй завсегда къ бѣдѣ предапель близокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пусшинъ
Въ свой садъ на льпо погоспинъ.

Онъ обѣцалъ веспи себя шамъ чесино,
Не прогая плодовъ, листочки лишь глодашь,
И пѣ, копорые ужъ спанунтъ увядашь.
Крестьянинъ судинтъ: какъ приспаница не дашь?
Ужли опъ Червяка въ саду мнѣ будешъ пѣсно?
Пускай его-себѣ живѣнъ.

Припомъ же важнаго убѣшка бынъ не можешъ,
Коль онъ листочка два-при сгложешъ. —

Позволилъ: и Червякъ на дерево ползѣнъ;
Нашелъ подъ вѣшочкой прионъ опъ непогодъ;

Живешъ безъ нужды, хопъ не пѣшно,

И про него совсѣмъ не слышно.

Межъ пѣмъ ужъ золопинъ плоды лучисшѣй Царь.

Вонъ въ самомъ помъ саду, гдѣ шакже спѣнъ все спало,

Наливное, сквозное какъ яншаръ,

При солнцѣ яблоко на вѣпкѣ дозрѣвало.

Мальчишка былъ давно шѣмъ яблокомъ швѣнѣнъ:

Изъ пысячи другихъ его замѣнилъ онъ:

Да доспуъ къ яблоку мудрѣнъ.

На яблоню Мальчишка лѣзъ не смѣнъ,

Ее шряхнуъ онъ силы не имѣнъ,

И, словомъ, яблоко доспаъ не знаенъ какъ.

Кпо жъ въ кражъ Мальчику помочь взялся? Червякъ.

— «Послушай,» говорилъ: «я знаю эшо, шчно

Хозяинъ яблоки велѣлъ снимаъ;

Такъ эшо яблоко обоимъ намъ непрчно;

Однако жъ я берусь его доспаъ,

Лишь подѣлись со мной. Себѣ шы можешъ взяъ

Прошву моего хопъ вдесяперо болъ;

А мнѣ и самой малой доли

На цѣлый спаненъ въкъ глодаъ.»

Условье сдѣлано: Мальчишка согласился;

Червякъ на яблоню, и работаъ пуснился;

Онъ яблоко въ минушу подшочилъ?

Но шчѣ жъ въ награду получилъ?

Лишь шолько яблоко упало,

И съ сѣмечками съѣлъ его Мальчишка мой;

А какъ за долей сполъ Червякъ долой,

То Мальчикъ Червяка расплюшилъ подъ пяпой:

И такъ ни червяка, ни яблока не спало.

ПАСПУХЪ И МОРЕ.

Паспухъ въ Неппуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморье, хижины уютной обитатель,
Онъ спада малаго былъ мирный обладатель,
И въкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, за что не зналъ и горя,
И долго участью своею
Довольный, можетъ быть, онъ многихъ былъ Царей.
Но, видя, наконецъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружающа богатыя товары,
И ломяща оныя ихъ анбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли, —
Паспухъ на шо прельстился;
Распродать спадо, дѣмъ, товаровъ накопилъ,
Сѣлъ на корабль, и за Море пустился.
Однако же походъ его недологъ былъ;
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбилъ, пошли товары къ дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря Морямъ,
Пошелъ онъ въ Паспухи, лишь съ разницею тою,

Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасешъ овецъ чужихъ
Изъ планы. Съ нуждой однако жъ хопъ большою,
Чего не съблаещь шерстьньемъ и прудомъ?

Не спивъ шого, не съевъ другога,
Скопиль денежокъ онъ, завелся спадомъ снова,
И спалъ опять своихъ овечекъ Паспухомъ.

Вошь, нѣкогда, на берегу морскомъ,

При спадѣ онъ своёмъ,

Въ день ясный сидя

И видя,

Что на Морь едва колышешся вода,

(Такъ Море присмирѣло),

И плавно къ приспани бѣгунъ по ней суда:

— «Мой другъ!» сказалъ: «опять шы денегъ захошѣло;

Но ежели монхъ, — пустрое дѣло!

Ищи кого инаго шы проवेशъ,

Опъ насъ шебѣ была ужъ чесъ.

Посмошримъ, какъ другихъ заманешъ,

А опъ меня впередъ копѣйки не доспанешъ.

Баснь эту лишнимъ я почель бы шолковашъ;

Но какъ здѣсь къ слову не сказашъ,

Что лучше вѣрнаго держашъся,

Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняшъся?

Найдеши шысячу несчастныхъ опъ нее,

Ни одного, кто не былъ ей обманушъ.

А мнѣ, что говоришъ ни спанушъ,

Я буду все швердиль свое:
Чшо впереди — Богъ въспль; а чшо мое — мое.

XIX.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ вспарину велось обыкновенье,
Когда кого хопяшь пышше хорониль,
Наемныхъ плакальщиць пускашь за гробомъ вышь.

Вопль, нѣкогда, на знашномъ погребеньѣ
Толпа сихъ плакальщиць, поднявши вой,
Покойника ошь жизни скорошечной
Въ домъ провожала въчной

На упокой.

Тутъ спранникъ, думая, чшо, въ гореспи сердечной

То, рвешся вся покойника родя,
— «Скажише,» говориль: «не рады ли бѣ вы были,
Когда бѣ его вамъ воскресли?»

Я Магъ; на эшо ешь возможность у меня:

Мы заклинанія съ собой пакія носимъ —

Покойникъ оживешъ сей часъ.»

— «Ошець!» вскричали все: «обрадуй бѣдныхъ насъ!»

Одной лишь милоспи приномъ мы просимъ,

Чшобъ сушокъ черезъ пяшь

Онъ умеръ бы опяшь.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова,
Да врядь ли будеть и впередь;
А какъ умрешь,
То вышь по немъ наймушь насъ вѣрно снова.»

Есть много богачей, кошорыхъ смерть одна
Къ чему нибудь годна.

XX.

МАЛЬЧИКЪ И ЗМЬЯ.

Мальчишка, думая поймань утря,
Схватилъ Змью, и, вѣзрившись опъ страха,
Спалъ блѣдень, какъ его рубаха.
Змья, на Мальчика спокойно посмошря,
«Послушай,» говоритъ: «коль ты умнѣй не будешь,
То дерзосшь не всегда легко шебъ пройдешь.
На сей разъ Богъ просишь; но берегись впередь,
И знай, съ кѣмъ шушишь!»

ПЧЕЛА И МУХИ.

Двѣ Мухи собрались лешьшь въ чужіе краи,
И спали подзывать съ собой шуда Пчелу.

Имъ насаказали попугаи

О дальнихъ споронахъ большую похвалу.
Припомъ же имъ самшиъ казалоса обидно,

Чшо ихъ, на родинѣ своей,

Вездѣ гоняюпъ изъ госпей;

И даже до чего (какъ людямъ шо не спыдно,

И чшо они за чудаки!):

Чшобъ поживишьса имъ не дашь сласпями

За пышными сполами,

Придумали онъ ихъ спеклянны колпаки;

А въ хижинахъ на нихъ злодби пауки.

— «Пушь добрый вамъ,» Пчела на эшо опвѣчала:

«А мнѣ

И на моей пріятно споронѣ.

Онъ всѣхъ за сопы я любовь себѣ сыскала;

Онъ поселянъ и до вельможъ.

Но вы лепише,

Куда хонише!

Вездѣ вамъ будешъ счасье пожъ:

Не будете, друзья, нигдѣ, не бивъ помезны,

Вы ни почпенны, ни любезны,

А рады науки лишь будущь вамъ
И шамъ.»

Кпо съ пользою опечесиву прудишся,
Топъ съ нимъ легко не разлучишся;
А кпо полезнымъ бышь способности лишёнъ,
Чужая спорона пому всегда приашна:
Не бывши гражданинъ, шамъ менъ презрътъ онъ,
И никому его шамъ праздносъ недосадна.

XXII.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

У видя, что мужикъ прудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнушъ съ шерпнъемъ и не вдругъ),
Медвѣдъ задумалъ жить такими же прудами.
Пошелъ по лѣсу прескъ и спукъ,
И слышно за верснупроказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмынное число,
А не даешся ремесло.
Вопъ идешь къ мужику онъ попросишь совѣта,
И говоришь: — «Сосвѣдъ, что за причина энта?
Деревья-шаки я ломашъ могу,

А не согнуть ни одного въ дугу.

Скажи, въ чемъ ешь гушь главное умънье?»

— «Въ помъ,» отвѣчалъ сосѣдъ:

«Чего въ шебъ, кумъ, вовсе нѣшь:

Въ шерпънь.»

ХХІІІ.

МОТЬ И ЛАСТОЧКА.

Какой-шо молодець,

Въ наслѣдство получа богатое имънье,

Пустился въ мошовство, и при больномъ радънь

Спустилъ все число; наконецъ

Съ одною шубой онъ оспался,

И шо лишь для шого, что было шо зимой,

Такъ онъ морозовъ побоялся.

Но, Ласпochку увидя, малой мой

И шубу промошалъ. Вѣдь это всь, чай, знающъ,

Что ласпochки къ намъ прилешающъ

Передъ весной:

Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣшь нужды никакой:

Къ чему въ ней кушанься, когда во всей природѣ

Къ весенней клонится пріятной все погодѣ,

И въ сѣверную глушь морозы загнанъ? —

Догадки малаго умны;

Да только онъ забылъ пословицу въ народъ,
Что ласпочка одна не дѣлаешъ весны.
И подлинно, опашъ опшоль взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрываютъ обозы,
Изъ трубъ сполбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволкло.

Опъ спужи малаго прошибли слѣзы,
И Ласпочку свою, предпечу шеплыхъ дней,
Онъ видишъ на снѣгу замерную. Тупъ къ ней,
Дрожа, насилу могъ онъ вымолвишъ сквозь зубы:

«Проклятая! сгубила ты себя;

А, понадеясь на себя,

И я теперь не во-время безъ шубы!»

XXIV.

Я Г Н Е Ц О К Ъ .

Какъ часто я слыхалъ шакое разсужденъе:

«По мнѣ пускай, чшд хочешъ, говоряшъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ невиновашъ!» —

Нвшъ; надобно еще умънъе,

Коль хочешъ въ людяхъ ты себя не погубишъ,

И добрую наружностъ сохранишъ.

Красавицы! вамъ знашъ всего нужнъе,

Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,

И что она у васъ

Весеняго цвѣтка нѣжнѣе.

Какъ часно и душа и совѣсть въ васъ чисна,

Но лишній взглядъ, слово, одна неоспорожность,

Язвись злословью васъ дастъ возможность —

И ваша слава ужъ не ша.

Ужели не глядишь? Ужель не улыбаешься?

Не по я говорю; но только всякой шагъ

Вы свой должны обдумать шакъ,

Чтобъ было не къ чему злословью и придрашься.

Анюпочка, мой другъ!

Я для себя и для своихъ подругъ,

Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,

Ты вышверди ее; не нынѣ, шакъ впередъ

Съ нея сберешь ты плодъ.

Послушай, что случилось съ Ягненкомъ;

Поснавъ свою ты куклу въ уголокъ;

Разсказъ мой будетъ коропокъ.

Ягненокъ сдуру,

Надѣвши волчью шкуру,

Пошелъ по спаду въ ней гулять:

Ягненокъ лишь хопъль пощеголялъ;

Но псы, увидѣвши повѣсу,

Подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу,

Взревѣли, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,

И прежде, нежели опомнишься онъ могъ,

Чушь по клочкамъ его не расхватали.

По счастью, паспухи, узнавъ, его опбили;
Но побывавъ у псовъ не шушка на зубахъ:
Бѣдняжка опъ шакой превоги
Насилу доволокъ въ овчарню ноги;
А шамъ онъ спалъ хирѣшь, попомъ совсѣмъ затахъ,
И проспоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы Ягненокъ былъ умѣнь:
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ бышь на волка.

XXV.

**СОЧИНИТЕЛЬ
И РАЗБОЙНИКЪ.**

Въ жилищѣ мрачное птьней
На судъ предснали предъ судей,
Въ одинъ и пошъ же часъ, Грабишель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ,
И въ пещлю наконецъ пошалъ);
Другой былъ славою покрышый Сочинишель:
Онъ шонкій разливалъ въ своихъ швореньяхъ ядъ,
Всеялъ безвърие, укоренялъ разврашъ,
Былъ, какъ Сирена, сладкогласень,

*

И, какъ Сирена, былъ опасень.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нытъ проволочекъ бесполезныхъ:
Въ мипупу сдѣланъ приговоръ.
На спрашныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два копла:
Въ нихъ винованыхъ разсадили.
Дровъ подь Разбойника большой косперъ взвалили;
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Чпо шресканься спалъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судь къ Сочиншпелю, казалось, былъ не спрогъ:
Подъ нимъ сперва чунь пльлся огонёкъ;
Но памь, чѣмъ далѣе, пѣмъ болѣ разгарался.
Вошь вѣки прошекли, огонь не унимался.
Ужъ подь Разбойникомъ давно косперъ погасъ:
Подъ Сочиншпелемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не види облегченья,
Писашель наконецъ кричишь среди мученья,
Чпо справедливости въ богахъ нимало нѣтъ;
Чпо славой онъ наполнилъ свѣтъ;
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за шо наказанъ больно;
Чпо онъ не думалъ бышь разбойника грѣшнѣй.
Тупъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ прехъ сесперъ явилася одна.
«Несчастный!» говоришь она:

«Ты ль Провидѣнію пеняешь?
И пы ль съ разбойникомъ себя равняешь?
Передъ швоей ничпо его вина.
По люпоспи своей и злоспи,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А пы . . . уже швои давно исплѣли коспи,
А солнце разу не взойдетъ,
Чпобъ новыхъ опъ шсебя не освѣшило бѣдъ.
Твоихъ швореній ядъ не шолько не слабѣетъ,
Но, разливаясь, вѣкъ онъ вѣку лоптѣетъ.
Смопри (шущъ свѣтъ ему узрѣтъ она дама),
Смопри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ пы виною!
Вонъ дѣпи, спыдъ своихъ семей, —
Опчаянѣ опцовъ и маперей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ опправлены? шобою.
Кшо, осмѣявъ, какъ дѣпскія мечпы,
Супружесшво, начальсшва власпи,
Имъ причиналъ въ вину людскія всѣ напашпи,
И связи общесшва рвался распоргнушь? пы.
Не пы ли величалъ безвѣрье просвѣщенъемъ?
Не пы ль въ приманчивый, въ прелеспный видъ облѣкъ
И спраспи и порокъ?
И вонъ, уносна швоимъ ученъемъ,
Тамъ цѣлая спрана
Полна
Убійсшвами и грабежами,
Роздорами и мяпежами,

И до погибели доведена побой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови — пы виной.
И смѣль пы на боговъ хулой вооружишься?
А сколько впредь еще родишься
Опть книгъ пивонхъ на свѣтѣ золь!
Терпи жь, здѣсь по дѣламъ шебъ и казни мѣра.»
Сказала гнѣвная Мегера —
И крышкою захлопнула кошель.

СЛѢДУ
КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Б А С Н И.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I.

В А С И Л Е К Ъ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на шебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
— «Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Бышь можешь, и меня оно бы оживило!»
— «Ужъ какъ ты просишь, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи конаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь полько и забоны,
Чтобы смогрѣшь, какъ ты расчешь,

И вянешь ли, или цвѣнешь?

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты

На это нѣтъ.

Когда бы ты лепталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ;

То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы

Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:

Оно своею теплою

Огромные дубы и кедры согреваетъ,

И удивительною красотою

Цвѣты дунисные богато убираетъ!

Да только ты цвѣты

Совсѣмъ не то, что ты:

Они такой цвѣты и красоты,

Что само время ихъ, жаль, коситъ;

А ты ни пышенъ, ни пахучъ:

Такъ солнца ты своей доукою не мучь!

Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,

И добиваешься ты пуснаго переспанъ,

Молчи и вянь!» X

Но солнышко взошло, природу освѣсило,

По царству Флорину разсыпало лучи,

И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,

Небеснымъ взоромъ оживило. X

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ

Высокій санъ!

Вы съ солнца моего примѣрь себѣ берите!

Смотрите:

Куда лишь лучъ его доспаненъ, тамъ оно

Былинкѣ ль, кедру ли — благошворити равно,
И радость по себѣ и счастье оспавляетъ;
За то и видѣ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —
Какъ чистый лучъ въ воспочныхъ хрусталихъ,
И все его благословляетъ.

II.

БУДЫЖНИКЪ И АЛМАЗЪ.

Поперянный Алмазъ валялся на пуши;
Случилось наконецъ купцу его найши.

Онъ онъ куща
Царю предшавлень,

Имъ купмень, въ зомонтъ оправлень,
И украшеніемъ спаль Царскаго вѣнца.

Узнавъ про то, Будыжникъ развозился,
Блестящею судьбой Алмаза онъ прельсился,
И, видя мужика, его онъ проситъ шакъ:

«Пожалуй-спа, землякъ,

Возьми меня въ сполницу шы съ собою!

Зачшо здѣсь подѣ дождемъ и въ слякоши я ною?

А нашъ Алмазъ въ чесни, какъ говорящъ.

Не понимаю я, зачшо онъ въ знаніи попался?

Со мною сколько льнѣ здѣсь рядомъ онъ валялся;

Такой же камень онъ, и мнѣ набинный бранъ.

Возьми жь меня: какъ знашь? Коль памь я покажуся,
То шакже, можешь бышь, на дѣло пригожуся.»
Взяль камень мужичекъ на свой пияжелый возъ,
И въ городъ онъ его привѣзъ.
Ввалился камень мой, и думаешь, чпо разомъ
Засядешь онъ съ Алмазомъ;
Но вышелъ для него случай совсѣмъ иной:
Онъ шочно въ дѣло взяшь, но взяшь для мосшовой.

Ш.

ШЛОТИЧКА.

Хопь я и не пророкъ,
Но, видя мошылъка, чпо онъ вкругъ свѣчки вьешся,
Пророчештво почши всегда мнѣ удаешся:
Чпо крыльшки сожжешь мой мошыллѣкъ.
Вошь, милый другъ, шебъ сравненье и урокъ:
Онъ и для взрослого хорошь и для ребенка.
Ужли вся басня шушь? пы спросишь; погоди:
Нѣшь, эшо шолько побасенка,
А басня будешь впереди,
И къ ней я напередъ скажу нравоученье.
Вопшь вижу новое въ глазахъ швоихъ сомнѣнье:
Сначала краткосты, шеперь ужъ пы

Боишься длинношпы.

Чшожъ дѣлашь, милый другъ: возьми шерстьяне!

Я самъ шого жъ боюсь.

Но какъ же бышь? Теперъ я спаръ спановлюсь:

Погода къ осени дождливый,

А люди къ спароспи болиливый.

Но чшобы дѣла мнѣ не вышущишь изъ глазъ,

То выслушай: слыхаль я много разъ,

Чшо, легкіе проспупки спавя въ малоспъ,

Въ нихъ извинишь себя хопянтъ

И говоряшь:

Зачшо винишь шущъ? эшо шалоспъ;

Но эша шалоспъ намъ къ паденью первый шагъ:

Она спановицца привычкой, послѣ спраспью,

И, увлекая насъ въ порокъ съ гигантской власпью,

Намъ не даешъ опомнишься никакъ.

Чшобы шебъ живый предшавишь,

Какъ на себя надѣянноспъ вредна,

Позволь мнѣ басенкой себя шы позабавишь;

Теперъ изъ-подъ пера сама идешь она,

И можетъ съ пользою шебя насшавишь.

Не помню у какой рѣки,

Злодѣи царства водяного,

Приошъ имѣли рыбаки.

Въ водѣ, поблизосии у берега крушаго,

Плошичка рѣзвая жила.

Проворна и припомъ лукава,
Небоязливаго была Плошичка права:
Вкругъ удочекъ она вершѣлась, какъ юла,
И часпо съ ней рыбаекъ свой промыслъ клялъ съ досады.
Когда за пожданье онъ, въ чайнѣ награды,
Закинешь уду, глаза не сводишь съ полавка;
Вошь, думаешь, взяла; въ немъ сердце вспрепенешя:
Взмахнешь онъ удой: глядь, крючекъ безъ червяка;
Плушовка, кажешя, надъ рыбакомъ смѣешя,
Сорвешь приманку, увернешя,

И, хопъ шы чпо, обманешь рыбака.

— «Послушай,» говоришь другая ей плошица:

«Не сдобровашь шебъ, сесприца!

Иль мало мѣсна здѣсь въ водѣ,

Чпо шы всегда вкругъ удочекъ вернишься?

Бюсю я: скоро шы съ рѣкой у насъ проспишься.

Чѣмъ ближе къ удочкамъ, шѣмъ ближе и къ бѣдѣ.

Сегодня съ рукъ сошло, а завтра — кпо порука?»

Но глумить чпо глумимъ разумныя слова.

— «Вошь,» говоришь моя Плушва:

«Вѣдь я не близорука!

Хопъ хипры рыбаки, но спрахъ пусшой шы брось:

Я вижу хипроспъ ихъ насквозь.

Вонъ видишь уду! Вонъ закинула другая!

Ахъ, вонъ еще, еще! Смотри же, дорогая,

Какъ хипрецовъ я-проведу!»

И къ удочкамъ спрѣлой пуспилась:

Рванула съ шой, съ другой, на прешней зацѣпилась,

И, ахъ, пошлася въ бѣду!

Тупъ поздно бѣдная узнала,
Что лучше бы бѣжать опасности сначала.

IV.

ПАУКЪ И ШЕЛА.

По мнѣ шаманшѣ нѣт негодны,
Въ кошорыхъ Свѣту пользы нѣтъ;
Хоть иногда и имъ дивился Свѣтъ.

Купецъ на ярмарку привезъ полощны;
Они шакой поварь, что надобно для всѣхъ.
Кушцу на торгъ пожаловашся грѣхъ:
Покушниковъ ошбоя нѣтъ; у лавки
Доходишь иногда до давки.
Увидя, что поварь шакъ ходко идешь съ рукъ,
Зависливыи Паукъ
На барыши кушца прельспился;
Задумалъ на продажу шкашь,
Кушца зашьялъ подорвашъ,
И лавочку опкрыши въ окошкѣ самъ рѣшилъ.
Основу основалъ, прошкалъ насквозь всю ночь,
Поставилъ свой поварь надиво,
Засьялъ, надувшись, спѣсиво,
Опъ лавки не опходишь прочъ,

И думаетъ: лишь только день настанетъ,
То всѣхъ покупателей къ себѣ онъ переманиетъ.
Вонъ день напалъ: но что жъ? Проказника мешлой
Смели и съ лавочкой долой.

Паукъ мой бѣсился съ досады.

— «Вонъ,» говоритъ, «жди праведной награды!
На весь я Свѣтъ пошлюсь, чье шонѣе шканье:

Купцово, или мое?»

— «Твое: кто въ этомъ спорить смѣетъ?»

Пчела опившись вусетъ: «извѣстно по давно,

Да что въ немъ проку, коль оно

Не одъваетъ и не гребетъ?»

V.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМЬЯ.

Когда почтенъ быль хочешь у людей, —
Съ разборомъ зоводи знакомства и друзей!

Мужикъ съ Змьею подружился.

Извѣстно, что Змья умна:

Такъ вкралась къ Мужику она,

Что ею только онъ и клялся и божился.

Съ тѣхъ поръ все прежніе приятели, родня,

Никпо къ нему ногой не побываешъ.

— «Помилуйше,» Мужикъ пьняешъ:

«Зачпо вы всъ покинули меня?

Иль угоспишь жена васъ не умѣла?

Или хлѣбъ-соль моя вамъ надѣла?»

— «Нѣшъ,» кумъ-Машвѣй сказашъ ему въ отвѣшъ:

«Къ шебъ бы рады мы, сосѣдъ;

И никогда шы насъ (объ эпшомъ, слова нѣшъ)

Ни сгорчили ничѣмъ, ни опечалили:

Но чшоужъ за радосшъ, разсуди,

Коль сидя у шебя, шого лишь и гляди,

Чшобы швой другъ кого, подползши, не ужалилъ?»

VI.

КОТЕЛЪ И ГОРШОКЪ.

Горшокъ съ Кошломъ большую дружбу свель,

Хопя и познашнѣй породю Кошель;

Но въ дружбѣ чпо за счешъ? Кошель горой за свапа;

Горшокъ съ Кошломъ за панибрапа;

Другъ безъ друга они не могушъ бынкъ никакъ;

Съ ушра до вечера другъ съ другомъ неразлучно;

И у огня имъ порознь скучно;

И словомъ, вмѣшшъ всякѣй шагъ,

И съ очага и на очагъ.

Вошь вздумалось Кошлу по свѣпу прокапашься,

И друга онъ съ собой зоветь.

Горшокъ нашъ опъ Кошла никакъ не опспаешъ,

И вмѣстѣ на одну шельгу съ нимъ садшсь.

Пущимися друзья по:прямой мосшовой,

Толкающся въ шельгъ межъ собой.

Гдѣ горки, рышвины, ухабы —

Кошлу бездѣлица; Горшки напурой слабы:

Опъ каждаго шолчка Горшку большой накладъ.

Однако жъ онъ, не думаетъ назадъ,

И глиняный Горшокъ пому лишь радъ,

Что онъ съ Кошломъ чугуннымъ пакъ сдружился.

Какъ спранспвѣя ихъ были далеки,

Не знаю; но о шомъ я шочно извѣшлся,

Что цѣль домой Кошель съ дороги ворошился,

А опъ Горшка одни оспались черепки.

Чишашель, басни сей мысль самая просшная:

Что равеншво въ любви и въ дружбѣ вещь свшшая.

VII.

ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могущій Левъ, гроза лѣсовъ,
Поспигнувъ спароспью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпосни въ когняхъ, нѣтъ оспрыхъ шѣхъ
зубовъ,

Чѣмъ наводилъ онъ ужась на враговъ,
И самого едва шаскающъ ноги хилы.

А чшо всего больнѣй,
Не шолько онъ шенерь не спрашенъ для звѣрей,
Но всякъ, за спарыи обиды Льва, въ опмщенье,
Наперерывъ ему наносишь оскорбленье:
То гордый конь его копышомъ крѣпкимъ бѣнеть,

То зубомъ волкъ рванешъ,

То оспрымъ рогомъ вошь боднешъ.

Левъ бѣднѣй въ горѣ шоль великомъ,

Сжавъ сердце, шерпишь все, и ждешъ кончины злой,

Лишь изъявляя ропощъ свой

Глухимъ и шомнымъ рыкомъ.

Какъ видишь, чшо осель шуда жъ, напужа грудь,

Сбираешся его лягнушь,

И смопришь мѣсно лишь, гдѣ бъ было побольше.

«О, боги!» возопилъ, спеная, Левъ шогда:

«Чшобъ не дожишь до эшого спыда,

Пошлише лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣ!

Какъ смерть моя ни зла:
Все легче, чѣмъ шершавыи обиды ослъ.»

VIII.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

— «Ошколь умная бредешь пыи голова?»
Лисица, встрѣпяся съ Осломъ, его спросила.
— «Сей часъ лишь оно льва:
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?
Бывало, зарычишь, шакъ споненѣть лѣсь крутомъ,
И я безъ памяти бѣгомъ,
Куда глаза глядяшь, онѣ этого урода;
А нынѣ въ спаросни и дряхль и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерь, какъ колода.
Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропаль къ нему весь прежній спрахъ,
И поплашился онѣ спаринными долгами?
Кшо мимо льва не шель, всякъ вымещаль ему
По-своему:
Кшо зубомъ, кшо рогами.»
— «Но пыи коснушься лѣву конечно не дерзнулъ?»
Лиса Ослъ перерываешъ.

— «Вошь-на!» Осель ей опвѣчаетъ:

«А мнѣ чего робѣшь? и я его лягнуль:

Пускай ослиныя копышны знаютъ!»

Такъ души низкія, будь знашень, силенъ шы,

Не смѣютъ на шебя поднятъ онъ и взгляды;

Но упади лишь съ высоты:

Опъ первыхъ жди опъ нихъ обиды и досады!

IX.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ

Навлася жолудей до сыща, до опвала;

Наввшись, выпалась подъ нимъ;

Попомъ, глаза продравши, вспала,

И рыломъ подрываешь у дуба корни спала.

— «Вѣдь эшо дереву вредишь,»

Ей съ дуба воронъ говоришь:

«Коль корни обнажишь, оно засохнушь можель.»

— «Пусть сохнеть,» говоришь Свинья:

«Ничушь меня шо не превозишь;

Въ немъ проку мало вижу я;

Хошь вѣкъ его не будь, ни чушь не пожалю;

Лишь были бѣ жолуди: вѣдь я опѣ нихъ жирью.»
— «Неблагодарная!» примолвилъ Дубъ ей шунгъ:
«Когда бы вверхъ могла подвнать пы рымо,
Тебѣ бы видно было,
Что эщи жолуди на мнѣ расшунгъ.»

Невѣжда шакже въ ослѣпленьѣ
Бранишь науки и ученье
И весь ученые шруды,
Не чувшвуя, что онѣ вкушаешѣ ихѣ плоды.

Х.

МУХА И ПЧЕЛА.

Въ саду весной, при легкомъ вѣшперкѣ,
На спонкомъ спебелькѣ
Качалась Муха, сидя,
И на цвѣшкѣ Пчелу увидя,
Спѣсново говоришь: — «Ужъ какъ шебѣ не льшь
Съ ушра до вечера шрудншься цѣмый день!
На мѣспѣ бы швоемъ я въ шунки захирѣла.
Вошь, напришврь, мое
Такъ, право, райское жишье!
За мною шолько льшь и дѣла,

Лешапъ по баламъ, по госпямъ:

И молвишь, не хвалясь, мнѣ въ городъ знакомы

Вельможъ и богачей все дома.

Когда бъ шы видѣла, какъ я пирую шамъ!

Гдѣ шолько свадьба, именины, —

Изъ первыхъ я ужъ вѣрно шупъ.

И тѣмъ съ фарфоровыхъ богашыхъ блюды,

И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вины,

И прежде всѣхъ госпей

Беру чшо вздумаю изъ лакомыхъ сластей,

Пришомъ же, жалуя поль вѣжной,

Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,

И ошдыхапъ у нихъ сажусь

На щечкѣ розовой, нль шейкѣ бѣлоснѣжной.»

— «Все эшо знаю я,» ошвѣшсшвуепъ Пчела:

«Но и о шомъ дошли мнѣ слухи,

Чшо никому шы не мила;

Чшо на ширахъ лпшь морщашся ошъ Мухи;

Чшо даже часно, гдѣ покажешся шы въ домъ,

Тебя гоняюшъ со спыдомъ.»

— «Вопъ,» Муха говоришь: «гоняюшъ! чшо жъ шакое!

Коль выгоняшъ въ окно, шакъ я влечу въ другое.»

XI

МЕЛЬНИКЪ.

У Мельника вода плоину прососала:

Бѣда бѣ не велика сначала,

Когда бы руки приложишь;

Но кспани ль? Мельникъ мой не думаетъ шужишь;

А печь день ошо дня сильѣе спановишся:

Вода пакъ бѣетъ, какъ изъ ведра.

— «Эй, Мельникъ, не звай! Пора,

Пора шебъ за умъ хвашишся!»

А Мельникъ говоритъ: — «Далеко до бѣды,

Не море надо мнѣ воды,

И ею мельница по весь мой вѣкъ богана.»

Онъ спитъ, а между шѣмъ

Вода бѣжитъ, какъ изъ ушана.

И вошъ бѣда пришла совсѣмъ:

Спалъ жорновъ, мельница не служишь.

Хвашился Мельникъ мой: и омаешъ и шужишь.

И думаетъ, какъ воду уберечь.

Вошъ у плоины онъ, османпривая печь,

Увидѣлъ, что къ рѣкъ пришли напишся куры.

«Негодныя!» кричишь «холапки, дуры!

Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ доспанъ;

А вы пришли ес здѣсь вдоспалъ дошванъ.»

И въ нихъ полношь хванъ.

Какое жь сдѣлать онъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды, пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Чшо естъ шакіе господа
(И эпа басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Копорымъ пысячей не жаль на вздоръ соринь,
А думаютъ хозяйству подспоришь,
Коль свѣчки сберегушь огарокъ,
И рады за него съ людьми подпянь содомъ.
Съ шакою бережью диковинка ль, чшо домъ
Скорешенько поидеть верхъ дномъ?

XII.

З М Ъ Я И О В Ц А .

Змья лежала подь колодой,
И злилася на цѣлый свѣтъ;
У ней другаго чувствва нѣтъ,
Какъ злился: создана ужь шакъ она природой.
Ягненокъ вблизиости рѣзвился и скакалъ;
Онъ о Змьѣ совсѣмъ не помышлялъ.
Вошть выползши она, въ него вонзася жало:
Въ глазахъ у бѣдняка шуманно небо спало;
Вся кровь ошъ яда въ немъ горинь.

- «Что сдѣлалъ я тебѣ?» Змѣя онъ говоритъ.
— «Кто знаетъ? Можетъ быть, ты съ пѣвьемъ суда
забрался,
Чтобъ раздавить меня,» шипитъ ему Змѣя:
«Изъ оспорожности тебѣ караю я.»
— «Ахъ, нѣтъ!» онъ отвѣчалъ, — и съ жизнью пулъ
разспался.

Въ комъ сердце шакъ сотворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуешь оно
И ненависть одну ко всемъ питаешь;
Тотъ всякаго своимъ злодѣемъ считаешь.

ХІІІ.

ДИКИЯ КОЗЫ.

Паспухъ нашелъ зимой въ пещерѣ Дикихъ Козъ.
Онъ въ радости боговъ благодаритъ сквозь слезы:
«Прекрасно,» говоритъ: «ни клада мнѣ не надо,
Теперь мое прибудетъ вдвое спадю;
И не доѣмъ и не досплю,
А милыхъ Козочекъ къ себѣ я прикормлю,
И паномъ заживу у насъ во всемъ польсьѣ.
Вѣдь паспуху спада что барину помѣсьше:
Онъ съ нихъ оброкъ волной беретъ;
И масла и сыры скопляетъ.»

Подъ часъ онъ пожь и шкурки съ нихъ дерешъ:
Лишь полько кормъ онъ самъ имъ промышляешъ,
А корму на зиму у паспуха запасъ!»
Вошь опъ своихъ овецъ онъ къ госпнямъ кормъ паскаешъ;
Голубишь ихъ, ласкаешъ;
Къ нимъ на день ходишь по спу разъ;
Ихъ всячески спараешъ привадишь.
Убавиль корму у своихъ,
Теперь покамѣспъ не до нихъ,
И со своими жъ легче сладишь:
Сънца имъ бросишь по клочку,
А спанунъ приспунашъ, шакъ дашъ имъ по шолчку,
Чшобъ менѣ въ глаза совались.
Да шолько вошь бѣда: когда пришла весна,
То Козы Дикія всъ въ горы разбѣжались,
Не по упесамъ жизнь казалась имъ грушна;
Свое же спадъ захирѣло,
И все почши перекольло:
И мой паспухъ пошелъ съ сумой,
Хопя зимой
На барыши въ умъ расчипывалъ прекрасно.

Паспухъ! шебъ шеперь я молвлю рѣчь:
Чѣмъ въ Дикихъ Козъ шеряшъ свой кормъ напрасно,
Не лучше ли бы козь домашнихъ поберечь?

ГОЛИКЪ.

Значканый Голикъ попалъ въ большую чепиь

Ужь онъ половъ не будешъ въ кухняхъ меснъ:

Ему поручены господскіе кафшаны

(Какъ видно, слуги были пьяны).

Вошь развозился мой Голикъ:

По плашью барскому безуспали колошишь;

И на кафшанахъ онъ какъ будно рожь молочишь.

И подлинно, что шрудъ его великъ.

Бѣда лишь въ шомъ, что самъ онъ грязень, несопрячень:

Что жъ пользы онъ его шруда?

Чѣмъ больше чиснишь онъ, шѣмъ шолько больше пяненъ.

Бываешъ шолько же вреда,

Когда

Невѣжа не въ свои дѣла вмешешся,

И поправляшь шруды ученаго возьмешся.

БОГАЧЪ И ПОЭТЬ.

Съ великимъ Богачемъ Поэшь зашьялъ судъ,

И Зевса умолялъ онъ за себя вшунничься.

Обоимъ вельно на судъ явишься.

Пришли: одинъ и пощъ, и худъ,

Едва одышь, едва обушь;

Другой весь въ золошъ и спьсю весь раздупть.

— «Умилосердися, Олимпа самодержецъ!

Тучегонипель, громовержецъ!»

Кричишь Поэнтъ: «чѣмъ я виновенъ предъ побой,

Чшо съ юноши периллю Форшуну злой гоненье?

Ни ложки, ни угла: и все мое имѣнье

Въ одномъ воображеньѣ;

Межъ шѣмъ, когда соперникъ мой,

Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ швоимъ кумиромъ,

Въ палахахъ окружень поклонниковъ полмой,

Опъ роскоши и нѣги зашлылъ жиромъ.»

— «А эшо развѣ ничего,

Чшо въ позднѣй вѣкъ швсей доспигнуть лиры звук!»

Юпишеръ опшвѣчалъ: «а про него

Не полько правнуки, не будущъ помнишь внуки.

Не самъ ли славу шы въ удѣлъ себѣ избралъ?

Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.

Но вѣрь, коль вещи бы онъ боль понималъ,

И если бы съ его умомъ была возможность

Почувшвованъ свою передъ побой ничпожность, —

Онъ болѣе бъ шебя на жребій свой ропшалъ.»

СОЛОВЬИ.

Какой-то пшцеловъ

Весною наловилъ по рощамъ Соловьёвъ.

Пѣвцы разсажены по клѣшкамъ, и запѣли,

Хопъ лучше бѣ по лѣсамъ гуляпъ они хопѣли:

Когда сидишь въ шнорьмѣ, до пѣсень ли ужъ шупшъ?

Но дѣлапъ нечего: поюпъ,

Кпо съ горя, кпо онъ скуки.

Изъ нихъ одинъ бѣдняжка Соловей

Терпѣлъ всѣхъ боль муки:

Онъ разлученъ съ подружкой былъ своей;

Ему пошнѣ всѣхъ въ неволь.

Сквозь слезъ изъ клѣшки онъ посмапгриваетъ въ поле;

Тоскуетъ день и ночь;

Однако жѣ думаетъ: «злу груспью не помочъ;

Безумный плачетъ лишь онъ бѣдспва,

А умный ищепъ средспва,

Какъ дѣломъ горю пособишъ;

И, кажешся, бѣду могу я съ шей сбъшъ;

Вѣдь насъ не съ пѣмъ поймали, чпобы скунапъ:

Хозяинъ, вижу я, охонникъ пѣсни слушапъ;

Такъ если голосомъ ему я угожу,

Бъшъ можешъ, пѣмъ себѣ награду заслужу,

И онъ мою неволю окончатъ.»

Такъ разсуждалъ и началъ мой пѣвецъ:

И пѣснью онъ зарю вечерню величаетъ,
И пѣснями восходъ онъ солнечный встрѣчаетъ.
Но что же вышло наконецъ?
Онъ только ошягчилъ свою пѣмъ злую долю.
Кпо худо пѣль, для пѣхъ давно
Хозяинъ опворилъ и клѣпки и окно,
И распустилъ ихъ всѣхъ на волю;
А мой бѣдняжка Соловей,
Чѣмъ пѣль пріапнѣй и нѣжнѣй,
Тѣмъ сперегли его плошнѣй.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ОВЦА.

Креспьянинъ позвалъ въ судъ Овцу;
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья — лиса: оно въ минушу закиѣло.
Запросъ опвѣщичику, запросъ испцу,
Чпобъ разказапъ по пункнамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Креспьянинъ говоритъ: — «Такого-шо числа,
Поупру у меня двухъ куръ не досчитались;
Опъ нихъ лишь коспочки да перушки оспались;
А на дворѣ одна Овца была.»
Овца же говоритъ: она всю ночь спала,
И всѣхъ сосѣдей въ помъ въ свидѣтели звала,

Что никогда за ней не знали никакого

Ни воровства,

Ни плутовства;

А свехъ того она совсѣмъ не вѣстѣ мяснаго.

И приговоръ лисы вошъ опть слова до слова:

Не принимашь никакъ резоновъ опть овцы.

Понеже хоронишь концы

Всѣ плушы вѣдомо искусны;

По справкѣ жъ явствуешь,

Что въ сказанную ночь —

Овца опть куръ не оплучалась прочь;

А куры очень вкусны;

И случай былъ удобенъ ей.

То я сужу, по совѣсти моей:

Не лъзя, чтобъ ушеряла

И куръ она не съела;

И въ слѣдствіе того казнишь Овцу,

И мясо въ судъ отдашь, а шкуру взянь испну.»

XVIII.

С К У П О Й.

Какой-то домовою сперегъ богатый кладъ,

Зарытый подъ землей; какъ вдругъ ему нарядъ

Опть демонскаго воеводы,

Лешеть за придевянь земель на многи годы.

А служба шакова: хопъ радъ, или нерадъ,

Исполнить должно повеленье.

Мой домовой въ большомъ недоумьнѣ,

Какъ безъ себя сокровище сберечь?

Кому его сперечь?

Нанишь смопришеля, поспроишь кладовые:

Расходы надобно большіе;

Оставишь такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть;

Не лзя ручаться ни за сушки;

И вырышь могутъ и укрась:

На деньги люди чушки.

Хлопочеть, думаешь, и вздумалъ наконецъ.

Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.

Духъ, взявъ сокровище, является къ Скупому,

И говоришь: «Хозяинъ дорогой!

Мнѣ въ дальнія спраны показанъ путь изъ дому;

А я всегда доволенъ былъ шбой:

Такъ на прощаньѣ, въ знакъ пріязни,

Мои сокровища приняшь не откажись!

Пей, ѣшь и веселись,

И пращъ ихъ безъ боязни!

Когда же придетъ смерть швол,

То швой одинъ наследникъ я:

Вощъ все мое условье;

А впрочемъ, да продлишь судьба швое здоровье!»

Сказалъ, и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ другой.

Исправя службу, домовой

Лепишь домой

Въ опечески предѣлы.

Чшожь видишь? О, воспоргъ! Скупой съ ключемъ въ рукъ

Опть голода издохъ на сундукъ —
И всь червонцы цѣлы.
Тупшь Духъ опянь свой кладъ
Себъ присвоиль,
И былъ сердечно радъ,
Чпо спорожь для него ни денежки не споиль.

Когда у золопа скупой ни зспть, ни пьспть, —
Не домовому ль онъ червонцы бережспть?

XIX.

ВОЛКЪ И МЫШЕНОКЪ.

Изъ спада сѣрый Волкъ
Въ лѣсь овцу запациль, въ укромный уголокъ,
Ужъ разумьенся, не въ госпи:
Овечку бѣдную обжора ободралъ,
И шакъ ее онъ убиралъ,
Чпо на зубахъ хрусспъли коспи.
Но какъ ни жадень былъ, а съѣспъ всего не могъ;
Оспавиль къ ужину запасъ, и подлѣ лѣгъ
Понѣжишься, вздохнушь опть жирнаго обѣда.
Вошь, близкаго его сосѣда,
Мышенка запахомъ пирушки привлекло.
Межь мховъ и кочекъ онъ пихохонько подкрался,
Схвациль кусокъ мяса, и съ нимъ скорѣй убрался
Къ себѣ домой, въ душло.

Увидя похищенье,
Волкъ мой
По лѣсу поднялъ вой;
Кричишь онъ: «Карауль! разбой!
Держише вора! Раззоренье:
Расхишили мое имѣнье!»

Такое въ городъ я видѣлъ приключенье:
У Климыча-судьи часишки воръ спянулъ,
И онъ кричишь на вора: карауль!

XX.

Д В А М У Ж И К А .

— «Здорово, кумъ Оаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріяпель, поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, чпо вижу, пы не знаешь!
Богъ посылить мени: я сжегъ до пла свой дворъ,
И по-міру пошелъ съ пѣхъ поръ.»
— «Какъ шакъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да шакъ! О Рождесивѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дашь корму лошадамъ:
Признапьясь, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-шо заронилъ, насилу спасся самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну ты какъ?» — «Охъ, Фаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знаешь, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ оспался живъ, считаю право дивомъ.
Я, поже о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И поже черезъ чуръ, признашся, я хлѣбнулъ
Съ друзьями полугара:
А чпобъ въ хмѣлю не сдѣлашь мнѣ пожара,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ пошмахъ пакъ съ лѣспницы полкнулъ,
Чшо сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вопъ я съ шой поры калѣка.»
— «Пьянйше на себя, друзья!»
Сказалъ имъ свашъ Спешанъ. «Коль молвишь правду, я
Совсѣмъ не чпу за чудо,
Чшо ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянова и со свѣчею худо.
Да врьдъ не хуже ль и въ пошмахъ.»

РЫБЬШ ПЛЯСКИ.

Имѣя въ обласпи своей
Не шолько чшо лѣса, но даже воды,
Левъ собралъ на совѣщъ звѣрей:
Кого бѣ надъ рыбами поспавишь въ воеводы?
Какъ водишся, пошли на голоса:
И выбрана была лиса.
Вошъ лисынька на воеводство съла.
Лиса примѣшно попомстѣла.
У ней былъ мужичекъ пріятель, свангъ и кумъ;
Они вдвоемъ взялись за умъ:
Межъ шѣмъ, какъ съ бережку лисица рядишь, судишь, —
Кумъ рыбку удишь.
И дѣлишь съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.
Но плушни не всегда удачно сходяшь съ рукъ.
Левъ какъ-шо взялъ по слухамъ подозрѣнье,
Чшо у него въ судахъ скривилися вѣсы,
И, улуча свободные часы,
Пуспился самъ свое осмашривашъ владѣнье.
Онъ идешь берегомъ; а добрый куманекъ,
Наудя рыбъ, расклалъ у рѣчки огонекъ,
И съ кумушкой попировашь собирался;
Бѣдняжки прыгали опѣ жара, кшо какъ могъ:
Всякъ, видя близкій свой конецъ, мешался,

*

На мужика разинувъ зевъ.

— «Кшо ты, што дѣлаешъ?» спросилъ сердшно левъ.

— «Великій Государь!» опвъшпвуешъ плушовка

(У лисыньки всегда въ запасъ ешь уловка),

«Великій Государь!»

Онъ у меня здѣсь главный секретарь:

За безкорыстїе уваженъ всѣмъ народомъ;

А эшо караси, всѣ жиптели воды:

Мы всѣ пришли сюды

Поздравилъ, добрый Царь, шебя съ пивомъ приходомъ.»

— «Ну, какъ здѣсь идешь судъ? Доволенъ ли вашъ край?»

— «Великій Государь, здѣсь не жипше имъ, — рай:

Лишь только бѣ дни пивои безцѣнные продались.»

(А рыбки между пѣмъ на сковородкѣ бились).

— «Да опъ чего же,» левъ спросилъ: «скажи ты мнѣ, Хвостами пакъ онъ и головами машушь?»

— «О, мудрый левъ!» лиса опвъшпвуешъ: «онъ

На радости, шебя увидя, плянушь.»

Не могли болъ шупъ левъ явной лжи шерпъшь,

Чшобъ не безъ музыки плясашъ народу,

Секретаря и восводу

Въ своихъ когняхъ заснавилъ пѣшь.

XXII.

КОТЕНОКЪ И СКВОРЕЦЪ.

Въ какомъ-шо домъ былъ Скворецъ,
    Плохой пѣвецъ;
    За шо ужъ философъ презапный,
И свель съ Кошенкомъ дружбу онъ.
Кошенокъ былъ ужъ копикъ презрядный,
    Но шихъ и въжливъ и смирёнъ.
Вопъ какъ-шо былъ въ сполъ Кошенокъ обдѣлёнъ.
    Бѣдняжку голодъ мучишь:
Задумчивъ бродишь онъ, скучаючи поспомъ;
    Поводишь ласково хвостомъ,
    И жалобно мяучишь.
    А философъ Кошенка учишь,
И говоришь ему: — «Мой другъ, шы очень просишь,
    Чшо шерпишь добровольно поспишь;
А въ клѣшкѣ надъ носомъ швоимъ виснишь щегленокъ:
    Я вижу, шы прямой Кошенокъ.»
— «Но совѣсь...» — «Какъ шы мало знаешь свѣшь!
    Повѣрь, чшо это сущій бредъ,
И слабыхъ душъ одни лишь предразсудки,
А для большихъ умовъ — пушныя шолько шупки!
    На свѣшь кшо силенъ,
    Топъ дѣланы все воленъ.
Вопъ доказашельства шобъ и вопъ примѣры.»

Тунь, выведя ихъ на свои манеры,
Онъ философію всю вычерпалъ до дна.
Кошенку напошакъ понравилась она:
Онъ выпацилъ и съѣлъ щегленка.
Разлакомилъ кусокъ пакой Кошенка,
Хотя имъ голода онъ уполишь не могъ.
Однако же вшорой урокъ
Съ большимъ успѣхомъ слушалъ,
И говоришь Скворцу: — «Спасибо, милый кумъ!..
Наспавилъ шны меня на умъ.»
И, кѣшку разломавъ, учинела онъ скушалъ.

XXIII.

Д В Ъ С О Б А К И.

Дворовый, вѣрный пёсъ
Барбось,
Копорый барскую усердно службу нёсъ,
Увидѣлъ спарую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ласшаяся, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чунь не плачешъ,
И подь окномъ

Визжишь, вернишь хвостомъ

И скачешь.

— «Ну что, Жужушка, какъ живешь

Съ пѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?

Вѣдь, помнишь, на дворъ мы часто голодали.

Какую службу ты несешь?» —

— «На счастье грѣхъ рошпашъ,» Жужушка отвѣчаетъ:

«Мой господинъ во мнѣ души не чаешь;

Живу въ довольствѣ и добрѣ,

И ѣмъ и пью на серебрѣ;

Рѣзвлюся съ бариниомъ; а ежели успану,

Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.

Ты какъ живешь?» — «Я» отвѣчалъ барбось,

Хвостъ плечью опуска и свой повѣся носъ:

«Живу по-прежнему: шерплю и холодъ

И голодъ,

И, сберегаючи хозяйскій домъ,

Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождѣмъ;

А если невпопадъ залаю,

То и побои принимаю.

Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,

Безсилень бывши пакъ и малъ,

Межъ пѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?

Чѣмъ служишь ты?» — «Чѣмъ служишь? — вопль прекрасно!»

Съ насмышкой отвѣчалъ Жужу:

«На заднихъ лапкахъ я хожу.»

—
Какъ счастье многіе находятъ

Лишь шѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходящъ!

XXIV.

КОШКА И СОЛОВЕЙ.

Поймала Кошка Соловья,
Въ бѣдняжку когннн запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
«Соловушка, душа моя!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славяшъ,
И съ лучшими пѣвцами рядомъ спавяшъ.
Мнѣ говоришъ лиса-кума,
Что голось у тебя шакъ звонокъ и чудесень,
Что опгъ пвоихъ прелесныхъ пѣсень
Всѣ паспухи, паспушки безъ ума.
Хопгьла бѣ очень я сама
Тебя послушашъ.
Не препенещиса шакъ; не будь, мой другъ, упрямъ;
Не бойся: не хочу совсемъ тебя я кушашъ.
Лишь спой мнѣ что нибудь, тебѣ я волю дамъ,
И опшущу гуляшъ по рощамъ и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не усущаю,
И часно, про себя мурлыча, засышаю.»
Межъ пѣмъ мой бѣдный Соловей
Едва, едва дышалъ въ когняхъ у ней.
«Ну, что же?» продолжашъ Кошка:
«Пропой, дружокъ, хопгя немножко.»
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что ницалъ.

«Такъ эчимъ-шо лѣса шы восхищаль?»

Съ насмѣшкою она спросила:

«Гдѣ жъ эша чисшопа и сила,

О коихъ всѣ безъ умолку швердяшъ?

Мнѣ скуленъ нискъ шакой и опшъ монхъ копяшъ.

Нышъ, вижу, что въ пѣньшъ шы вовсе неискусень.

Посмопримъ, на зубахъ каковъ-шо буденъ вкусень!»

И съела бѣднаго пѣвца

До крошки.

Сказашъ ли на ушко яснѣе мысль мою?

Худыя пѣсни Соловью

Въ когняхъ у кошки.

XXV.

П Р И Х О Ж А Н Ш И Ъ.

Есть люди: будь лишь имъ пріятель,

То первый шы у нихъ и геній и писатель.

За шо уже другой,

Какъ хочешь, сладко пой,

Не только, чтообъ опшъ нихъ похваль себѣ дождашся,

Въ немъ красоны они и чувствованшъ боашся.

Хошь, можешъ бышь, я шѣмъ не много досажу,

Но, вмѣсто басни, былъ на это имъ скажу.

Во храмъ проповѣдникъ
(Онъ въ краснорѣчїи Платона былъ наследникъ)
Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.
Рѣчь сладкая, какъ медъ, изъ устъ его текла.
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искусства,
Какъ цѣлью золоной,
Воземля къ небесамъ все помысли и чувства,
Сей обличала мїръ, исполненный шпщепой.
Душъ паспырь кончилъ поученье;
Но всякъ ему еще внималъ, и, до небесъ
Восхищенный, въ сердечномъ умиленьѣ
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.
Когда жъ изъ Божьяго міряне вышли дому,
— «Какой прїятный даръ!»
Изъ слушателей шунъ сказалъ одинъ другому:
«Какая сладость, жаръ!
Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народа!
А у тебя, сосѣдъ, знашь чорсвая природа,
Что на шебъ слезинки не выдашь?
Иль ты не понимаешь?» — «Ну, какъ не понимаешь!
Да плакашь мнѣ какая спашъ:
Вѣдь я не здѣшняго прихода.»

В О Р О Ш А.

Когда не хочешь быть смѣшенъ,
Держися званія, въ копоромъ ты рожденъ.

Просполодимъ со знашью не роднися;
И если карлой сотворень,
То въ великаны не шянися,
А помни свой ты чаще росшь.

Нашькавши себѣ павлиньихъ перьевъ въ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гуляшь спѣсиво,
И думаешь, что на нее
Родня и прежніе пріятели ее
Всѣ заглядяшся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сеспра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она оципана кругомъ,
И что, бѣжавъ опть нихъ, едва не кувырккомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего оспалось мало перья.
Она-было назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдоспаль оципали,

И кончились ея зашѣи шѣмъ,
Чшо опть Воронъ она опспала,
А къ павамъ не приспала.

Я эпу басенку вамъ былью поясню.
Мапрень, дочери купецкой, мысль припала,
Чшобъ въ знашную войши родню.
Приданого за ней полумилліона.
Вопшь выдали Мапрену за Барону.
Чшо жъ вышло? Новая родня ей колешъ глазъ
Попрекомъ, чшо она мѣщанкой родилась;
А спарая за шо, чшо къ знашнымъ приглелась:
И сдѣлалась моя Мапрёна
Ни пава, ни ворона.

Конецъ седьмой книги.

Б А С Н И.

КНИГА ОСЬМАЯ.

I.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛОШАДЬ.

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя Лошадь молодая,
Такъ про себя ворчала, разсуждая:
«За дѣломъ сполько онъ овса сюда принесъ!
Вопшь говорящъ, что люди насъ умнѣе:
Что, можешь бышь, безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрышь,
Чтобъ послѣ разсоришь
На немъ овесъ свой попустиому?
Справилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣдому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать,
Все бъ было болѣе похоже то на снасть»;

Хопъ спряпаль бы его: я видѣла бѣ въ помѣ скуноснѣ;
А попуспу бросапъ! нѣпъ, эпо проспо глупоснѣ.»
Вошъ къ осени, межъ шѣмъ, овесъ шошъ убранъ былъ,
И нашъ Креспьянинъ имъ шого жѣ Коня кормилъ:

Чипашель! вѣрно, нѣпъ сомнѣнья,
Чшо не одобришь шы конева разсужденья;
Но съ самой древности, въ нашъ даже вѣкъ,
Не шакъ ли дерзокъ человекъ?
О волѣ судишъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли, ни пушей?

II.

Б Ъ Л К А .

У льва служила Бѣлка,
Не знаю, какъ и чѣмъ; но дѣло полько въ помѣ,
Чшо служба Бѣлкина угодна передъ львомъ;
А угодишъ на льва, конечно, не бездѣлка.
За шо обещанъ ей орѣховъ цѣлый возъ.
Обещанъ — между шѣмъ все время улешаепъ;
А Бѣлочка моя нерѣдко голодаепъ,
И скалишъ передъ львомъ зубки свои сквозъ слѣзъ.
Посмошришъ: по лѣсу шо шамъ, шо сямъ мелькаюшъ

Ея подружки въ вышинѣ;
Она лишь глазками маргаентъ, а онѣ
Орѣшки, знай-себѣ, щелкають да щелкають.
Но наша Бѣлочка къ орѣшнику лишь шагъ,
Глядинь — нельзя никакъ:
На службу льву ее по кличуть, по полкають.
Вопъ Бѣлка наконецъ ужь спала и спара,
И льву наскучила: въ опшпавку ей пора.
Опшпавку Бѣлкѣ дали,
И почно, цѣлый возъ орѣховъ ей прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣль свѣшь;
Всѣ на ошборъ: орѣхъ къ орѣху — чудо!
Одно лишь полько худо —
Давно зубовъ у Бѣлки нѣшь.

Ш.

Щ У К А.

На Щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что опъ нея жинья въ прудѣ не спало;
Уликъ предспавленъ цѣлый возъ,
И виновашую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбিরались;
На ближнемъ ихъ лугу пасли;

Однако жь имена въ архивъ ихъ оспались:

То были два осла,

Двъ клячи спарья, да два иль при козла;
Для должнаго жь въ порядкѣ дѣль надзора,
Имъ придана была лиса за Прокурора.

И слухъ между народа шоль,
Чпо Шука лисынкѣ снабжала рыбный споль;
Совсѣмъ шѣмъ, не было въ судьяхъ лицепріязни,

И по сказанъ, чпо Шукыныхъ проказъ
Удобства не было закрышь на эшопъ разъ.
Такъ дѣлашь нѣчего: пришло писанъ указъ,
Чшобъ виновашую предашь позорной казни,

И, въ спрахъ другимъ, повѣсиль на суку.
— «Почтенные судьи!» Лиса шупъ приспупила:
«Повѣсиль мало: я бѣ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чшобъ было впредь плупамъ и спрашно и опасно —
Такъ упониль ее въ рѣкѣ.» — «Прекрасно!»
Кричанъ судьи. На шомъ рѣшили всѣ согласно,
И Шуку бросили — въ рѣку!

IV.

КУКУШКА И ОРЕЛЬ.

Орель пожаловалъ Кукушку въ соловьи.

Кукушка, въ новомъ чинѣ,

Усѣвши важно на осинѣ,

Таланпы въ музыкѣ свои

Выказываешь пуснилась;

Глядишь — всѣ прочь лепяшь,

Одни смѣюшся ей, а шѣ ее браняшь.

Моя Кукушка огорчилась,

И съ жалобой на пшицъ къ Орлу съвѣстишь она,

— «Помилуй!» говоришь: «по швоему вельнюю

Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;

А моему смѣяшся смѣюшь пъню!»

— «Мой другъ!» Орель въ отвѣтъ: «я Царь—но я не Богъ:

Нельзя мнѣ опъ бѣды швоей шебя избавишь.

Кукушку соловьемъ чеспишь я могъ засшавишь;

Но сдѣлашь соловьемъ Кукушку я не могъ.»

V

ЛЕВЪ, СЕРНА И ЛИСА.

По дебрямъ гнался Левъ за Серной;

Уже ее онъ насшигаль,

И взоромъ алчнымъ пожираль

Объдъ себѣ въ ней, сыпный, вѣрный.

Спасись, казалось, ей нельзя никакъ:

Дорогу обоимъ пересѣкаль оврагъ;

Но Серна легкая всѣ силы напянула;

Подобно изъ лука спрѣль,

Надъ пропасью она махнула,

И спала супропивъ на каменной скаль.

Мой Левъ оспановился.

На эту пору другъ его вблизи случился:

Другъ эпонгъ былъ — Лиса,

— «Какъ!» говоришь она: «съ швоимъ провор-
спвомъ, силой,

Ужели ты успунишь Сернѣ хилой!

Лишь пожелай, шибѣ возможны чудеса:

Хопъ пропасъ широка, но если ты захочешь,

То вѣрно перескочешь.

Повѣрь же совѣспи и дружбѣ ты моей:

Не спала бы швоихъ опваживаешь я дней,

Когда бъ не знала

И крѣпоспи, и легкоспи швоей.»

Тупъ кровь во Левѣ вскипѣла, заиграла;

Онъ бросился со всѣхъ чепырехъ ногъ;

Однако жъ пропасни перескочишь не могъ:

Спремглавъ слепшль, и — до смерти убился.

А что жъ его сердечный другъ?

Онъ пошпихоньку во врагъ спустился,

И, видя, что ужъ Льву ни лесни, ни услугъ

Не надо боль,

Онъ, на просторъ и на волю,

Справляшь поминки другу спалъ,
И въ мѣсяцъ до косней онъ друга огладяль.

VI.

Б Р И Т В Ы .

Съ знакомцемъ събхавшись однажды я въ дорогъ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ почеваль.

Поушпру, чуть лишь я глаза продраль,
И что же узнаю? — Пріяпель мой въ превогъ:
Вчера заснули мы межъ шушокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріяпель спалъ не пошъ.

То вскрикнешь онъ, по охнешь, по вздохнешь.
— «Что сдѣлалось съ побой, мой милый?... Я надбюсь,

Не боленъ ты.» — «Охъ! ничего: я брѣюсь.»

— «Какъ! полько.» Тупъ я вспалъ; гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ шакъ кисло морщишь рожу,
Какъ будто бы съ него содрашь сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды шакой,
«Что дива? я сказалъ: ты самъ себя ширанишь.

Пожалуй, посмотри:

Вѣдь у тебя не Бришвы — косари;
Не бришься — мучишься ты полько съ ними спанешъ.»

— «Охъ, брапецъ, признаюсь,

Что Бришвы очень шупы!

Какъ эшого не знашь? Вѣдь мы не шакъ ужъ глупы;
Да о шприми-шо я поръзапъся боюсь.»

— «А я, мой другъ, себя увѣришь смѣю,
Что Бришвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А оспрою обрвешься въртѣй:
Умѣй владышъ лишь ею.»

Вамъ пояснишь разсказъ мой я гошовъ:
Не такъ ли многіе, хопъ спѣдно имъ признашься,
Съ умомъ людей — бояшся,
И шерпяты при себѣ охопнѣй дураковъ?

VII.

БѢДНЫЙ БОГАЧЪ.

— «Ну, спѣднѣ ли богачымъ бышь,
Чпобъ вкусно никогда ни съѣспѣ, ни спнѣ,
И полько деньги лишь копнѣ?
Да и на чпо? Умремъ, вѣдъ все оспавимъ!
Мы полько лишь себя и мучимъ и безславимъ.
Нѣшнѣ, если бѣ мнѣ дамось богачшво на удѣлѣ,
Не полько бы рубля, я бѣ пнѣсячѣ не жалѣлѣ,
Чпобъ жнпѣ роскошно, пнѣшно,
И о монхѣ шпрахѣ далеко бѣ было слышно;
Я, даже, дѣлалѣ бы добро другимъ.
А богачей скупыхъ на муку жизнь похожа.»
Такъ рассуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,
Вѣ лачужкѣ пнѣменной, на голой лавкѣ лёжа;
Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролѣзъ,

Кпо говоришь, колдунъ; кпо говоришь, чпо бсь:

Посльднее едва ли не вѣрнее:

Изъ дѣла будешь по видѣе.

Предспаль—и началъ шакъ:—«Ты хочешь бышь богашъ,
Я слышалъ; для чего служишь я другу радъ.

Вошь кошелекъ шебъ: червонецъ въ немъ, не боль;
Но вышель лишь одинъ, ужъ шамъ гошовъ другой.

И шакъ, пріашель мой,

Разбогашьшь шеперь въ швоей лишь воле.

Возьми жъ, и изъ него безъ счену вынимаи,

Доколь будешь шы доволенъ;

Но шолько знаи:

Испракишь одного червонца шы неволенъ,

Пока въ рѣку не бросишь кошелька.»

Сказаль — и съ кошелькомъ оставиль бѣдняка.

Бѣднякъ опъ радосни едва не помъшался;

Но лишь опомнился, за кошелекъ пріаилясь,

И кпо жъ? — Чупъ вѣриши ему, чпо по не сонъ:

Едва червонецъ вынешъ онъ,

Ужъ въ кошелькѣ другой червонецъ шевелился.

—«Ахъ, пусшь лишь до ушра мнѣ шаспне продлился!»

Бѣднякъ мой говоришь:

«Червонцевъ я себъ повышаскаю груду;

Такъ, завшра же богашъ я буду,

И заживу какъ сибаришь.»

Однако жъ по ушру онъ думаешь другое.

«То правда,» говоришь: «шеперь я спаль богашъ;

Да кпо жъ добру не радъ!

И почему не бышь богаче вдвое?

Не ужь-шо льнь

Надъ кошелькомъ еще провесьшь хопъ день!

Вопъ на домъ у меня, на экипажъ, на дачу;

Но если накупишь могу я деревень,

Не глупо ли, когда случай къ шому ушрачу?

Такъ удержу чудесный кошелекъ:

Ужъ шакъ и бышь, еще я поговью

Одинъ денекъ,

А впрочемъ, вѣдь пожинъ всегда уснью.»

По чпо жъ? проходишь день, недѣля, мѣсяць годъ —

Бѣднякъ мой пошераль давно въ червонцахъ счѣпъ;

Межъ шѣмъ онъ скудно ѣшъ и скудно пѣпъ;

Но чупъ лишь день, а онъ оняпъ за шу жъ рабону.

День кончинся, и по его расчешу,

Ему всегда чего нибудь не доспаешъ.

Лишь кошелекъ несши сберешся,

То сердце у него сожмешся:

Придешъ къ рѣкѣ, — воропишся оняпъ.

«Какъ можно,» говоришь: «онъ кошелекъ опсшашъ,

Когда мнѣ золотио рѣкою само льешся?»

И наконецъ бѣднякъ мой посѣдѣль,

Бѣднякъ мой похудѣль;

Какъ золотио его, бѣднякъ мой пожелшѣль.

Ужъ и о пышноспи онъ боль не смекаешъ:

Онъ спалъ и слабъ и хилъ; здоровье и покой,

Ушрапилъ все; но все дрожащею рукой

Изъ кошелека червонцы вонъ шаскаешъ.

Таскаль, шаскаль . . . и чѣмъ же кончилъ онъ?

На лавкѣ, гдѣ своимъ богашшвомъ любовался,

На шой же лавкѣ онъ скончался,
Досчитывая свой девятый миллионъ.

VIII.

СОКОЛЬ И ЧЕРВЯКЪ.

Въ вершинѣ дерева за вѣтку уцѣпясь,

Червякъ на ней качался.

Надъ Червякомъ Соколь, по воздуху носясь,

Такъ съ высоты шумилъ и издѣвался:

— «Какихъ ты, бѣдненькій, прудовъ не перенёшь!

Что жъ прибыли, что ты высоко шакъ заползъ?

Какая у тебя и воля, и свобода?

И съ вѣткой гнешься ты, куда великъ погода.»

— «Тебѣ шумить легко.»

Червякъ опшвышснвуешъ: «Летая высоко,

За шѣмъ, что крыльями и силенъ ты, и крѣпокъ;

Но мнѣ судьба дала доспоинснва не шъ:

Я здѣсь на высотѣ

Тѣмъ только и держусь, что я, по счастью, цѣпокъ!»

IX.

ПУШЕКЪ И ПАРУСА.

На корабль у Пушекъ съ Парусами

Возстала спрашная вражда.

Вопль, Пушки выславаясь изъ порпоровъ вонъ носами,

Рошпали накъ предъ небесами:

«О, боги! видано ль когда,

Чшобы ничпное холспинное пворенье

Равнянсья въ пользахъ намъ имьло дерзновенье?

Чшд дьлающъ они во весь нашъ шрудный пушь?

Лишь шолько въшеръ спавель душь,

Они, надувъ спьсиво грудь,

Какъ будпо важнаго какого сану,

Несущся гоголемъ по Океану,

И шолько чванянсья; а мы — громимъ въ бояхъ!

Не нами ль царспвуетъ корабль нашъ на моряхъ?

Не мы ль несемъ съ собой повсюду смернь и спрахъ?

Ншьтъ, не хощимъ живъ боль съ Парусами;

Со всьми мы безъ нихъ управимся и сами;

Лепи же, помощи, могущий нашъ Борей,

И изорви въ клочки ихъ поскорь!»

Борей послушался — лепилъ,дохнулъ, и вскорь

Насушилось и почернело море;

Покрылись шучею шяжелой небеса;

Валы vzdымающся и рушансья какъ горы;

Громъ оглушаель слухъ; слышншь блескъ молнй взоръ;

Борей реветъ и рветъ въ лоскушья Паруса.

Неспало ихъ, ушншла непогода;

Но чшо жъ? Корабль безъ Парусовъ

Игрушкой спаль и въшровъ, и валовъ,

И носнсья онъ въ морь, какъ колода;

А въ первой вспрьтъ со врагомъ,

Кощорый вдоль его всьмъ борномъ спрашно грянулъ,

Корабль мой недвижимъ, спалъ скоро рѣшепомъ,
И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну кануль.

—
Держава всякая сильна,
Когда успроены въ ней всѣ премудро часни:
Оружіемъ — врагамъ она гроза;
А паруса — гражданскія въ ней власни.

—
X.

Б У Л А Т Ъ .

Булашной сабли оспрый клинокъ
Заброшенъ былъ въ желѣзный хламъ;
Съ нимъ вынесенъ на рынокъ,
И мужику задаромъ проданъ шамъ.

У мужика заги не велики:

Онъ опыскаль пошчасъ въ Булашь прокъ.
Мужикъ мой насадилъ на клинокъ черенокъ,
И спалъ Булапомъ драшь въ лѣсу на лапши лыки,
А дома запроспо лучину имъ щепашъ;
То въши у плешня, шо сучья обрубашъ,
Или обшесыванъ шычины къ огороду.
Ну шакъ, что не прошло и году,
Какъ мой Булашь въ зубцахъ и въ ржавчивѣ кругомъ,

И дѣши ѣздящъ ужъ на нѣмъ

Верхомъ.

Вошь ёжь, въ избѣ подь лавкой лежа,

Куда и клинокъ брошенъ былъ,

Однажды шакъ Булашу говорилъ:

— «Скажи, на что вся жизнь швоя похожа?

И если про Булашъ

Такъ много громкаго неложно говоряшъ,

Не спыдно ли шебъ щенашъ лучину,

Или обшесывашъ пычину,

И наконецъ игрушкой бышъ ребяшъ?»

— «Въ рукахъ бы война врагамъ я былъ ужасенъ,»

Булашъ опшѣспивуешъ: «а здѣсь мой даръ напрасенъ;

Такъ низкимъ лишь шрудомъ я заняшъ здѣсь въ дому:

Но развѣ я свободенъ?

Нышъ, спыдно шо не мнѣ, а спыдно лишь шому,

Кшо не умѣль поняшъ, къ чему я годенъ.»

XI.

К У Ш В Ц Ъ.

—«Поди-ка, брашъ, Андрей!

Куда шы шамъ зачалъ? поди сюда скорѣй,

Да подивуйся дядь!

Торгуй по моему, шакъ будешъ не въ накладъ.»

Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику Купецъ.

«Ты знаешь Польскаго сукна конецъ,
Копорый у меня шакъ долго залежался,
Запѣмъ, чпо онъ и шаръ, и подмоченъ, итнмль:
Вѣдь эшо я сукно за Англійское сбмль!
Вопъ, видишь, сей лишъ часъ взялъ за него сошнѣжку:
Богъ олушка послалъ.»

— «Все эшо, дядя, шакъ,» племянникъ опвѣчалъ:
«Да въ олуки-по, я не знаю, кпо попалъ:
Вглядисъ-ко: шы вѣдъ взялъ фальшивую бумажку.»

Обманушъ! обмануль Купецъ: въ шомъ дива нѣшъ;
Но если кпо на свѣшъ
Повыше лавокъ взглянешъ, —
Увидишъ, чпо и шамъ на шу же спашъ идешъ;
Почши у всѣхъ во всемъ одинъ расчешъ:
Кого кпо лучше проведешъ,
И кпо кого хипрѣй обманешъ.

ХІІ.

М П Р О Ш Ъ.

Жилъ въ городъ богачъ, по имени Миронъ.

Я нмѣ вспавиль здѣсь не съ шѣмъ, чшобъ спихъ
наполнишъ;

Нытъ, эшакихъ людей не худо имя помнишь.

На богача кричащъ со встѣхъ споронѣ
Сосѣди; а едва ль сосѣди и неправы,
Чшо будно у него въ шкашулкѣ миллионъ?
А бѣднымъ никогда не дашъ копѣйки онъ.

Кому не хоченя нажишь хорошей славы?
Чшобъ полкамъ о себѣ другой дашъ оборонъ,
Миронъ мой распушилъ въ народъ,
Чшо нищихъ впредь кормишь онъ буденъ по суббошамъ.

И подлинно, кшо ни приденъ къ ворошамъ —
Онъ ни запершы никакъ.

«Ахши!» подумаютъ: «бѣдвяжка раззорился!»

Не бойнешь, скряга умудрися:
Въ суббошу съ цѣпи онъ спускаетъ злыхъ собакъ;
И нищему не шо, чшобъ нишъ иль набдашься,
Дай Богъ, здоровому съ двора убраться.

Межъ шѣмъ Миронъ пошелъ едва не во свашныхъ.
Всѣ говорящъ: «Нельзя Мирону надивишься;
Жаль шолько, чшо собакъ шакихъ онъ держишь злыхъ,
И шрудно до него добинься:
А шо онъ радъ послѣднимъ подѣлишься.»

Виданъ случалось часшо мнѣ,
Какъ доспушъ не лежокъ въ высокiя палашы;
Да шолько все собаки виновашы —
Мироны жъ сами въ споронѣ.

ХІІІ.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

Лиса Крестьянину однажды говорила:

— «Скажи, кумь милый мой!

Чѣмъ лошадь онѣ шебя шакъ дружбу заслужила,

Чшо, вижу я, она всегда съ побой?

Въ довольствѣ держишь ты ее и въ холѣ;

Въ дорогу ль — съ нею ты, и часно съ нею въ полѣ;

А вѣдь изъ всѣхъ звѣрей

Едва ль она не всѣхъ глупѣй.»

— «Эхъ, кумушка, не въ разумѣ шупь сила!»

Крестьянинъ опвѣчалъ: «все эшо суеша.

Цѣль у меня совсѣмъ не ша:

Мнѣ нужно, чшобъ она меня возила,

Да чшобы слушалась кнуша.»

XIV.

О С Е Л Ъ.

Быль у крещьянина Осель,
И шакъ себя, казалось, смирно вель,
Что мужичку не лъзя имъ было нахвалишься;
А чшобы онъ въ лѣсу пропасшь не могъ —
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой Осель; спалъ важничашъ, гордишься
(Про орденъ, конечно, онъ слыхалъ),
И думаешъ шеперь: большой онъ баринъ спалъ;
Но вышелъ новый чинъ Ослу, бѣдняжкъ, сокомъ
(То можешъ не однимъ Осламъ служишь урокомъ).
Сказашъ вамъ должно наперѣдъ,
Въ Ослѣ не много чеспи было;
Но до звонка ему все стасшливо сходило:
Зайдешъ ли въ рожъ, въ овесъ, иль въ огородъ, —
Наѣсися досыща, и выйдешъ шихомолкомъ.
Теперь пошло инымъ все шолкомъ:
Куда не сунешся мой знашный господинъ,
Безъ умолку звенишь на шеѣ новый чинъ.
Глядяшъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняешъ шо изъ ржи, шо съ грядъ мою скопину;
А памъ сосѣдъ въ овсѣ, услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочашъ бока.
Ну шакъ чшо бѣдный нашъ вельможа

До осени зачахъ,
И коспи у Осла оспались лишь, да кожа.

И у людей въ чинахъ
Съ плунами ша жь бѣда: пока чинъ малъ и бѣдень,
То плушь не шакъ еще примыпенъ;
Но важный чинъ на плушь какъ звонокъ:
Звукъ опъ него и громокъ, и далёкъ.

XV.

Ф И Л И Н Ъ Ш О С Е Л Ъ.

Сльпой Осель въ лѣсу съ дороги сбился
(Онъ въ дальный пушь, было, пуснился),
Но къ ночи въ чащу шакъ забрель мой сумазбродъ,
Чпо двинушь не могъ ни взадъ онъ, ни впередъ,
И зрячему бы пушь не выйши изъ хлопощъ;
Но Филинъ вблизиоспи, по счаспю, случился,
И взялся бынъ Ослу проводникомъ.
Всѣ знающъ, Филины какъ ночью зорки:
Сспремнины, рвы, бугры, пригорки,
Все это различалъ мой Филинъ будпо днѣмъ.
И къ упру выбрался на ровный пушь съ Осломъ.
Ну, какъ съ проводникомъ шакимъ распашься?

Вошь проситъ Филина Осель, чпобъ съ нимъ оспапьяся,
И вздумалъ изойти онъ съ Филиномъ весь свѣпья.

Мой Филинъ господиномъ

Усьлся на хребтѣ ослиномъ,

И спали пушь держашь; счаспиво ль шолько? нѣпья:

Лишь солнце на небѣ поушпру заиграло,

У Филина въ глазахъ шемпѣ ночи спало.

Однако жъ Филинъ мой упрямя;

Ослу совѣпуешъ и вкось и впрямя —

«Осперегись!» кричипья: «направо будемъ въ лужѣ.»

Но лужи не было, а влѣво вышло хуже.

«Еще лѣвѣй возьми, еще лѣвѣе шагъ!»

И — бухъ Осель и съ Филиномъ въ оврагъ.

XVI.

СОБАКА И ЛОШАДЬ.

У одного креспьянина служба,

Собака съ Лошадью счипашьяся какъ-шо спали.

— «Вошь» говорипья Барбось: «большая госпожа!

По мяѣ хопъ бы шебя совсьемъ съ двора согнали.

Велика вещь возипья или пахашья!

Объ удалѣшпвѣ швоемъ другаго не слыхашья;

И можно ли шебѣ равнпашья въ чемъ со мною?

Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою.

Днемъ спадо подѣ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я сперегу.»
— «Конечно,» Лошадь опивчала:
«Твоя правдива рѣчь;
Однако же, когда бѣ я не пахала,
То нечего бѣ тебѣ здѣсь было и сперечь.»

XVII.

Л Е В Ъ.

Когда ужъ Левъ спалъ хилъ и спаръ,
То жеспкая ему поспеля надобла:
Въ ней больно и кошиямъ; она жъ его не грѣла.
И вопшъ съываетъ онъ къ себѣ своихъ бояръ,
Медвѣдей и волковъ пушистыхъ и космашныхъ,
И говоришь: — «Друзья! для спарика
Поспелъ моя ужъ черезчуръ жеспка:
Такъ, какъ бы не плягча ни бѣдныхъ, ни богашныхъ,
Мнѣ шерспни пособишь,
Чшобъ не на голыхъ камняхъ спашъ.»
— «Свѣшльшій Левъ!» опившпшвуютъ вельможи:
«Кшо спанешъ для тебѣ жалшь своей,
Не шолько шерспни — кожи,
И мало ли у насъ мохнашныхъ здѣсь звѣрей:
Олени, серны, козы, лани,

Они почти не плачяпть дани;
Набрапть съ нихъ шерспн поскоръй.
Опть ошого ихъ не убудепть;
Напрошивъ, имъ же легче будепть.»

И попчасть выполненъ совѣпть премудрый сей;
Левъ не нахвалипся усердіемъ друзей.
Но въ чемъ же шо они усердіе явили?
Тѣмъ, что бѣдняжекъ захванчили

И дочиспа обрили:

А сами вдвое хошъ богаче шерспню были —
Не поспунилися своимъ ни волоскомъ;
Напрошивъ, всякъ изъ нихъ, кшо близко шупть случился,
Изъ шой же дани поживился —
И на зиму себъ запаса шпофякомъ.

XVIII.

З М Ъ Я.

Змья Юпипера просила,
Чтобъ голосъ дапть ей соловья.

— «А шо ужъ,» говорипть: «мнѣ жизнь моя поспыла:

Куда ни покажуся я,
То все меня дичапся,
Кшо послабѣй;
А кшо меня сильнѣй,

Дай Богъ ошь птѣхъ живой убраться.

Нѣтъ, жизни эшакой я боль не снесу.

А если бь соловьемъ запѣла я въ лѣсу,

То, возбуда бы удивленье,

Снискала бы любовь и, можешь бышь, почтение,

И спала бы душой веселыхъ я бесѣдь.»

Исполнилъ Юпиперь Змѣи прошение;

Шиньня гнуснаго пропаль у ней и слѣдь.

На дерево всползя, Змѣя на немъ засѣла;

Прекраснымъ соловьемъ Змѣя моя запѣла,

И спал, было, пшиць опвсюду къ ней подѣла;

Но, возряся въ пѣвца, всь съ дерева дождемъ.

Кому понравился шакой пріемъ?

— «Ужли вамъ голосъ мой прошивень?»

Въ досады говоришь Змѣя.

— «Нѣтъ,» опвѣчалъ скворецъ: «ошь звучень, дивень

Поешь, конечно, шы не хуже соловья;

Но, признаюсь, въ насъ сердце задрожало,

Когда увидѣли швое мы жало:

Намъ спрашно вмѣситъ бышь съ шобой.

И шакъ скажу шебъ, не для досады:

Твоихъ мы пѣсень слушашь рады —

Да шолько шы ошь насъ подалъ пой.»

ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,

Не въ госпи, но живонъ спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ.

Охотники за нимъ гнались и гончихъ спая.

Онъ радъ бы въ первые пушъ шмыгнушъ воропа.

Да шо лишь горе,

Чшо всъ воропа на запоръ.

Вонъ видншъ Волкъ мой, на заборъ

Коша,

И молншъ: — «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,

Кшо здѣсь изъ мужничковъ добрѣе,

Чшобы укрпшъ меня онъ злыхъ моихъ враговъ?

Ты слышишъ лай собакъ и спрашншй звукъ роговъ!

Все это вѣдь за мной.» — «Проси скорѣй Степана;

Мужикъ предобрый онъ,» Конъ-васька говорншъ.

— «То шакъ; да у него я ободралъ барана.»

— «Ну пошншайся жъ у Демьяна.»

— «Боюсь, чшо на меня и онъ сердншъ:

Я у него унесъ козленка.»

— «Бѣги жъ, вонъ шамъ живешъ Троенмъ.»

— «Къ Троенму? нѣшъ, боюсь и вспрѣшншсь я съ нимъ:

Онъ на меня съ весны грозншсь за ягненка!»

— «Ну плохо жъ! — Но, авось шебя укроешъ Климъ!»

— «Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я шеленка!»

— «Что вижу, кумь! Ты всемъ въ деревнѣ насолилъ.»

Сказалъ шупъ Васька Волку:

«Какую жь ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нынѣ, въ нашихъ мужичкахъ не сполько мало шолку,

Чтобъ на свою бѣду себя спасли они.

И правы, — самъ себя вини.

Что ты посяялъ — то и жни.»

XX.

Л Е Щ И.

Въ саду у барина въ прудѣ,

Въ прекрасной ключевой водѣ

Лещи водились.

Спашицами они у берега рѣзвились,

И золотые дни, казалось, имъ капились.

Какъ вдругъ

Къ нимъ баринъ напустилъ вельмъ съ полсошши щукъ.

— «Помилуй!» говоришь его, шо слыши, другъ:

«Помилуй, что ты затѣваешь?

Какого ждашь оиъ щукъ добра:

Вѣдь не оспанеши Лещей здѣсь ни пера.

Иль жадноши ты щукъ не знаешь?»

— «Не шрашъ своихъ рѣчей.»

Бояринъ ошвѣчалъ съ улыбкою: «все знаю;

Да шолько вѣданы я желаю,
Съ чего ны взялъ, что я охотникъ до Лещей?»

XXI.

Т Р И М У Ж И Ч К А .

Три Мужичка зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Пиперь, они извозомъ промышляли;
Поработали, погуляли,
И нуль пиперь домой на родину держали.
А шакъ какъ Мужичекъ не любилъ шощей спать,
То ужинашъ себѣ спросили госни наши.

Въ деревнѣ что за разносомъ:

Поставили пущныхъ имъ чашку щей на споль,
Да хлеба подали, да, что оспалось, кашни.
Не шо бы въ Пиперь, — да не о шомъ ужъ рѣчь;
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.

Вопь Мужички перекрестились,

И къ чашѣ приопились.

Какъ шушь одинъ, посмышливый изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для шроихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ шѣмъ поправитъ
(Гдѣ силой взять пельзя, шамъ надо полукавитъ)
— «Ребята,» говоритъ: «вы знаете Фому,
Вѣдь въ нышней наборъ забрѣютъ лобъ ему.»

— «Какой наборъ?» — «Да шакъ.» — «Есть слухъ-война
съ Кипаемъ:

Нашъ Бапюшка вельмъ взять дань съ Кипайцевъ чаемъ.»

Тутъ двое принялись судить и разсуждать,

(Они же грамошъ, къ несчастью, знали:

Газетны и, подъ часъ, реляціи чинали),

Какъ бышь войнъ, кому повелѣанъ.

Пуспилися мои ребяпа въ разговоры,

Пошли догадки, шолки, споры;

А нашъ шого лукавецъ и хошъяль:

Пока они судили, да рядили,

Да войска разводили,

Онъ ни гугу — и щи и кашу, все прѣвль.

Иному, до чего пѣць дѣла,

О шомъ шолкуепъ онъ охошье всего,

Чшѡ буденъ съ Индіей, когда и онъ чего,

Такъ ясно для него;

А поглядить — у самого

Деревня между глазъ сторвля.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

(*Басни, отличенныя звѣздочкою, значатъ переводъ,
или подражаніе.*)

КНИГА ПЕРВАЯ.

	Стран.
I. Ворона и Лисица *	1
II. Дубъ и Трость *	2
III. Музыканшы	4
IV. Два Голубя *	5
V. Лягушка и Волъ *	9
VI. Ворона и Курица	10
VII. Ларчикъ	11
VIII. Морь Звѣрей *	12
IX. Пылухъ и Жемчужное Зерно *	16
X. Разборчивая Невѣста *	17
XI. Волкъ и Ягненокъ *	19
XII. Парнасъ	21
XIII. Левъ и Комарь *	22
XIV. Оракулъ	24
XV. Роца и Огонь	25
XVI. Лягушки, просящія Царя *	27
XVII. Спарикъ и шрое Молодыхъ *	30
XVIII. Орелъ и Куры	32
XIX. Муха и Дорожные *	33
XX. Обезьяны	35

	Стран.
XXI. Пусшынникъ и Медвѣдь *	37
XXII. Спърькоза и Муравей *	39
XXIII. Кваршентъ	41

КНИГА ВТОРАЯ.

I. Чижъ и Ежъ	43
II. Левъ на ловлѣ *	44
III. Синица	45
IV. Осель	47
V. Червонецъ	49
VI. Безбожники	50
VII. Марпышка и Очки	52
VIII. Троеженецъ	53
IX. Левъ и Барсъ	54
X. Вельможа и Философъ	56
XI. Раздѣлъ	57
XII. Собачья дружба	58
XIII. Бочка	60
XIV. Прохожіе и Собаки	61
XV. Волкъ на псаривъ	62
XVI. Лжець	64
XVII. Ручей	66
XVIII. Лисица и Сурокъ	68
XIX. Заяць на ловлѣ	70
XX. Орель и Пчела	71
XXI. Щука и Кошь	72
XXII. Волкъ и Кукушка	74
XXIII. Креспьянинъ и Рабошникъ	75
XXIV. Обозъ	77
XXV. Демьянова Уха	78

КНИГА ТРЕТІЯ.

	Стран.
I. Опікущикъ и Сапожникъ *	81
II. Воронскъ *	84
III. Крестьянинъ и Смерть *	86
IV. Подагра и Паукъ *	87
V. Лисица и Виноградъ *	90
VI. Осель и Соловей	91
VII. Слонь на Воеводство	92
VIII. Крестьянинъ въ бѣдѣ	93
IX. Хозяинъ и Мыши	95
X. Слонь и Моська	96
XI. Волкъ и Волчонокъ	97
XII. Обезьяна	99
XIII. Совѣтъ Мышей	100
XIV. Мышокъ	102
XV. Котъ и Повадь	104
XVI. Огородникъ и Философъ	106
XVII. Крестьянинъ и Лисица	108
XVIII. Воспитаніе Льва	110
XIX. Лисны и Корни	114
XX. Гуси	115
XXI. Свинья	117
XXII. Орелъ и Паукъ	118

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Лапъ и Дервишъ	121
II. Орелъ и Крошъ	122
III. Волкъ и Лисица	124
IV. Бумажный Змѣй	125
V. Дерево	126

	Стран.
VI. Лебедь, Щука и Ракъ	127
VII. Собака	128
VIII. Механикъ	129
IX. Прудъ и Рѣка	150
X. Триницнѣ Каѣшанѣ	153
XI. Крестьянинъ и Разбойникъ	154
XII. Цѣвны	155
XIII. Любоньшннй	156
XIV. Мѣрекал Сходка	157
XV. Крестьянинъ и Змѣя	158
XVI. Скворецъ	159
XVII. Волкъ и Журавль *	141
XVIII. Пожаръ и Алмазь	142
XIX. Крестьяне и Рѣка	143
XX. Добрая Лиенца	144
XXI. Воломазы	146

КНИГА ПЯТАЯ.

I. Чижъ и Голубъ	151
II. Хмѣль	152
III. Мѣшь и Крыса	153
IV. Госпожа и двѣ Служанки *	155
V. Камень и Червякъ	156
VI. Медвѣдь у Ицель	156
VII. Юрь и Всадникъ	158
VIII. Зеркало и Обезьяна	160
IX. Комаръ и Пастухъ	161
X. Рѣцарь	162
XI. Тѣнь и Человѣкъ	163
XII. Крестьянинъ и Топоръ	164

	Стран.
XIII. Туча	165
XIV. Левъ и Волкъ	165
XV. Собака, Человѣкъ, Кошка и Соколъ	166
XVI. Волкъ и Пастухи *	168
XVII. Слоны въ случаѣ	169
XVIII. Клевешникъ и Змѣя	170
XIX. Фортуна и Нищій	171
XX. Лягушка и Юпитеръ	174
XXI. Лиса - Строитель	175
XXII. Напраслина	177
XXIII. Фортуна въ Гостяхъ	178

КНИГА ШЕСТАЯ.

I. Кукушка и Горлянка	181
II. Скупой и Курица *	185
III. Дѣв Бочки	184
IV. Алкидъ *	185
V. Анемесъ и Осленокъ	186
VI. Водонадъ и Ручей	187
VII. Охотникъ	187
VIII. Пловецъ и Море *	189
IX. Крестьянинъ и Змѣя	190
X. Левъ и Лисица *	191
XI. Муравей	191
XII. Овцы и Собаки	195
XIII. Гребень	194
XIV. Осель и Мужикъ	196
XV. Медведъ въ сѣняхъ	197
XVI. Колосъ	198
XVII. Мальчикъ и Червякъ	200

	Стран.
XVIII. Пастухъ и Море *	202
XIX. Похороны	204
XX. Мальчикъ и Змѣя *	205
XXI. Пчела и Мухи	206
XXII. Трудолюбивый Медведь	207
XXIII. Мошь и Ласточка *	208
XXIV. Ягненокъ	209
XXV. Сочинитель и Разбойникъ	211

КНИГА СЕДЬМАЯ.

I. Василекъ	215
II. Булыжникъ и Алмазь	217
III. Пляшица	218
IV. Паукъ и Пчела	221
V. Крестьянинъ и Змѣя	222
VI. Конекъ и Горшокъ	223
VII. Левъ состарѣвшійся *	225
VIII. Лисица и Осель *	226
IX. Свиныя подъ Дубомъ	227
X. Муха и Пчела	228
XI. Мельникъ	250
XII. Змѣя и Овца	251
XIII. Дикія Козы *	252
XIV. Голикъ	254
XV. Богачъ и Поешь	254
XVI. Соловьи	256
XVII. Крестьянинъ и Овца	257
XVIII. Скупой	258
XIX. Волкъ и Мышеловъ	240
XX. Два Мужика	241

	Стран
XXI. Рыбы Пляски	245
XXII. Кошенокъ и Свиорець	245
XXIII. Двѣ Собаки	246
XXIV. Кошка и Соловей	248
XXV. Прихожанинъ	249
XXVI. Ворона	251

КНИГА ОСЬМАЯ.

I. Крестьянинъ и Лошадь	255
II. Быка	254
III. Щука	255
IV. Кукушка и Орелъ	257
V. Левъ, Серна и Лиса	257
VI. Бришвы	259
VII. Бѣдный Богачъ	260
VIII. Соколъ и Червякъ	265
IX. Пушки и Паруса	265
X. Буланъ	265
XI. Купецъ	266
XII. Миронъ	267
XIII. Крестьянинъ и Лиенца	269
XIV. Осель	270
XV. Фильмиъ и Осель	271
XVI. Собака и Лошадь	272
XVII. Левъ	273
XVIII. Змѣя	274
XIX. Волкъ и Котъ	276
XX. Лещи	277
XXI. Трѣ Мужика	278

АЛФАВИТЪ БАСНЯМЪ.

А.

Алкидъ	Книга VI. Баснь	4
Алмазь (Бульжникъ и)	— VII. —	2
Алмазь (Пожаръ и)	— IV. —	18
Апеллесъ и Ослепокъ	— VI. —	5

Б.

Барсъ (Левъ и)	— II. —	9
Безбожники	— II. —	6
Богачъ (Бѣдный)	— VIII. —	7
Богачъ и Поэтъ	— VII. —	15
Бочка	— II. —	13
Бочки (дѣл)	— VI. —	3
Бритвы	— VIII. —	6
Булань	— VIII. —	10
Бульжникъ и Алмазь	— VII. —	2
Бумажный Змѣй	— IV. —	4
Бѣдный Богачъ	— VIII. —	7
Бѣлка	— VIII. —	2

В.

Василекъ	— VII. —	1
Вельможа и Философъ	— II. —	10
Виноградъ (Лисца и)	— III. —	5
Водомазы	— IV. —	21
Водопадъ и Русей	— VI. —	6
Волкъ и Волченокъ	— III. —	11
Волкъ и Журавль	— IV. —	17

Волкъ и Кошъ	Книга VIII. Баснь	19
Волкъ и Кукушка	— II.	— 22
Волкъ (Левъ и)	— V.	— 14
Волкъ и Лисица	— IV.	— 5
Волкъ и Мышенокъ	— VII.	— 19
Волкъ на Псарь	— II.	— 15
Волкъ и Пастухи	— V.	— 16
Волкъ и Ягненокъ	— I.	— 11
Волченокъ (Волкъ и)	— III.	— —
Воль (Ягушка и)	— I.	— 5
Ворона	— VII.	— 26
Ворона и Курица	— I.	— 6
Ворона и Лисица	— I.	— 1
Вороненокъ	— III.	— 2
Воспитаніе Льва	— III.	— 18
Всадникъ (Конь и)	— V.	— 7

Г.

Голникъ	— VII.	— 14
Голубъ (Чижъ и)	— V.	— 1
Голубя (два)	— I.	— 4
Горница (Кукушка и)	— VI.	— 1
Горшокъ (Котелъ и)	— VII.	— 6
Госпожа и двѣ Служанки	— V.	— 4
Гребень	— VI.	— 15
Гуси	— III.	— 20

Д.

Два Голубя	— I.	— 4
Два Мужика	— VII.	— 20
Двѣ Бочки	— VI.	— 5
Двѣ Собаки	— VII.	— 25
Демьянова Уха	— II.	— 25

Дервишь (Лань и)	Книга IV.	Баснь	1
Дерево	—	IV.	— 5
Дикія Козы	—	VII.	— 15
Добрая Лисица	—	IV.	— 20
Дорожные (Муха и)	—	I.	— 19
Дружба (Собачья)	—	II.	— 12
Дубъ и Тростпь	—	I.	— 2

Е.

Ежъ (Члкъ и)	—	II.	— 1
------------------------	---	-----	-----

Ж.

Жемужное Зерно (Пшпухъ и)	—	I.	— 9
Журавль (Вомкъ и)	—	IV.	— 17

З.

Заяць на ловль	—	II.	— 19
Зврьей (Моръ)	—	I.	— 8
Зеркало и Обезьяна	—	V.	— 8
Змьй (Бумажный)	—	IV.	— 4
Змья	—	VIII.	— 18
Змья (Крестьянинъ и)	—	IV.	— 15
_____	—	VI.	— 9
_____	—	VII.	— 5
Змья (Клеветникъ и)	—	V.	— 18
Змья (Мальчикъ и)	—	VI.	— 20
Змья и Овца	—	VII.	— 12

К.

Камень и Червякъ	—	V.	— 5
Кафанъ (Тришкинъ)	—	IV.	— 10
Кварцетъ	—	I.	— 23
Клеветникъ и Змья	—	V.	— 18

Козы (Дигія)	Книга VII. Баснь	13
Колосъ	— VI.	— 16
Комаръ (Левъ и)	— I.	— 13
Комаръ и Паснухъ	— V.	— 9
Конь и Всадникъ	— V.	— 7
Корни (Лисны и)	— III.	— 19
Копель и Горшокъ	— VII.	— 6
Кошенокъ и Скворецъ	— VII.	— 22
Кошъ (Волкъ и)	— VIII.	— 19
Кошъ и Поваръ	— III.	— 15
Кошъ (Щука и)	— II.	— 21
Кошка (Собака, Человѣкъ) и Соколъ	— V.	— 15
Кошка и Соловей	— VII.	— 24
Крестьяне и Рыба	— IV.	— 19
Крестьяне въ бѣдѣ	— III.	— 8
Крестьянинъ и Змѣя	— IV.	— 15
-----	— VI.	— 9
-----	— VII.	— 5
Крестьянинъ и Лисица	— III.	— 17
-----	— VIII.	— 13
Крестьянинъ и Лошадь	— VIII.	— 1
Крестьянинъ и Овца	— VII.	— 17
Крестьянинъ и Работникъ	— II.	— 23
Крестьянинъ и Разбойникъ	— IV.	— 11
Крестьянинъ и Смерть	— III.	— 3
Крестьянинъ и Тоноръ	— V.	— 12
Крошъ (Орелъ и)	— IV.	— 2
Крыса (Мышь и)	— V.	— 3
Кукушка (Волкъ и)	— II.	— 22
Кукушка и Горланка	— VI.	— 1
Кукушка и Орелъ	— VIII.	— 4

Купецъ	Книга VIII. Баснь	11
Курица (Ворона и)	— I.	— 6
Курица (Скупой и)	— VI.	— 2
Куры (Орель и)	— I.	— 18

Л.

Лапъ и Девшишь	— IV.	— 7
Ларчикъ	— I.	— 7
Ласпючка (Мопъ и)	— VI.	— 23
Левъ	— VIII.	— 17
Левъ и Барсъ	— II.	— 9
Левъ и Волкъ	— V.	— 14
Левъ и Комаръ	— I.	— 13
Левъ и Лисица	— VI.	— 10
Левъ на Ловль	— II.	— 2
Левъ, Серна и Лиса	— VIII.	— 5
Левъ состарѣвшійся	— VII.	— 7
Лебедь, Шуха и Ракъ	— IV.	— 6
Лещи	— VIII.	— 20
Лжець	— II.	— 16
Лиса, (Левъ) и Серна	— VIII.	— 5
Лиса-Спронпель	— V.	— 21
Лисица и Виноградъ	— III.	— 5
Лисица (Волкъ и)	— IV.	— 3
Лисица (Ворона и)	— I.	— 1
Лисица (добрая)	— IV.	— 20
Лисица (Крестьянинъ и)	— III.	— 17
_____	— VIII.	— 13
Лисица (Левъ и)	— VI.	— 10
Лисица и Осель	— VII.	— 8
Лисица и Сурокъ	— II.	— 18

Листы и Корни	Книга III. Баснь	19
Лошадь (Крестьянинъ и)	— VIII.	— 1
Лошадь (Собака и)	— VIII.	— 16
Льва (Воспитаніе)	— III.	— 18
Любопытный	— IV.	— 13
Лягушка и Волъ	— I.	— 5
Лягушка и Юпитеръ	— V.	— 20
Лягушки, прослція Царя	— I.	— 16

М.

Мальчикъ и Змѣя	— VI.	— 20
Мальчикъ и Червякъ	— VI.	— 17
Маршанка и Очки	— II.	— 7
Медвѣдь въ Сѣняхъ	— VI.	— 15
Медвѣдь (Пустынный и)	— I.	— 21
Медвѣдь (шудолобный)	— VI.	— 22
Медвѣдь у пчель	— V.	— 6
Мельникъ	— VII.	— 11
Механикъ	— IV.	— 8
Миронъ	— VIII.	— 12
Мірекая Сходка	— IV.	— 14
Море (Пастухъ и)	— VI.	— 18
Море (Пловець и)	— VI.	— 8
Моръ Звѣрей	— I.	— 8
Моська (Слонъ и)	— III.	— 10
Мопъ и Ласточка	— VI.	— 25
Мужика (два)	— VII.	— 20
Мужика (три)	— VIII.	— 21
Мужикъ (Осель и)	— VI.	— 14
Музыканты	— I.	— 5
Муравей	— VI.	— 11
Муравей (Спръхожа и)	— I.	— 22

Муха и Дорожные	Книга I. Баснь	19
Муха и Пчела	— VII.	— 10
Мухи (Пчела и)	— VI.	— 21
Мышей (Совѣтъ)	— III.	— 13
Мышепокъ (Волкъ и)	— VII.	— 19
Мыши (Хозяинъ и)	— III.	— 9
Мышь и Крыса	— V.	— 3
Мышокъ	— III.	— 14

Н.

Напраслица	— V.	— 22
Невѣста (разборчивая)	— I.	— 10
Пищій (Фортуна и)	— V.	— 19

О.

Обезьяна	— III.	— 12
Обезьяна (Зеркало и)	— V.	— 8
Обезьяны	— I.	— 20
Обозъ	— II.	— 24
Овца (Змѣя и)	— VII.	— 12
Овца (Крестъянинъ и)	— VII.	— 17
Овцы и Собаки	— VI.	— 12
Огонь (Рожа и)	— I.	— 15
Огородникъ и Философъ	— III.	— 16
Оракулъ	— I.	— 14
Орелъ и Крохъ	— IV.	— 2
Орелъ (Кукушка и)	— VIII.	— 4
Орелъ и Куры	— I.	— 18
Орелъ и Наука	— III.	— 22
Орелъ и Пчела	— II.	— 20
Оселя	— II.	— 4
Оселя	— VIII.	— 14
Оселя (Лисица и)	— VII.	— 8

Осель и Мужикъ	Книга VI.	Баснь	14
Осель и Соловей	— III.	—	6
Осель (Филиппъ и)	— VIII.	—	15
Осленокъ (Апеллестъ и)	— VI.	—	5
Опскущикъ и Сапожникъ	— III.	—	1
Охотникъ	— VI.	—	7
Очки (Марышка и)	— II.	—	7

II.

Парнасъ	— I.	—	12
Паруса (Пушки и)	— VIII.	—	9
Пастухи (Волкъ и)	— V.	—	16
Пасухъ (Комаръ и)	— V.	—	9
Пасухъ и Море	— VI.	—	18
Паукъ (Орелъ и)	— III.	—	22
Паукъ (Подагра и)	— III.	—	4
Паукъ и Пчела	— VII.	—	4
Пловецъ и Море.	— VI.	—	8
Плющичка	— VII.	—	3
Пляски (Рыбьи)	— VII.	—	21
Поваръ (Котъ и)	— III.	—	15
Подагра и Паукъ	— III.	—	4
Псэнь (Богачъ и)	— VII.	—	15
Пожаръ и Алмазь	— IV.	—	18
Похороны	— VI.	—	19
Прихожаннѣ	— VII.	—	25
Прохожіе и Собаки	— II.	—	14
Прудъ и Рѣка	— IV.	—	9
Пустынный и Медведь.	— I.	—	21
Пушки и Паруса	— VIII.	—	9
Пчела (Муха и)	— VII.	—	10
Пчела и Мухи	— VI.	—	21

Пчела (Орель и)	Книга II. Баснь	20
Пчела (Паукъ и)	— VII.	— 4
Пшухъ и Жемчужное Зерно	— I.	— 9

Р.

Работникъ (Крестьянинъ и)	— II.	— 23
Разбойникъ (Крестьянинъ и)	— IV.	— 11
Разбойникъ (Сочинитель и)	— VI.	— 25
Разборчивая Невѣста	— I.	— 10
Раздѣлъ	— II.	— 11
Ракъ (Лебедь, Шука и)	— IV.	— 6
Роза и Огонь	— I.	— 15
Ручей	— II.	— 17
Ручей (Водопадъ и)	— VI.	— 6
Рыбы Пляски	— VII.	— 21
Рыцарь	— V.	— 10
Рѣка (Крестьяне и)	— IV.	— 19
Рѣка (Прудъ и)	— IV.	— 9

С.

Сапожникъ (Опшукщикъ и)	— III.	— 1
Свинья	— III.	— 21
Свинья подъ Дубомъ	— VII.	— 9
Серна, (Левъ) и Лиса	— VIII.	— 5
Синица	— II.	— 3
Скворецъ	— IV.	— 16
Скворецъ (Кошенокъ и)	— VII.	— 22
Скуной	— VII.	— 18
Скуной и Курница	— VI.	— 2
Слонъ въ случаѣ	— V.	— 17
Слонъ и Мышка	— III.	— 10
Слонъ на Возводствѣ	— III.	— 7
Служанки (Госпожа и двѣ)	— V.	— 4

Смерть (Крестьянинъ и)	Книга III. Часть 3	
Собака	— IV. —	7
Собака и Лошадь	— VIII. —	16
Собака, (Человѣкъ, Кошка) и Соколы	— V. —	15
Собаки (Дѣвъ)	— VII. —	25
Собаки (Овцы и)	— VI. —	12
Собаки (Прохожіе и)	— II. —	14
Собачья Дружба	— II. —	12
Собѣтъ Мышей	— III. —	13
Соколы и Червякъ	— VIII. —	8
Соловей (Кошка и)	— VII. —	24
Соловей (Оселя и)	— III. —	6
Соловьи	— VII. —	16
Сочинитель и Разбойникъ	— VI. —	25
Спарикъ и Трое Молодыхъ	— I. —	17
Спирьгоза и Муравей	— I. —	22
Сурокъ (Лисица и)	— II. —	18
Сходка (мірская)	— IV. —	14

Т.

Топоръ (Крестьянинъ и)	— V. —	12
Три Мушкетера	— VIII. —	21
Тришкинъ Капитанъ	— IV. —	10
Троюнецъ	— II. —	8
Трость (Дубъ и)	— I. —	2
Трудолюбивый Медведь	— VI. —	22
Туча	— V. —	15
Тѣнь (Человѣкъ и)	— V. —	11

У.

Уха (Дезьянова)	— II. —	25
---------------------------	---------	----

Ф.

Филинъ и Осель	— VIII. —	15
--------------------------	-----------	----

Философъ (Вельможа и)	Книга II. Баснь	10
Философъ (Огородникъ и)	— III.	— 16
Фортуна въ госпяхъ	— V.	— 23
Фортуна и Нищій	— V.	— 19

X.

Хмѣль	— V.	— 2
Хозяинъ и Мыши	— III.	— 9

Ц.

Цвѣшы	— IV.	— 12
-----------------	-------	------

Ч.

Червякъ (Камень и)	— V.	— 5
Червякъ (Мальчикъ в)	— VI.	— 17
Червякъ (Соколы и)	— VIII.	— 8
Человѣкъ, (Собака), Кошка и Соколы	— V.	— 15
Человѣкъ (Тѣнь и)	— V.	— 11
Червонецъ	— II.	— 5
Чижъ (Голубъ и)	— V.	— 1
Чижъ (Ежъ и)	— V.	— 1

Щ.

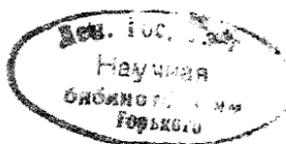
Щука	— VIII.	— 5
Щука и Кошъ	— II.	— 21
Щука (Лебедь) и Ракъ	— IV.	— 6

Ю.

Юпитеръ (Лгушка и)	— V.	— 20
------------------------------	------	------

Я.

Ягненокъ	— VI.	— 24
Ягненокъ (Волкъ и)	— I.	— 11

СПбГУ

СПбГУ

СП6Гу

СПбГУ

